

ДЕСМОНД МОРРИС

ЛЮДСКОЙ ЗВЕРИНЕЦ

НОВАЯ ЗВЕРИКА

Английский зоолог Десмонд Моррис — создатель фильмов, посвященных поведению человека и животных, автор множества научных трудов и увлекательнейших научно-популярных книг. "Людской зверинец" — своего рода продолжение его знаменитой книги "Голая обезьяна".

Интересно, что за несколько десятилетий книга ни разу не перерабатывалась, несмотря на огромное количество открытий сделанных в данной области с того времени.

Однако, по словам В. Дольника, выступившего научным редактором русского перевода "Критика автором современной цивилизации не нова, но зато очень оригинальна — с особых, неожиданных позиций. Читая книги Морриса, вы и вдоволь посмеетесь, и будете негодовать, но главное — узнаете много нового".

То есть читать можно и даже нужно, но не ради знания, а ради повода задуматься.

- [Десмонд Моррис. Людской зверинец](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [ВВЕДЕНИЕ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
-

Десмонд Моррис. Людской зверинец

Изучение городского животного, выполненное классическим зоологом

ПРЕДИСЛОВИЕ

С тех пор, как книга "Людской зверинец" (The Human Zoo) была опубликована впервые, прошло более четверти века. За это время население Земли удвоилось — с трёх миллиардов до шести, и эти чудовищные темпы роста продолжают неуклонно увеличиваться. В результате всё более многочисленные толпы людей переполняют города — эти огромные "людские зверинцы". Как ни печально, но проблема, которую я затронул, в настоящее время стала ещё более острой. Поэтому я счастлив, что теперь книга переживает своё второе рождение (Впервые книга была опубликована в 1969 г., второе издание увидело свет в 1996 г.).

За время, прошедшее между первым и вторым изданием, я не преминул воспользоваться шансом поближе рассмотреть некоторые наиболее показательные особенности "людского зверинца". Когда телекомпания «ВВС» решила взять мою книгу за основу одной из своих новых программ, на съёмках я познакомился с последними достижениями урбанизации. В трущобах Бомбея, самых страшных трущобах мира, я увидел, насколько могут быть спрессованы человеческие жилища, — даже самые допотопные клетки для животных по сравнению с ними кажутся роскошными апартаментами. В Токио миниатюризация жилья дошла до такой степени, что номера в некоторых гостиницах представляют собой этакие забавные капсулы, куда проживающие втискиваются, как в коконы, и чувствуют себя всё равно что в гробу, оснащённом кондиционером и кабельным телевидением.

В Лос-Анджелесе я исследовал самые недра гангстерских районов и убедился, что междоусобные распри вовсе не канули в Лету. Самый большой город на Земле (сейчас его площадь равна половине Бельгии) поделён разными группировками на сектора с чёткими и неприкосновенными границами. Червь первобытного племенного строя во всей красе процветает в самом центре этого огромного гниющего яблока под названием «мегаполис». Древние пещерные картины и доисторические наскальные росписи сменились современным граффити, первобытные копья — автоматическими пистолетами; ритуальным шрамам на коже теперь предпочитают модные татуировки, а разноцветным перьям на голове — стильные футболки. Все племенные признаки и родовые связи, вроде бы начавшие возрождаться во всепоглощающей паутине города, теперь снова искоренены и превратились в малопонятные законы территориальных группировок. Кое-кто считает, что это признак разрушения, но для живущих в городах сопротивление превращению в безликих насекомых громадного, битком набитого человеческого «муравейника» стало вопросом жизни и смерти.

Мы как представители класса млекопитающих всегда будем бороться за право любой ценой сохранить свою самобытность в животном мире. Есть города, жизнь в которых даже воодушевляет на эту борьбу, способствуя образованию разнообразных местных группировок на любой вкус. Тот, кто ещё не решил вопрос о своей принадлежности к одной из них, скоро поймёт, что тонкая плёнка цивилизации вот-вот будет содрана и разорвана в клочья. Горькая правда такова, что если не найдётся решения этого вопроса конструктивного, то обязательно найдётся решение деструктивное. Градостроители не понимают, что стены и заборы разукрашивают из аэрозольных баллончиков не просто так: гектары серых бетонных плит — это то, что отличает мегаполис от деревни.

Дилеммы "людского зверинца" вовсе не из тех, что решаются сами собой. На последние цифры, характеризующие "период удвоения" (промежуток времени, за который население

Земли увеличивается вдвое), просто страшно смотреть. "Период удвоения" для Западной Европы вроде бы приемлемый — 700 лет (и даже 100 лет для Соединённых Штатов — тоже неплохо), так что, казалось бы, проблема перенаселённости отступает на второй план. Но дело в том, что положение вещей в остальной части планеты совершенно иное: например, в Африке "период удвоения" равняется всего лишь 24 годам. Что будет на африканском континенте через сто лет, догадаться нетрудно, и, если не принять особых мер предосторожности, нам придётся давать новое определение понятию "мировой хаос".

В конце 1960-х годов, работая над этой книгой, я как раз отмечал десятилетие своей деятельности в качестве куратора зоопарка. Изучение повадок зверей, заключённых в маленькие клетки, натолкнуло меня на мысль провести параллель между зверинцем и городом. Я увидел в этих пленниках вольеров тех замкнутых и скованных городских жителей, которых каждый день встречаю на улицах.

Любопытно, что с тех пор стало набирать силу некоторое недовольство сложившейся ситуацией: зародилось и росло год от года движение за освобождение зверей. Всё больше людей считали заключение животных за решётки неправильным, и количество посетителей зоопарков снизилось до рекордной отметки. В какой-то степени это связано с тем, что общество начало понимать необходимость заботы о "братьях наших меньших", но мне всё-таки кажется, что это — символ неумолимого прогресса, молчаливое осознание необходимости заботы о других пленниках вольеров — обитателях «зверинца» людского. Не оттого ли мы так страстно желаем выпустить львов и слонов на свободу, что сами в душе стремимся вырваться из тех клеток, которые построили для себя в наших стремительно растущих городах?

На самом-то деле никакой потребности откуда-то вырваться нет, и в этом вы убедитесь, прочитав мою книгу. Есть только необходимость превратить городские условия в более подходящие для жизни многострадальных горожан. Если это получится, то нам посчастливится, сохранив все прелести городского существования, одновременно наслаждаться жизнью первобытного человека (разумеется, настолько, насколько нам это позволит мозг высшего существа).

ВВЕДЕНИЕ

Когда плотность населения в современном мире стала невыносимой, обеспокоенные городские жители начали частенько сравнивать свои переполненные города с каменными джунглями. Такое описание особенностей жизни в тесной городской среде довольно красочно, но в то же время глубоко ошибочно, что подтвердит любой, кому довелось изучать джунглинастоящие.

В нормальных условиях, в естественной среде обитания, дикие животные никогда не станут калечить друг-друга, ипсировать, воевать с детьми, зарабатывать себе язву желудка, страдать от навязчивых идей или ожирения, образовывать гомосексуальные пары или убивать друг-друга. Не стоит лишний раз напоминать, что среди жителей города всё это — не редкость. Но в этом ли разница между человеком и другими животными? На первый взгляд — вроде бы да, но это заблуждение. Другие животные действительно могут вести себя подобным образом, но только в определённых ситуациях, а точнее — когда их помещают в неестественные условия неволи. Дикое животное, находясь в клетке, демонстрирует все эти известные нам аномалии точно так же, как и наши сородичи. Совершенно очевидно, что город — вовсе не каменные джунгли, а настоящий "людской зверинец". Сравнить нужно не городского жителя и дикого зверя, а городского жителя и зверя в клетке. Современный человек в условиях, естественных для своего вида, давно уже не живёт. Попавший в сети собственного ума, а вовсе не пленённый каким-то владельцем зоопарка, он заперся в огромном беспокойном зверинце, где постоянно рискует надорваться от перенапряжения.

Несмотря на невыносимые условия, преимущества такой жизни очевидны. Мир зверинца, подобно гигантскому папаше, защищает своих обитателей: еда, вода, крыша над головой, средства гигиены и медицинская помощь обеспечены. Основные проблемы выживания сведены до минимума, и появляется свободное время. Как обитатели зоопарка это время проводят, зависит, конечно, от вида животного. Одни звери тихонько отдыхают, подрёмывая на солнышке; другие же находят длительное безделье абсолютно неприемлемым.

Если вы являетесь обитателем "людского зверинца", то неизбежно оказываетесь среди представителей второй группы. Обладая чрезвычайно пытливым и изобретательным умом, вы просто не способны отдыхать долгое время. Вас распирает от стремления снова и снова находить себе какое-нибудь непростое занятие. Вы вечно что-то исследуете, организовываете, творите и, в конце концов, обнаруживаете, что из трясины «зверинца» уже не выбраться. С каждым новым сложным действием вы оказываетесь на один шаг дальше от своего естественного племенного состояния, которым ваши предки наслаждались в течение миллионов лет.

История современного человека есть история его борьбы с последствиями такого тернистого продвижения. И без того запутанная ситуация осложняется ещё больше в какой-то степени из-за того, что мы играем в ней двойную роль, являясь одновременно и зрителями, и актёрами. Возможно, она немного прояснится, если мы посмотрим на неё глазами зоолога, что, собственно, я и собираюсь сделать на страницах этой книги. В большинстве случаев я намеренно привожу примеры, знакомые только западному читателю, но это вовсе не означает, что мои заключения касаются лишь культуры западных стран. Напротив, каждый из примеров демонстрирует, что все изложенные ниже принципы в

равной мере применимы к проблемам горожан всего мира.

Если вам кажется, что я говорю: "Вернитесь! Впереди вас ждёт катастрофа!", поверьте — я не имею в виду ничего подобного. В своём непреодолимом стремлении к социальному прогрессу мы необъяснимым образом дали волю необузданным исследовательским порывам, составляющим основную часть нашего биологического наследия. В них нет ничего искусственного, ничего неестественного, эти порывы — источник нашей огромной силы, но и причина нашей слабости тоже. Я пытаюсь показать, какую цену нам приходится платить за потакание им и какую изобретательность мы вынуждены проявлять, чтобы ухитриться расплатиться по счёту, каким бы заоблачным он ни был. Ставки растут непрерывно, игра становится всё более рискованной, потери — всё более ощутимыми, дыхание с каждым шагом всё тяжелее, но, как бы то ни было, мир ещё не видел более интересной и захватывающей игры, несмотря на всю её рискованность. Глупо было бы пытаться её остановить, дав финальный свисток. Тем не менее, играть в неё можно по-разному, и если бы мы научились лучше понимать истинные чувства игроков, то, возможно, смогли бы извлечь из этой игры большую пользу, причём, не подвергая себя ещё большей опасности и избегнув катастрофических последствий для всего живого.

Глава 1

ПЛЕМЕНА И СУПЕРПЛЕМЕНА

Представьте себе островок суши — тридцать километров в длину и тридцать в ширину: дикое место, населённое разным зверьём, большим и маленьким. А теперь вообразите компактную группу из шестидесяти человеческих существ, разбивших лагерь в самом центре этой территории. Попробуйте представить себя в качестве члена этого крошечного племени, — вы сидите и любуетесь бесконечными просторами, раскинувшимися на много километров вокруг. На всей этой территории нет никого, кроме вас и ваших соплеменников. Это — ваша земля, ваши угодья. Мужчины вашего племени здесь охотятся, женщины собирают фрукты и ягоды, детишки с воплями носятся по лагерю, играя в охоту. Если жизнь племени складывается удачно и число его членов увеличивается, то скоро какая-нибудь отдельная группа двинется в путь для освоения новых территорий. Мало-помалу племя будет расти, и люди будут заселять всё новые и новые земли.

Представьте себе островок суши — тридцать километров в длину и столько же в ширину. Расцвет цивилизации, дома и машины. А теперь вообразите компактную группу из шести миллионов человеческих существ, обитающих в самом центре этой территории, и представьте себя частицей этого огромного бурлящего города.

А теперь сравните эти две картины. На каждого индивида из первого сюжета приходится по сто тысяч человеческих существ из второго, а ведь территория осталась прежней. С точки зрения эволюции такие катастрофические изменения произошли практически мгновенно. Потребовалось всего несколько тысяч лет, чтобы картина номер один превратилась в картину номер два. Человеческое существо вроде бы превосходно приспособилось к абсолютно новым для него условиям жизни, но ему не хватило времени для того, чтобы изменить свою биологическую структуру и развиваться в новый, генетически цивилизованный вид млекопитающего. Этот процесс становления цивилизованного индивида уже полностью завершён, человек прошёл необходимое обучение и практику, так что с точки зрения биологического строения он остаётся всё тем же членом племени из первого сюжета. Так он жил не несколько веков, а на протяжении целого миллиона нелёгких лет, хотя в течение этого времени биологически он всё-таки изменился. Он прошёл впечатляющее эволюционное развитие: постоянная борьба за выживание сделала своё дело и сформировала его как вид.

За последние несколько тысяч лет развития процесса урбанизации и роста уровня цивилизованности человека произошло так много всего, что даже не задумываешься о том, что это — всего лишь ничтожная часть истории жизни людей как вида. Мы привыкли к смутному ощущению постепенного роста и в результате — к своей полной биологической готовности к борьбе с новыми социально опасными факторами, но если мы заставим себя совершенно объективно оценить ситуацию, нам придётся признать, что на самом деле это вовсе не так. Такие ощущения зародились в наших умах только благодаря нашей потрясающей изворотливости и удивительной способности приспособливаться. Простой первобытный охотник надевает новую охотничью амуницию и изо всех сил старается носить её с лёгкостью и гордостью, но она настолько тяжела и громоздка, что он постоянно путается в своих одеждах. Однако прежде чем исследовать, почему ему так неудобно и отчего

он всё время теряет равновесие, мы должны выяснить, как при этом ему удаётся оставаться образцом цивилизованности.

Для начала придётся понизить температуру окружающей среды, чтобы оказаться снова во власти ледникового периода, скажем, двадцать тысяч лет назад. Наши древние предки уже с успехом заселили большую часть Старого Света и скоро отправятся в поход из Восточной Азии в Новый Свет. Следует иметь в виду, что их простая жизнь охотников подходила для осуществления такой экспансии лучше всего. И неудивительно, что никто не считает мозг наших предков времён ледникового периода таким же крупным и высокоразвитым, как мозг человека XX столетия, хотя строением скелета мы, в сущности, не отличаемся. Современный человек на сцене истории уже появился. Собственно говоря, если бы была возможность с помощью машины времени переместить младенца из ледникового периода в наш дом и воспитывать его как своего, вряд ли кто-нибудь заметил бы разницу.

Климат в Европе был жёсток, но наши предки с этим вполне справлялись. С помощью простейших приспособлений они могли охотиться на огромных диких животных. К счастью, они оставили нам многочисленные свидетельства своего охотничьего мастерства не только в виде отдельных предметов, найденных в пещерах, но и в виде примитивной наскальной живописи. Силуэты косматых мамонтов, мохнатых носорогов, бизонов и оленей, изображённые на стенах, не оставляют сомнений во враждебности природы тех времён. Выбравшись сегодня из тёмных пещер мегаполиса и ступив на раскалённую солнцем землю загородного участка, трудно себе представить её заселённой этими волосатыми чудовищами. Конечно же, сразу задумываешься о разнице температур тогда и сейчас.

В конце ледникового периода льды начали отступать на север, и звери, предпочитающие холодный климат, двинулись вместе с ними. На смену ландшафту холодной тундры пришли пышные лесные массивы. Долгая ледниковая эпоха закончилась около десяти тысяч лет назад и положила начало новому этапу эволюции человечества.

Перевороту суждено было случиться там, где встречаются Африка, Азия и Европа. Здесь, на востоке Средиземноморья, произошли некоторые изменения в методах добычи людьми пропитания — изменения, которые коренным образом повлияли на весь дальнейший процесс эволюции человечества. Как таковые они были совершенно тривиальными и незначительными, но эффект от них был колоссальным. Сегодня мы принимаем эти методы как нечто само собой разумеющееся и называем их "сельским хозяйством".

Раньше во всех человеческих племенах люди наполняли свои желудки одним или двумя способами: мужчины охотились в поисках мяса, а женщины собирали съедобную растительность. Благодаря комбинированию добытых трофеев рацион был сбалансирован. Фактически любой взрослый член племени являлся добытчиком пищи, но запасов было сравнительно немного. Просто люди выходили из своих пещер, когда им это было нужно, и искали то, что им было нужно. Это вовсе не было так опасно, как кажется, потому что людей в мире тогда было ничтожно мало (разумеется, по сравнению с сегодняшней массой). Но, несмотря на то, что древние охотники в своём деле весьма преуспели и понемногу заселяли всё большие территории, сами племена оставались маленькими и неприхотливыми. На протяжении сотен тысяч лет своей эволюции к своему образу жизни люди великолепно приспособились как физически, так и умственно. Но тот шаг, который наши предки сделали по направлению к сельскохозяйственной деятельности (к эпохе производства пищи, а не её добычи), привёл к неожиданным результатам и так быстро поставил их перед

необходимостью вести новый, неизведанный образ жизни, что им просто не удалось поспеть за стремительным процессом и приобрести новые, генетически контролируемые качества. С тех пор их приспособляемость и изворотливость, их способность к обучению и привыканию к неизвестным (и более сложным) условиям жизни так часто подвергались испытаниям, что урбанизация и безумие городской жизни — это всего лишь некоторые из многочисленных последствий.

К счастью, длительное изучение охотничьих наук способствовало развитию таких качеств, как изобретательность и готовность помочь товарищу. Что верно, то верно: люди-охотники, обладая, как и их предки-обезьяны, врождёнными самоуверенностью и духом соперничества, были всё же вынуждены утихомирить свою воинственность и выдвинуть на первое место потребность в сотрудничестве друг с другом. В этом была их единственная надежда выиграть битву с давно уже приспособившимися ко всему, вооружёнными острыми когтями профессиональными убийцами (например, с огромными кошками), коими изобиловал плотоядный мир. Эволюция человеческого сотрудничества происходила одновременно с развитием интеллекта и исследовательских способностей, и эта комбинация качеств оказалась просто «убийственной» по своей эффективности. Люди быстро усваивали новое, хорошо запоминали пройденное и превосходно научились применять уже накопленный опыт для решения новых проблем. Если уж эти знания приносили пользу тогда, в те далёкие времена бесконечных походов в поисках добычи, то говорить о том, насколько полезными они были в период, когда человек оказался на пороге новой и намного более сложной социальной жизни, не приходится и вовсе.

На востоке Средиземноморья издавна существовали две жизненно важные растительные культуры: дикие пшеница и ячмень. На этой территории также встречались дикие козы, овцы, коровы и свиньи. Люди-охотники, поселившиеся здесь, уже успели приручить собак, но использовали их не как источник пищи, а как сторожей или помощников на охоте. Настоящее сельское хозяйство началось с культивирования двух растений: пшеницы и ячменя. Скоро последовало приручение коз и овец, а затем (несколько позже) и коров со свиньями. По всей вероятности, животных привлекали поля зерновых культур, куда они приходили полакомиться. Их отлавливали, затем выращивали и, в конце концов, употребляли в пищу.

Нет ничего случайного в том, что в двух других уголках Земли (в Южной Азии и Центральной Америке), где немного позднее зародились древние независимые цивилизации, также нашлись территории, на которых охотники начали культивировать дикие виды растительности: рис в Азии и кукурузу в Америке.

Животноводство и земледелие конца каменного века развивались настолько успешно, что окультуренные тогда растения и прирученные в то далёкое время животные остаются и по сей день основным сырьём для пищевых продуктов, производством которых занимается сельское хозяйство всего мира. Новые значительные изменения в аграрной сфере несут характер скорее механический, нежели биологический. Современное сельское хозяйство является всего лишь продолжением раннего земледелия и животноводства, давших поистине грандиозный импульс развитию нашего с вами человеческого вида.

Последнее станет легко понятным, если заглянуть в прошлое. До появления сельского хозяйства каждый, кто считался потенциальным едоком, должен был внести свой вклад в процесс поиска пропитания. Собственно говоря, участие в этом процессе принимали все члены племени. Но когда предусмотрительные и дальновзоркие старейшины, планировавшие

и расписывавшие до мелочей все охотничьи операции, обратили свой взор на проблемы окультуривания растений, мелиорации почвы и выращивания пойманных животных, они добились двойного результата. Оказалось, что они не только снабдили племя постоянными источниками пищи, но и обеспечили регулярное и гарантированное появление её излишков. Появление таких излишков стало тем ключом, которым предстояло открыть дверь в цивилизованный мир. В конце концов, племя получило возможность иметь больше "рабочих рук", чем было необходимо для добычи пищи. Племя смогло не только расти, но и высвободить некоторое количество людей для выполнения других обязанностей: не временных, к которым приступали в перерывах между основным занятием — поиском пропитания, а постоянных обязанностей, которым уделялось всё время. Началась эпоха разделения труда. С этих самых пор и стали зарождаться первые города.

Я сказал: "это станет легко понятным", но это означает лишь, что для нас не составит труда, заглянув в прошлое, обнаружить жизненно важные факторы, послужившие стимулом для следующего значительного шага человечества на пути своей истории; безусловно, это вовсе не значит, что сделать такой шаг в то время было легко. Действительно, древний охотник был животным необыкновенным и обладал огромным не востребуемым потенциалом и многочисленными нереализованными способностями. (Достаточным доказательством является тот факт, что мы с вами сейчас живём и процветаем.) Но, тем не менее, он был именно племенным охотником, а не спокойным оседлым аграрием. Действительно, он обладал дальновидным умом, был способен заранее спланировать все детали предстоящей охоты и понять особенности климатических изменений в любое время года, но, чтобы стать хорошим земледельцем или животноводом, ему пришлось напрячь свою дальновидность намного сильнее, чем когда-либо. Тактика охоты стала стратегией сельскохозяйственной деятельности, ну а, добившись своего и превратив деревни в города, охотник был вынужден задействовать мозг в полном объёме, дабы справиться со всеми сложностями, возникшими вместе с нахлынувшим на него изобилием.

Этот факт необходимо учитывать, говоря о "городской революции". Услышав это словосочетание, можно подумать, что все города, большие и маленькие, вдруг в одну ночь выросли, стремясь скорее вступить в новые социальные условия жизни. Конечно же, нет: старые привычки отмирали долго и мучительно. Мало того, во многих уголках Земли они живы до сих пор. В современном мире есть культуры, всё ещё использующие в сельском хозяйстве принципы каменного века, а в некоторых регионах (например, в пустыне Калахари или в Северной Австралии) можно даже найти племена охотников эпохи палеолита.

Первые признаки урбанизации (первые города) не были "внезапной сыпью" на коже доисторического общества, а появились в виде нескольких отдельных крошечных пятнышек. Они возникли на юго-западе Азии как явные исключения из основного правила. По современным меркам они были очень маленькими и росли медленно, даже очень медленно. В каждом была строгая местная организация, а также тесная связь и взаимодействие с близлежащими сельскохозяйственными угодьями.

Поначалу между городами особой торговли или натурального обмена не наблюдалось. Этот серьёзный шаг сделать ещё предстояло, и для него требовалось время. Сделать такой шаг мешал и психологический барьер — боязнь потерять местную самобытность, но это было не столько синдромом "племени, потерявшего свою индивидуальность", сколько нежеланием индивида терять связь со своим племенем. Человек развивался как стадное животное, а стадо живёт по собственным законам, основанным на межличностных

отношениях. Отказ от фундаментальных социальных принципов, типичных для условий проживания древнего человека, воспринимался как некое чужеродное зерно, противоречащее самой идее племенных отношений, а, между тем, это зерно, умело выращенное и доведённое до потребителя, было основным двигателем прогресса. После зарождения сельского хозяйства, когда городская элита, избавившаяся от необходимости принимать участие в производственном процессе, получила возможность сконцентрировать свою умственную активность на других проблемах, появление организованной (в соответствии со строгой иерархией) сети взаимодействующих друг с другом городов стало неизбежным.

Самый древний из известных городов — Иерихон — возник восемь тысяч лет назад, но первая по-настоящему городская цивилизация Шумер зародилась к западу от него, посреди Сирийской Пустыни. Здесь пять или шесть тысяч лет назад была основана первая империя, и именно тогда заканчивается доисторическая эпоха. Развиваются контакты между городами, старейшины превращаются в правителей, появляются постоянные профессии, совершенствуются способы обработки металла и транспорт, приручаются вьючные животные (в отличие от употребляемых в пищу), появляется монументальная архитектура.

По нашим меркам города шумерской цивилизации были маленькими, с населением от семи до двадцати тысяч человек, и всё же неприхотливый горожанин достиг уже многого. Теперь он именуется гражданином, членом суперплемени, но главное отличие состоит в том, что гражданин суперплемени не знает всех членов общества, в котором он живёт, лично. Именно это обстоятельство — переход от тесного, сплочённого племени к безликому обществу — и стало причиной всех страданий человеческого рода на протяжении последующих тысячелетий. Человек оказался не приспособлен к восприятию такого количества незнакомых ему соплеменников биологически. Жить среди незнакомых людей ещё предстояло научиться, и это было нелегко. В дальнейшем мы убедимся, что сопротивление этому (как открытое, так и неосознанное) продолжается и по сей день.

Результатом искусственного вознесения уровня социальной жизни человека до высшей ступени стала необходимость в более совершенной системе управления для удержания стремительно разбухающего общества под контролем. За огромные материальные преимущества высшего племенного строя и платить нужно соответственно. В древних цивилизациях, зародившихся на территории Средиземноморья — Египте, Греции, Риме, — системы исполнительной и законодательной власти достигли высокого уровня совершенства и сложности, наряду с постепенным расцветом искусства и прикладных наук.

Процесс этот шёл медленно. То, что осталось от древних цивилизаций, поражает своим величием, и создаётся впечатление плотной заселённости средиземноморского региона, но это вовсе не так. Рост населения суперплемён был постепенным. В 600-х годах до нашей эры самый крупный город — Вавилон — насчитывал не более 80 тысяч жителей. В знаменитых Афинах проживало всего 20 тысяч, и только четвертая часть принадлежала к городской элите. Общая численность населения Афин, города- #.ac\$ `ab", включая иностранных торговцев, рабов и жителей пригородов, составляла 70-100 тысяч человек. Заглянув в наши дни, можно обнаружить, что это даже немного меньше, чем в современных университетских городках, таких как Оксфорд или Кеймбридж. А проводить сравнение с крупнейшими современными мегаполисами и вовсе некорректно: сейчас в мире более сотни городов-миллионников.

Продолжая расти с той же скоростью, древние города-государства не могли долго рассчитывать на собственное производство. Им пришлось пополнять свои запасы одним из

двух способов: либо торговать, либо воевать. Римляне делали и то, и другое, но с акцентом на политику завоевания, проявляя такие недюжинные организаторские способности и умение вести боевые действия, что Древний Рим с его полумиллионным населением до сих пор считается самым великим городским конгломератом всех времён и народов, ставшим образцом для подражания на много веков вперёд. Мудрость и работа мысли его жителей и по сей день остаются примером не только для организаторов, изобретателей и талантливых творческих личностей, но и для бесконечно ленивой, падкой на развлечения городской элиты, численность которой достигла взрывоопасного уровня. В искушённом жителе Римской Империи нетрудно разглядеть прототип представителя современного суперплемени.

Продолжая повествование об истории развития городов, мы, затронув Древний Рим, подошли ко времени, когда человеческое общество стало настолько многочисленным, а плотность населения настолько высокой, что это уже было близко к современному уровню. В течение последующих веков ситуация становилась всё более сложной: народу прибавлялось всё больше, элита становилась всё элитарнее, наука развивалась всё интенсивнее. Стрессы и разочарования для городского жителя становились всё более ощутимыми, а междоусобицы в высшем племенном обществе — всё кровопролитнее. Когда народу слишком много, появляются лишние люди, которых можно принести в жертву. Отношения в перенаселённом обществе становятся всё более безличностными, а принципы гуманности и человеколюбия низвергаются до ужасающего уровня. Да это и неудивительно: ведь, как я уже говорил, безличностные отношения способствуют биологическому превращению человека в животное. Удивительно то, что суперплемена, увеличиваясь в размерах, не только выжили, но и процветают. Этим фактом можно только восхищаться. Он является убедительным доказательством изумительной приспособляемости, целеустремлённости и изобретательности человеческого рода. Как, скажите на милость, нам это удалось? Всё, что нам, как представителям животного мира, было нужно для существования, — это набор биологических качеств, прошедших эволюционное развитие за время нашей долгой охотничьей истории. Ответ на наш вопрос следует искать в природе этих качеств, а также в наших способностях использовать их и манипулировать ими, причём, не пытаясь применять их во вред, как мы (в силу нашего легкомыслия) привыкли делать. Давайте изучим их более подробно.

Имея в виду наше обезьянье прошлое, рассмотрим особенности общественной организации некоторых видов обезьян, — это может послужить отправной точкой в наших заключениях. Присутствие сильных, главенствующих особей, руководящих всей стаей, — среди высших приматов явление широко распространённое. Более слабым членам группы приходится смириться с ролью подчинённых. Они не пытаются выделиться и лишь выполняют свои обязанности — в этом сила и безопасность стаи. Когда отряд становится слишком большим, естественно, образуются группы особей, которые от основной стаи откалываются и покидают её, но в любом случае гуляющие сами по себе отдельные обезьяны считаются исключением из правила. Стая передвигается как единое целое, и никто из её членов никогда не отрывается от коллектива. Такая верность обуславливается не только жёсткой диктатурой группы лидеров, главенствующих самцов. Какими бы тиранами они ни были, они играют роль охранников и защитников. В случае возникновения угрозы отряду (например, при нападении голодного хищника) именно они защищают стаю наиболее активно. Перед лицом внешней опасности лидерам приходится объединяться, позабыв о

внутренних склоках, однако в обычных условиях взаимопомощь внутри стаи минимальна.

Возвращаясь к обезьянам, именуемым людьми, можно заметить, что основы данной общественной системы — сотрудничество при внешней опасности и соперничество внутри коллектива — присутствуют и в человеческом обществе, хотя наши древние предки и вынуждены были кое в чём эти принципы нарушать. Их титанические усилия превратиться из поедателей фруктов в охотников требовали укрепления и активизации взаимоотношений между членами племени. Природа не только заставляла людей паниковать перед неизведанным и загадочным, но практически постоянно бросала новым охотникам вызов. Результатом стало смещение акцентов в сторону принципов взаимопомощи, разделения и комбинирования пищевых запасов. Но не стоит думать, что в каждом племени древних людей установилось полное взаимопонимание и каждое племя начинало существовать как единый организм, подобно стае рыб, — жизнь была для этого слишком сложна. Соперничество и борьба за власть никуда не делись и продолжали оставаться движущей силой племени и средством укрепления его мощи, но авторитарность власти значительно уменьшилась. Необходимая гармония была достигнута, что (как мы уже отметили) позволило древнему человеку-охотнику с успехом заселить большую часть земной поверхности — и это при минимальном развитии наук и технологий, способных помочь ему на этом пути.

Что же случилось с этой гармонией, когда крохотные племена расцвели и превратились в гигантские суперплемена? С потерей тесных личностных отношений внутри племени маятник сотрудничества-соперничества стал раскачиваться с угрожающей интенсивностью, причём его разрушительное действие продолжается и по сей день. Поскольку не являвшиеся лидерами члены суперплемена превратились в безликую толпу, наиболее опустошающие удары маятника приходились на область, где правили борьба за власть и конкуренция. Городские племена-переростки быстро стали жертвами гипертрофированных форм тирании, деспотизма и диктатуры. Суперплемена породили суперлидеров, пользовавшихся такой властью, что обезьяньи тираны, о которых мы говорили ранее, казались по сравнению с ними просто невинными младенцами. Они также породили суперподчинённых в виде рабов, способных на такое подхалимство и раболепие, какое даже самым низшим по статусу приматам и не снилось.

На этой стадии для руководства суперплеменем власти одного диктатора было уже недостаточно. Даже с появлением новых смертоносных технологий (оружия, тюремных камер, пыток), призванных помочь тиранам искусственно создавать условия для подчинения себе всех и вся, кроме всего прочего, чтобы с успехом склонять биологический маятник в свою сторону, требовалось ещё и умение повести массы за собой. И это было им вполне по силам, так как народ тоже (вместе с диктаторами) был заражён вирусом безличностных отношений высшего племенного строя. Это обстоятельство привело к образованию подгрупп, или псевдоплемен, в составе собственно суперплемена, что в некоторой степени ослабило стремление диктаторов к сотрудничеству. Каждый индивид старался установить с отдельными группами своих сослуживцев или соседей особые, личные взаимоотношения, вроде старых добрых племенных отношений. В рамках данных подгрупп он мог удовлетворить свою потребность в совместной деятельности и взаимопомощи. Членов других подгрупп, рабов, например, теперь было удобно считать чужаками, лишёнными всех прав. Был установлен социальный двойной стандарт. Хитрость и сила этого нового разделения общества заключалась в возможности обезличить личные взаимоотношения

членов суперплемени. И пусть подчинённый — раб, слуга или крепостной — был лично знаком с хозяином, его попадание прямым в низшую социальную группу означало, что с ним можно было обращаться так же скверно, как с членом безликой толпы.

Разложение властных структур — это только часть правды. К деградации суперплемени с таким же успехом приводит и раболепие, доведённое до крайности. Когда социально-биологический маятник начинает двигаться от активного сотрудничества в сторону диктатуры, деградирует всё общество, хотя такое движение может принести и огромные материальные выгоды (может, например, переместить 4 883 000 тонн камней для возведения пирамиды). Но вместе с тем при таком искажении социальной структуры амплитуда колебаний маятника не может быть большой. Можно установить очень сильную диктатуру на очень большой территории и наслаждаться ею очень долго, но при напряжённой обстановке внутри своего суперплемени ей когда-нибудь придёт конец. И если, когда это произойдёт, социально-биологический маятник хотя бы слегка качнётся обратно, стремясь к точке устойчивого равновесия, общество может считать, что ему крупно повезло. Но если он начнёт интенсивно раскачиваться в разные стороны (что более вероятно), это повлечёт за собой столько крови, сколько наши примитивные предки-охотники не могли бы увидеть даже в самом страшном сне.

Цивилизация чудесным образом продолжает жить благодаря тому, что человеческое стремление к сотрудничеству заявляет о себе вновь и вновь с ещё большей энергией. Оно встречает активное противодействие, но неуклонно продолжает своёнаступление.

Нам нравится считать это победой мощного интеллектуального альтруизма над животными инстинктами — как будто этика и мораль принадлежат к изобретениям современности, — но если бы это было истинной правдой, вряд ли мы дожили бы до сегодняшних дней и говорили об этом. Человеческому роду никогда не удалось бы выжить, если бы мы не развили в себе биологически обусловленное стремление к сотрудничеству с нашими собратьями. Будь наши предки-охотники настоящими тиранами, жестокими и алчными носителями "первородного греха", славная история человека давным-давно бы завершилась. Единственная причина, по которой теория "первородного греха" так или иначе прививается нам с детства, в том, что искусственно созданные отношения высшего племенного строя продолжают соперничать с нашим биологическим альтруизмом и именно ему необходимо оказать посильную помощь.

Я понимаю, что найдутся специалисты, которые станут активно оспаривать вышесказанное. Они считают человека по природе своей слабым, жадным и злым, способным стать сильным, щедрым и добрым только под надзором жёсткой системы контроля, но, высмеивая теорию "благородного дикаря", они только усложняют дело. Они утверждают, что невежество или суеверие не могут быть благородными, и в этом смысле они правы, но ведь это только часть проблемы. Другая её часть касается взаимоотношений древнего охотника со своими соплеменниками: здесь всё иначе. Такими качествами, как сострадание, доброта, готовность помочь, врождённое стремление к сотрудничеству с членами своего племени, древний человек был просто обязан обладать, если хотел выжить в своём полноопаснейшем мире.

И только когда племена разрослись и превратились в безликие суперплемена, старые правила поведения вышли из моды и стали пересматриваться. Именно тогда действительно возникла необходимость придумать законы и дисциплинарные правила, призванные восстановить утраченное равновесие. Если бы они были разработаны в соответствии с

требованиями новых условий жизни, всё было бы прекрасно, но человек раннего периода развития цивилизации был в этом деле ещё новичком и не знал, как достичь необходимой гармонии. Многочисленные неудачи приводили к печальным последствиям. Сегодня мы стали более опытными, но совершенной системы так и не создали, поскольку суперплемена продолжают расти, и решать проблему всё время приходится заново.

Если позволите, я изложу свою теорию другими словами. Часто можно услышать фразу: "Закон запрещает человеку делать только то, что он склонен делать инстинктивно". Отсюда следует, что раз существует закон, запрещающий воровать, убивать или насиловать, то человек по своей природе должен быть вором, убийцей и насильником. Действительно ли это описание раскрывает истинную сущность человека как социально-биологического вида? Для людей эпохи развития племенных отношений такая характеристика неприемлема, однако она может иметь место при описании человека периода расцвета суперплемен.

Хорошим примером может послужить, наверное, самое распространённое из преступлений — воровство. Человек высшего племенного строя постоянно находится в состоянии стресса и напряжения, вызванном искусственно навязанными ему социальными условиями. Большинство членов его суперплемена ему незнакомо, никаких личных отношений и связей с ними у него нет. Обыкновенный вор не станет красть у своих знакомых: он старается не нарушать старый биологический кодекс племени и выбирает жертву среди чужаков. Чтобы положить конец его деятельности, необходимо установить соответствующий закон суперплемена. Всем известны выражения "воровская честь" и "законы преступного мира". Это доказывает, что мы рассматриваем преступников в качестве членов отдельного и отличного от других псевдоплемена в составе суперплемена. Между прочим, мы ведём себя с преступившим закон довольно странно: просто помещаем его за решётку в общество таких же, как он, преступников. На короткий срок проблема решена, но в перспективе оказывается, что такие действия только усиливают самобытность псевдоплемена, вместо того, чтобы её ослаблять, и в дальнейшем помогают ему расширять свои псевдоплеменные связи.

Переосмыслив идею о том, что "закон запрещает человеку делать только то, что он склонен делать инстинктивно", мы можем перефразировать её так: "Закон запрещает человеку делать только то, что искусственно созданные условия цивилизованного общества вынуждают его делать". В этом случае закон выступает в качестве средства достижения гармонии, призванного ликвидировать издержки высшего племенного общества и помочь установить в неестественных условиях нормы социального поведения, естественные для человека.

Однако, как бы гладко это ни выглядело, чтобы всё было так же просто и на деле, необходимы идеальные лидеры, то есть те, кто устанавливает законы. Тираны и деспоты, конечно, могут издать суровые и несправедливые законы для удержания подчинённых в жёстких рамках, обусловленных существующими условиями суперплемена. В свою очередь, законодательная система, разработанная руководящей верхушкой со слабыми лидерскими качествами, оказывается неспособной управлять толпой. И в том, и в другом случае неизбежна культурная катастрофа или деградация общества.

Но есть вариант законодательной системы, имеющий мало общего с тем, о чём я говорил выше, кроме того, что он служит для укрепления порядка в социальной среде. Это так называемые "изолирующие законы", которые делают одно культурное общество непохожим на другое. Они укрепляют сплочённость социума, наделяя его уникальными

индивидуальными характеристиками. Законы данной системы играют в деятельности судебных органов роль лишь незначительную. Они, скорее, обусловлены религией и традициями и предназначены для того, чтобы создать у каждого члена общества иллюзию принадлежности к одной семье, а не к стремительно растущему и расползающемуся по швам суперплемени. Эти законы, хоть их и критикуют за кажущуюся условность и бессмысленность, верны традициям и должны выполняться неукоснительно. Они также не подлежат обсуждению потому, что сами по себе действительно довольно условны и зачастую бессмысленны. Их ценность заключается только в том, что они распространяются на всех членов сообщества. Когда их действие ослабевает, ослабевают и тесные связи внутри сообщества. Эти законы могут быть самыми разнообразными: регламентирующими порядок проведения общественных мероприятий — свадеб, похорон, праздников, парадов, фестивалей и так далее; определяющими правила поведения в обществе, положения дипломатического этикета; усложняющими особенности стиля в одежде различных слоёв общества; навязывающими единообразие украшений, интерьера и церемониальных представлений.

Этот феномен был досконально изучен многими этнологами и антропологами, поражёнными многообразием его форм. Множество вариантов, определяющих различия между культурами, безусловно, было основным предназначением этих норм поведения, но, восхищаясь их разнообразием, не следует забывать об их принципиальном сходстве. Одежда или обычаи разных народов могут иметь кардинальные различия в деталях, но в разных культурах они имеют одну и ту же основную функцию и одни и те же основные формы. Если составлять список обычаев какого-нибудь народа, в традициях практически всех остальных народов обязательно найдутся аналоги почти каждого из них. Различия будут только в незначительных деталях, но они будут такими существенными, что иногда принадлежность этих деталей к одинаковым социальным явлениям не так-то просто разглядеть.

Приведём пример: у некоторых народов для участия в траурных церемониях принято надевать одежды чёрного цвета; у других совсем наоборот — траурные одежды белые. Более того, если копнуть глубже, можно найти культуры, у которых в таких ситуациях принято надевать тёмно-синее, или серое, или жёлтое, или обыкновенную мешковину. Если вы с малых лет росли в обществе, где один из этих цветов (скажем, чёрный) ассоциируется не иначе как со смертью и трауром, даже мысль о том, чтобы в такой ситуации надеть жёлтое или голубое, вызовет недоумение. Таким образом, ваша первая реакция — удивление по поводу того, что где-то на траурные церемонии действительно принято надевать одежды этих цветов, — демонстрирует колоссальное различие между этими культурами и вашей. Здесь и кроется ловушка, так тщательно приготовленная для удовлетворения требований культурной изоляции. Поверхностный взгляд на разнообразие траурных цветов не позволяет сделать более важный вывод о том, что во всех рассмотренных вариантах используется одинаковый принцип организации траурной церемонии и что традиционным всегда считается ношение одежды того цвета, который принципиально отличается от "нетраурного".

Точно так же, когда англичанин впервые попадает в Испанию, он с удивлением обнаруживает, что вечером общественные места городов и деревень наполняются празднично гуляющими людьми. Его первой реакцией будет мысль не о том, что это всего лишь аналог хорошо знакомых ему вечеринок с коктейлями, а о том, что это, наверное, какой-то местный обычай. Как видим, основные принципы традиционных мероприятий в этих двух странах одинаковы, несмотря на различия в деталях.

Подобные примеры можно найти при рассмотрении почти всех форм социальной активности, и чем большее количество народных масс вовлечено в конкретное мероприятие, тем сильнее разница в деталях и тем более странным, на первый взгляд, оно кажется представителям других культур. Все грандиозные общественные события (такие как коронации, похороны государственных деятелей, балы, банкеты, празднования дней независимости государств, инаугурации, крупные спортивные мероприятия, военные парады, фестивали и уличные праздники или их аналоги) являются самой благодатной почвой для действия изолирующих законов. Каждый из этих законов имеет тысячи мизерных отличий по сравнению с любым другим, и каждый из них выполняется неукоснительно, как будто от этого зависит жизнь и смерть граждан. А всё потому, что, только принимая участие в общественных мероприятиях, человек может воспитать и развить в себе чувство собственной социальной исключительности, ощущение принадлежности к определённому культурному слою общества, и чем крупнее мероприятие, тем сильнее это чувство.

Революционеры, удачно совершившие государственные перевороты, часто недооценивают вниманием или недооценивают это обстоятельство. Избавившись от старой, ненавистной структуры власти, они вынуждены избавиться и от большинства старых традиций. Даже если ритуальные церемонии свергнутого режима напрямую с ним не связаны, они слишком сильно напоминают о нём и должны исчезнуть. Вместо них на скорую руку можно придумать несколько новых, но ведь изобрести ритуал за одну ночь не так-то просто. (Любопытный факт: христианскому движению с самого начала сопутствовал успех, и не в последнюю очередь благодаря использованию в основе своих религиозных праздников многих старых языческих обрядов, соответственным образом замаскированных.) Когда вся эйфория революции позади и народные волнения улеглись, многие неудовлетворённые постреволюционеры, заметив исчезновение некоторых общественных праздников и торжественных обрядов, возможно, чувствуют себя несчастными, хотя и скрывают это. Революционным лидерам нужно бы предугадать возникновение такой проблемы. Их последователи захотят разрушить не просто основу социальной исключительности общества, а основу особой социальной исключительности общества. Как только это произойдёт, им понадобится новая основа, и скоро они будут разочарованы, увидев всю абстрактность понятия «свобода», в чём, собственно, и состоит цель изолирующих законов.

В качестве связующих сил активно используются также и другие аспекты социального поведения. Один из таких аспектов — язык. Мы привыкли считать язык исключительно средством коммуникации, но на самом деле его роль гораздо сложнее: если бы это было не так, мы бы все говорили на одном языке. Пролистав назад страницы истории суперплемён, можно легко проследить, как внекоммуникативная функция языка становилась почти такой же необходимой, как и коммуникативная. Она способствовала установлению непреодолимых межкультурных барьеров в большей степени, чем любая другая индивидуальная особенность общества. Сильнее, чем что-либо, она помогала индивиду почувствовать себя членом отдельного суперплемени и препятствовала его переходу в другое племя.

По мере того, как суперплемена росли и сливались друг с другом, местные языки тоже сливались или совсем исчезали, так что общее число языков в мире уменьшилось. Но одновременно получила развитие тенденция обратная: большую социальную значимость приобрели диалекты, акцент; появились сленг и жаргон. Поскольку члены огромного суперплемени образовывали отдельные подгруппы, чтобы подчеркнуть свою

индивидуальность, то и в составе основного языка появлялся целый спектр различных «говоров». Точно так же, как английский и немецкий языки служат символом самобытности и изолирующим инструментом для англичанина и немца, соответствующий акцент изолирует представителя высшего английского общества от члена низшего сословия, а профессиональный жаргон химика обособляет его от психиатра, говорящего на своём профессиональном языке. (Как ни печально, но мир науки, который, выполняя образовательную функцию, должен сильнее всего влиять на процесс коммуникации, порождает изолирующие псевдоплеменные языковые разновидности так же активно, как и мир криминала. Оправданием этому может быть только необходимость использования точной терминологии: особенности тематики обязывают. Вот только эти особенности слишком часто и явно переходят всеграницы.)

Жаргонные и сленговые слова могут быть настолько специализированы, что порой представляют собой практически новый язык. Обычно сленговые выражения, которые находят широкое применение и становятся общеупотребительными, заменяются в речи придумавших их людей на новые. Если они принимаются членами всего суперплемени и проникают в официальный язык, то тут же теряют свою оригинальную функцию. (Вряд ли вы употребляете для описания, скажем, симпатичной девушки, полицейского или полового акта те же сленговые выражения, что были в обиходе ваших родителей, когда были молоды они, но слова официального языка вы используете одни и те же.) В особых случаях отдельная подгруппа может ввести в свой лексикон слова языка чужого. Когда-то, например, русские судебные органы использовали в своей работе французский язык. В Британии можно до сих пор встретить отголоски этой тенденции в дорогих ресторанах, где меню обычно написано на французском.

Религия всегда играла ту же роль, что и язык, усиливая внутренние связи в группе, но ослабляя внешние — между группами. Она использовала простое предположение о том, что существуют некие могущественные силы, влияющие откуда-то сверху и недоступные пониманию простых смертных. Этим силам (суперлидерам, или "богам") нужно поклоняться, потакать всем их желаниям и подчиняться им беспрекословно. Тот факт, что богов нельзя было увидеть ни при каких условиях, только способствовал укреплению их позиций.

Сперва власть богов была ограниченной и сферы их влияния были поделены, но когда суперплемена выросли до невообразимых размеров, понадобились более влиятельные сдерживающие силы. Власти мелких богов стало недостаточно. Для управления громадным суперплеменем нужен был один всемогущий, всезнающий, всевидящий бог, и из всех древних кандидатов на этот пост был выбран именно такой бог, который оказался у власти и продолжает своё существование на протяжении многих веков. Мелкие племена, живущие в глуши, и сейчас поклоняются нескольким божествам, но у каждого народа всех великих культур существует только один верховный бог.

Общеизвестно, что влияние религии как социальной силы за последние годы ослабло. Произошло это по двум причинам. Во-первых, выполнять функцию объединяющего элемента религия уже не способна. По мере роста и уплотнения населения древние империи становились всё более неуправляемыми и распадались на группы по национальному признаку. Вновь образованные суперплемена старались изо всех сил добиться самобытности и использовали для этого все возможные средства. Тем не менее, многие из них сейчас исповедуют одну и ту же веру. Это означает, что для них религия, оставаясь могучей силой,

объединяющей представителей одной нации, перестала выполнять другую роль, а именно — ослаблять связи между народами. Компромисс был найден путём образования различных религиозных сект внутри основной религии, и, хотя сектантство отбрасывает назад некоторые достижения политики изоляции и способствует возвращению к племенному (или местному) обособлению религиозных традиций, это решает проблему только наполовину.

Второй причиной ослабления влияния религии был растущий уровень образования, получающего всё большее распространение, наряду с утверждающимся мнением, что индивид должен задавать вопросы, а не слепо следовать существующим догмам. Устоям христианской религии, в частности, был нанесён осязаемый удар: развивающееся логическое мышление представителя западного суперплемени не могло не заметить в некоторых её аспектах полное отсутствие логики. Возможно, самое значительное из них — это бросающееся в глаза несоответствие между проповедованием кротости и покорности, с одной стороны, и роскошью, помпезностью и могуществом церковных лидеров — с другой.

Кроме законов, обычаев, языков и религии, есть ещё одна, более жестокая форма связующей силы, объединяющей членов суперплемени, — война. Не боясь показаться циником, можно смело утверждать, что нет лучшего подспорья правителю, чем удачная война. Она предоставляет ему великолепный шанс быть тираном, которого ещё и любят. Он может внедрять самые суровые формы контроля, посылать тысячи своих подданных на верную смерть и всё же быть почитаемым как великий защитник народа. Ничто так не укрепляет внутрисемейные связи, как внешняя угроза.

Тот факт, что внутренние конфликты стихают перед лицом общего врага, не был обойдён вниманием правителей как прошлого, так и настоящего. Если переполненное суперплемя начинает "трещать по швам", швы можно быстро подлатать, когда появляются они — могущественные враждебные силы, благодаря которым мы превращаемся в единое целое. Трудно сказать, как часто правители, учитывая это, умело манипулируют внутренними конфликтами в своих государствах, но независимо от того, сознательно они это делают или нет, эффекта объединения они почти всегда достигают. Нужно быть абсолютно никудышным вождём, чтобы упустить такой шанс. Естественно, врага необходимо представить в самом отвратительном свете, иначе неприятностей не избежать. Страшные ужасы войны превращаются в славные боевые победы только тогда, когда внешняя угроза действительно серьёзна или, по крайней мере, может быть представлена таковой.

Несмотря на привлекательность для любого жестокого диктатора, война имеет один очевидный недостаток: одна из противоборствующих сторон, скорее всего, будет разбита в пух и прах, и жертвой может оказаться именно диктатор. Членам суперплемени следует сказать «спасибо» этому печальному факту.

Таковы в целом связующие силы, оказывающие влияние на жизнь крупных городских сообществ. Благодаря их разнообразию появились типы лидеров, соответствующие каждой из них: руководящие работники, судьи, политики, общественные лидеры, верховные жрецы, генералы. Во времена, когда жизнь была проще, все они находили воплощение в одном человеке — всемогущем императоре или короле, который был способен справиться со всеми возложенными на него обязанностями вождя. Но шли века, племена росли, истинные лидерские качества стали проявляться в разных сферах в зависимости от того, в какой из них появлялся наиболее незаурядный индивид.

Не так давно народу стали позволять высказывать своё мнение на выборах нового правителя. Такой политический ход сам по себе является мощной связующей силой, дающей

членам суперплемени ощущение «принадлежности» к своей группе и возможности влиять на её жизнь. Как только новый руководитель выбран, становится понятно, что влияние народа вовсе не такое весомое, как представлялось раньше, но во время выборов ощутимый ветерок социальной исключительности всё-таки освежает просторы общества.

Чтобы помочь этому процессу, для управления отдельными территориями были назначены местные псевдолидеры. В некоторых странах это превратилось не более чем в ритуал, поскольку «местные» представители власти являются не кем иным, как заезжими профессиональными политиками, однако в таком сложном обществе как современное суперплемя подобное извращение неизбежно.

Цель политики руководства с помощью избранных представителей власти ясна и понятна даже с учётом того, что такое руководство сложно осуществить на практике. Она основывается на частичном возврате к принципам первоначальной системы племенной организации, когда все члены племени (или хотя бы взрослые мужчины) имели право голоса в вопросах решения общих проблем. Все они были в каком-то смысле «коммунистами», делили всё поровну, и никто не отстаивал своё неотъемлемое право на частную собственность. Собственностью было всё, что можно было себе присвоить, но, как я уже говорил, племена были маленькие, и все друг-друга знали. Индивидуальная собственность приветствовалась, но двери и замки были ещё делом будущего. Как только племя превратилось в безликое суперплемя, заполненное незнакомыми людьми, бдительная охрана собственности стала необходимостью и начала играть в жизни общества роль, намного более важную. Любое политическое действие, игнорирующее этот факт, встречало резкое противодействие. Современные коммунисты, наконец, начали это понимать и уже корректируют свою политику соответствующим образом.

Корректировка была необходима и во всех случаях, когда целью являлся возврат к прежним охотничье-племенным принципам вроде "власть народа — для народа". Просто суперплемена были слишком большими, а проблемы распределения власти слишком сложными, слишком специфическими. Ситуация требовала введения системы назначения представителей на местах, и для этого были нужны специалисты-профессионалы. Насколько эта система далека от принципа "власть народа", наглядно продемонстрировано недавно в Англии, когда было выдвинуто предложение транслировать парламентские дебаты по телевидению, чтобы народ (спасибо современной науке!) мог наконец-то принимать непосредственное участие в делах государства. Но это предложение противоречило особому духу профессионализма, поэтому встретило жёсткое противодействие и было отклонено. На этом власть народа закончилась, да это и неудивительно: управлять суперплеменем — всё равно, что заставлять слона ходить по канату. Всё, чего можно достичь при любой современной политической системе, — это осуществление политики левой оппозиции правыми методами (что, собственно говоря, и делается сегодня как на Западе, так и на Востоке). Фокус этот непростой и требует большого профессионализма, не говоря уж об искусстве лицемерить и пускать пыль в глаза. Если современные политики нередко становятся объектами насмешек и иронических издёвок, то лишь благодаря тому, что слишком много людей часто замечают обман, но, учитывая размеры сегодняшних суперплемен, альтернативы, скорее всего, нет.

Поскольку современные суперплемена зачастую оказываются неуправляемыми, существует устойчивая тенденция деления их на части. Я уже говорил о выделении в составе основного племени отдельных псевдоплемен по социальным, классовым,

профессиональным, академическим и другим признакам, а также по интересам, благодаря чему городские жители в той или иной форме ощущают собственную исключительность. Таких групп внутри сообщества немало, но зачастую происходит и раскол, ещё более ощутимый: империи распадаются на независимые государства, те — на сектора самоуправления, так что, несмотря на укрепление взаимоотношений, на развивающуюся политику взаимопомощи и общие интересы, раскол всё же имеет место. Война как объединяющий фактор может способствовать быстрому образованию союзнических альянсов, но в мирное время вопрос об отделении и обособлении всегда стоит на повестке дня. Если отдельные группы лезут из кожи вон, пытаясь доказать собственную самобытность, значит, связующие силы внутри суперплемени, к которому они принадлежат, оказались недостаточно мощными или стимулирующими, чтобы сдержать их порывы.

Мечта о едином спокойном суперплемени каждый раз разбивается вдребезги. Такое впечатление, что только нашествие инопланетян из других миров сможет стать той силой, которая объединит общество, да и то ненадолго. Остаётся надеяться, что когда-нибудь в будущем изобретательность человека приведёт к изменениям в социальной жизни, которые смогут эту проблему решить. На сегодняшний день это представляется маловероятным.

В последнее время было множество споров по поводу того, насколько современные средства массовой коммуникации (например, телевидение) сжимают социальную сферу, превращая мировое сообщество в этакую глобальную теледеревню. Предполагалось, что такая тенденция действительно поможет объединить все народы в единое содружество. К сожалению, это не более чем миф по той простой причине, что телевидение, если сравнить его с личным общением между людьми, — это улица с односторонним движением: я могу видеть и слышать телеведущего, но он не может видеть и слышать меня. Конечно, я могу знать, о чём он думает и что он делает, и это, безусловно, большой плюс, расширяющий объём впитываемой мною информации, но это никак не заменит двусторонней структуры непосредственного человеческого общения.

Даже при условии, что в ближайшем будущем появятся средства массовой коммуникации на основе совершенно новых, доселе неизвестных технологий, они всё равно не смогут преодолеть препятствия в виде социально-биологических ограничений, присущих нашему с вами человеческому роду. Мы не муравьи и не приспособлены к тому, чтобы добровольно стать членами огромного сообщества. По своей натуре мы есть и, наверное, всегда будем простыми племенными животными.

Тем не менее, несмотря на всё вышесказанное и невзирая на судорожные попытки отделиться от основной массы, постоянно предпринимаемые в разных уголках земного шара, приходится признать, что главной мировой тенденцией всё-таки является стремление достигнуть уровня мощного суперплемени: пока в одной части планеты наблюдается раскол, в другой происходит слияние. Ситуация остаётся такой же нестабильной, какой была на протяжении сотен лет. Так почему же мы не пытаемся её изменить? Если она настолько опасна, почему мы ничего не предпринимаем?

Дело в том, что это не просто игра власти с участием игроков всего мира. Человеческое существо обладает неким биологическим качеством, благодаря которому оно, попав в городской хаос суперплемени, испытывает чувство глубокого удовлетворения. Этим качеством является неутолимая жажда знаний человека, его изобретательность и интеллектуальная мощь, и, похоже, что суматоха города заряжает это качество новой энергией. Подобно морским птицам, у которых всплеск репродуктивной функции

происходит, когда они собираются в тесные видовые колонии, у людей наблюдается всплеск интеллектуальных способностей, когда они собираются в тесные городские сообщества — видовые колонии человеческих идей. В этом заключается положительная сторона вопроса, и именно она поддерживает систему "на плаву", несмотря на все её недостатки.

Мы рассмотрели некоторые из подобных недостатков с общественной точки зрения, но ведь они существуют ещё и на уровне персональном. Жители большого городского комплекса страдают от стресса и напряжения, вызванных множеством причин: шумом, загрязнением воздуха, малоподвижным образом жизни, нехваткой свободного пространства, перенаселённостью и суматохой жизни. К тому же, как это ни парадоксально, есть и такие, которые страдают от одиночества и скуки.

Вы можете подумать, что цена, которую приходится платить члену суперплемени, слишком высока, что тихая, спокойная, созерцательная жизнь была бы гораздо предпочтительней. Он, конечно, тоже думает, что так было бы лучше, но редко делает что-либо для этого (например, физические упражнения, которыми он вечно собирается заняться). Всё, на что его хватает, — это съездить за город. Там он может погрузиться в псевдоплеменную атмосферу вдали от суматохи мегаполиса, но наступает утро понедельника, и он несётся в этот кошмар обратно. Он может уехать, но тогда лишится удовольствия почувствовать возбуждение охотника нового времени, выслеживающего самую большую дичь в самых обширных и самых лучших охотничьих угодьях, которыми только может располагать природа.

Основываясь на этих фактах, можно подумать, что каждый большой город похож на этакую "геенну огненную", олицетворяющую собой новизну и изобретательность. По сравнению с деревней это, скорее всего, так и есть, но не надо забывать о возможности проявления исследовательских способностей, которую предоставляет город. Испокон веков существовала ожесточённая вражда между связующими силами в обществе и силой изобретательской мысли. Одни стремятся сохранить стабильность и поэтому предпочитают монотонное и статичное существование, другие приветствуют новые открытия и ратуют за решительный отказ от всего устаревшего. Наряду с конфликтом между сотрудничеством и соперничеством продолжается борьба между конформизмом и новаторством. Только город даёт новаторству реальный шанс надолго закрепиться в основе общества. Только город с его сильным конформизмом, предоставляющим достаточную безопасность, может противостоять разрушительной силе мятежной оригинальности и творческой мысли. Острые мечи борцов с традиционными взглядами ранят плоть этого гиганта не больше, чем булавки, приятно покалывая его кожу, пробуждая ото сна и заставляя браться за дело.

Таким образом, именно это возбуждение исследователя с помощью связующих сил, которые я описал выше, превращает многих горожан в добровольных пленников "людского зверинца". Волнения и тревоги жизни суперплемени настолько сильны, что даже лёгкого импульса достаточно для того, чтобы они переросли в серьёзную опасность или причинили ощутимый ущерб. Можно ли провести параллель между этими людскими неприятностями и проблемами, с которыми сталкиваются животные в настоящем зоопарке?

Там зверь находится либо в одиночной камере, либо в коллективе, помещённом в ненормальные социальные условия. Совсем рядом, в соседних клетках, можно видеть или слышать других животных, но пообщаться с ними по-настоящему не удаётся. Как ни иронично это звучит, но эти условия во многом похожи на те, в которых живёт представитель суперплемени. Одиночество городского жителя — хорошо известный источник опасности:

очень просто затеряться в огромной безликой толпе, образованные естественным образом родственные группировки легко расколоть, а личностные племенные отношения легко разрушить. В деревне все соседи — близкие друзья или, на худой конец, враги; чужаков нет, а в большом городе многие даже не знают имён своих соседей.

Отход от личностных отношений на самом деле на руку только революционерам и новаторам, которые в условиях меньшего по размеру племени испытывали бы влияние намного более мощных связующих сил; необходимость поддерживать традиции быстро остудила бы их пыл. Но в то же время этот парадокс — изолированность человека в растущем городе — может обернуться для многих обитателей "людского зверинца" депрессией и стрессом.

Помимо личной изоляции существует ещё и непосредственная физическая угроза перенаселённости: любое животное приспособлено к существованию в определённом жизненном пространстве. Как в зверинце настоящем, так и в людском это пространство значительно сокращено, и последствия этого могут быть очень серьёзными. Мы считаем клаустрофобию болезнью, но её извращённое проявление (правда, в более лёгкой форме, которую сложнее распознать) наличествует у всех жителей города. Действия, предпринимаемые для лечения этой болезни, какие-то вялые. Чисто символически посреди городского массива выделяются специальные зоны открытого пространства — маленькие участки природы, называемые «парками». Изначально парки были охотничьими угодьями, населёнными оленями и другими дикими животными, где богатые представители суперплемени могли вспомнить охотничьи повадки своих предков. Современные парки напоминают прежние только наличием растительности, а уж говорить о размерах городских парков просто смешно: чтобы обеспечить действительно естественные условия для отдыха жителей огромного мегаполиса, парк должен занимать площадь в несколько тысяч квадратных километров. В защиту парков можно сказать только одно: когда они есть, это определённо лучше, чем когда их нет.

Для желающих отдохнуть на открытом воздухе альтернативой являются кратковременные вылазки на природу, что люди и делают с огромным воодушевлением. Каждые выходные (бампер к бамперу) автомобили направляются за город, и так же (бампер к бамперу) они едут обратно. Несмотря ни на что, они возвращаются и снова едут туда, расширяя тем самым границы своего обитания и продолжая борьбу против неестественно сжатых участков свободного пространства в городской среде. Если такое движение по переполненным дорогам современного суперплемени превратится в ритуал, то лучше сразу всё бросить и закрыть эту тему. Для обитателей зоопарков дело обстоит ещё хуже: для них движение "бампер к бамперу" воплощается в виде ещё более нелепого накручивания кругов внутри своей клетки, но они не сдаются, так что мы должны быть благодарны за то, что наши перемещения не ограничены пространством наших квартир.

Таким образом, рассмотрев последовательность событий, которые привели нас в современные социальные условия, мы можем начать более детальное исследование различных аспектов жизни в "людском зверинце", к которым наши поведенческие качества благополучно приспособились или же (как в некоторых случаях), наоборот, оказались абсолютно неприспособленными.

Глава 2

СТАТУС И СУПЕРСТАТУС

Какой бы сплочённой и организованной группа млекопитающих ни была, в ней всегда идёт борьба за социальное превосходство. В процессе этой борьбы каждый взрослый индивид приобретает особое социальное положение, определяющее его место (то есть статус) в иерархии всей группы. Данная ситуация, впрочем, стабильной в течение долгого времени никогда не остаётся, и происходит это в основном из-за старения всех борцов за статус без исключения. Когда владыки или правящая верхушка стареют, их превосходство оспаривается ближайшими подчинёнными, которые их впоследствии и свергают. Тогда склоки из-за превосходства возобновляются, так как каждый продвигается по социальной лестнице немного вверх. У подножия этой лестницы находятся более молодые, но быстро взрослеющие члены группы, оказывающие давление снизу. Помимо всего прочего, ни один из членов группы не застрахован от тяжёлой болезни или смерти в результате несчастного случая, и тогда в иерархической структуре образуются прорехи, требующие незамедлительного заполнения.

В результате идёт постоянный и напряжённый процесс борьбы за статус. В естественных условиях с этим процессом, впрочем, ещё можно смириться, так как размер социальных группировок довольно ограничен. Но если эта среда искусственная, подобно среде зверинца, и группы становятся слишком многочисленными или пространство слишком ограниченным, тогда "мышьяная возня" в борьбе за статус вскоре выходит из-под контроля, битвы за превосходство начинают бушевать с неистовой силой, и лидеры свор, стай, колоний или племён оказываются в очень напряжённой ситуации. Когда такое происходит, довольно сдержанные поначалу ритуальные танцы перерастают в сцены кровавого насилия, когда самых слабых членов группы зачастую загоняют до смерти.

Могут быть и другие последствия. Дело в том, что на выяснение таких неестественно сложных статусных отношений уходит так много времени, что приходится пренебрегать другими аспектами социальной жизни, такими, например, как родительская забота, а это наносит им серьёзный ущерб.

Если урегулирование споров за превосходство создаёт массу проблем даже не столь многочисленным обитателям животного мира, то уж о непомерно огромных суперплеменах "людского зверинца" нечего и говорить. Главная особенность борьбы за статус в природе заключается в том, что она основывается на личных отношениях между отдельными особями внутри одной социальной группы. Следовательно, во времена примитивного первобытно-общинного строя эта проблема была относительно простой, но когда племена превратились в огромные суперплемена, где отношения стали максимально безличными, проблема статуса молниеносно превратилась в кошмар суперстатуса.

Перед тем, как приступить к исследованию этой тонкой стороны городской жизни, нам кажется нелишним бегло коснуться основных законов, в соответствии с которыми ведётся борьба за превосходство, и лучше всего, на наш взгляд, их можно увидеть, если взглянуть на поле битвы глазами вожака стаи животных. Если вы собираетесь управлять своей группой и стремитесь как можно дольше оставаться в роли лидера, вам придётся неукоснительно следовать десяти «золотым» правилам, причём это относится ко всем лидерам, начиная от

бабуинов и заканчивая современными президентами и премьер-министрами. Вот эти десять заповедей:

1. Недвусмысленно демонстрируй уловки, осанку и жесты, говорящие о твоём превосходстве.

Для бабуина это означает лоснящуюся, прекрасно ухоженную густую шерсть; спокойную, расслабленную осанку (если, конечно, он не вовлечён в спор); неторопливую и важную походку. В его поведении не должно проследиваться ни малейшего признака беспокойства, неуверенности или нерешительности.

Всё то же самое, лишь с некоторыми несущественными поправками, относится и к лидерам в мире людей. Шикарный мех становится роскошным и тщательно продуманным костюмом правителя, затмевающим наряды его подчинённых. Его осанка говорит о той исключительной роли, которую он играет в обществе. Отдыхая, он может возлечь или сидеть, в то время как остальные обязаны стоять до особого на то разрешения. Это типично и для вожака бабуинов, который может лениво потягиваться, в то время как его окружение расположилось поблизости и взирает на него с беспокойством и некоторым напряжением. Ситуация, правда, меняется, как только лидер проявляет агрессию и начинает в своём статусе утверждаться. Тогда, будь то бабуин или принц, ему необходимо подняться и принять позу гораздо более впечатляющую, чем у его приближённых. Он должен над ними в буквальном смысле возвыситься, всем своим видом показав своё высокое положение. Для вожака бабуинов это довольно легко: как правило, он всегда мощнее остальных, и ему просто нужно встать во весь рост, а всё остальное сделает за него внушительных размеров тело. Не последнюю роль играет здесь раболепие и страх его приближённых. Человеку же для утверждения своей позиции лидера, возможно, понадобится прибегнуть к средствам искусственным. Он может увеличить в глазах подчинённых свой рост, надев широкую длинную мантию или высокий головной убор. Кроме того, он может взобраться на трон, трибуну, на какое-нибудь животное или транспортное средство, а также на плечи своих приближённых. Подобно бабуинам, пресмыкающимся перед своим вожаком, люди, желающие перед своим вождём казаться меньше ростом, склоняют головы, делают реверансы, преклоняют колени, низкокланяются или падают ниц.

Человеческая изобретательность позволяет лидеру утверждаться в своём превосходстве любым из этих способов. Восседавая на троне, стоящем на высоком постаменте, он может получать двойное наслаждение: во-первых, от безразличного сидения в расслабленной позе владыки, а во-вторых — от высоты своего положения, что делает его осанку ещё более величественной и придаёт ему ощущение удвоенного могущества.

Горделивые проявления главенствующей роли, присущие животным (как бабуину, так и человеку), актуальны и по сей день. Они наблюдаются в наиболее примитивной и явной форме у военачальников, судей, первосвященников и ныне здравствующих членов королевских семей. В настоящее время они обычно проявляются только в особых случаях (не то что раньше), но даже в эти не столь частые моменты они столь же нарочиты, как когда-то. Даже корифеи науки не всегда могут устоять перед роскошью и шикарными нарядами, когда дело касается официальных торжеств.

Тем не менее, после того, как императоров сменили избираемые президенты и премьер-министры, проявления личного превосходства стали бросаться в глаза меньше. Дело в том, что изменился взгляд на роль лидера. Нынешний лидер — это, скорее, слуга народа, который лишь оказался на месте вождя, а не лидер, который ещё и служит людям. Он носит

обыкновенные серые или коричневые костюмы, чем лишний раз пытается подчеркнуть, что он ничем не отличается от остальных, но это всего лишь трюк. Этот маленький обман лидер может себе позволить, чтобы казаться таким же, как остальные, но ему следует быть крайне осторожным, так как иначе он рискует в одно мгновение вновь стать одним из толпы, а значит, для внешнего выражения своего превосходства он должен прибегать к другим способам, не столь очевидным; но это не так уж и сложно, если учесть, что в его распоряжении есть всё, что предлагает современная городская среда. Отсутствие пышности в одежде можно компенсировать исключительностью помещений, где он правит, и зданий, где он живёт и работает. Можно также выставить напоказ способы своего перемещения — кортежи автомобилей, эскорты мотоциклистов и личные самолёты. Лидер может окружать себя большой группой "профессиональных подчинённых" — советников, секретарей, служащих, личных ассистентов, телохранителей, обслуживающего персонала и тому подобных, основная часть работы которых заключается в том, чтобы показывать свою позицию подчинённого по отношению к нему, внося тем самым свою лепту в создание его имиджа социального превосходства. Его осанку, движения и жесты можно оставить без изменений, так как сигналы силы, которые они передают, настолько фундаментальны для всего человеческого рода, что воспринимаются бессознательно, а значит, в ограничениях не нуждаются. Его движения и жесты могут быть спокойными и расслабленными или же решительными и хорошо обдуманно. (Вам когда-нибудь приходилось видеть бегущего президента или премьер-министра, если, конечно, он не делает этого в оздоровительных целях?) Во время разговора глаза лидера служат в качестве оружия: его взгляд становится пристальным как раз в те моменты, когда подчинённые предпочли бы отвести глаза, а когда подчинённые пристально смотрят на него, он предпочитает отвернуться. Он не суетится, не делает лишних движений, не волнуется и не мямлит; всё это — прерогатива подчинённых. Если же в поведении лидера будет замечен хоть какой-то из этих признаков, это означает, что с ним как с руководителем что-то не в порядке.

2. В моменты активного соперничества прибегай к агрессии, угрожая подчинённым.

На малейший вызов, брошенный от подчинённого бабуина, лидер стаи незамедлительно и выразительно отвечает угрожающим поведением. Существует масса проявлений угрозы, начиная с тех, которые мотивированы сильной агрессией с лёгкой примесью страха, и заканчивая теми, в основе которых лежит страх, подкреплённый лишь малой долей агрессии. Последние (так называемые "угрозы из боязни") свойственны слабым, но враждебно настроенным индивидам и никогда не используются лидером, за исключением тех случаев, когда его правление находится на грани фола. Если же лишиться позиции лидера он не рискует, то прибегает лишь к угрозам наиболее агрессивным. Он может быть в положении, безопасном настолько, что ему нужно лишь продемонстрировать намерение угрозы, даже не пытаясь её осуществить. Резкого поворота его массивной головы в сторону мятежного подчинённого может быть вполне достаточно. Такие действия называются "движениями намерения", и, когда дело касается человеческого вида, эффект такой же. Наделённому властью лидеру группы людей, раздражённому действиями подчинённого, для успешного утверждения превосходства нужно лишь резко повернуть голову в сторону последнего и пристально посмотреть тяжёлым взглядом. Случаи, когда лидеру приходится повышать голос или повторять приказ, говорят о том, что его превосходство находится не в столь уж безопасном положении, а это значит, что после очередного восстановления контроля ему придётся подкрепить свой статус вынесением выговора или каким-нибудь символическим

наказанием.

Повышение голоса или явный гнев как реакция на внезапную угрозу свидетельствуют лишь о слабости лидера. В то же время они могут спонтанно или намеренно использоваться и сильным лидером как средство лишний раз утвердить своё превосходство. Точно так же может вести себя и вожак бабуинов, который, внезапно набрасываясь на подчинённых и вселяя в них страх, тем самым лишний раз напоминает о своих полномочиях. Это даёт ему возможность заработать несколько дополнительных очков и впоследствии добиваться своего лишь кивком головы. Лидеры людей время от времени поступают таким же образом, издавая жёсткие указы, осуществляя внезапные проверки или обращаясь к группе с решительными заявлениями. Для лидера крайне опасно оставаться молчаливым, невидимым или неощущаемым в течение долгого времени. Если естественные обстоятельства не создают необходимости демонстрации власти, такую необходимость следует смоделировать искусственно. Недостаточно просто обладать властью — её нужно демонстрировать, в этом-то и заключается ценность спонтанных угроз.

3. В моменты, когда брошен физический вызов, для победы над подчинёнными умей прибегнуть к насильственным мерам или поручи это своему представителю.

В случае провала политики угроз должна последовать физическая атака. Если вы предводитель бабуинов, это может быть довольно опасно по двум причинам. Во-первых, в физической битве может пострадать даже победитель, а для лидера животных травма имеет последствия более серьёзные, нежели для любого из его подчинённых, поскольку делает его менее устрашающим для тех, кто атаковать продолжает. Во-вторых, его подчинённых всегда больше, а, зайдя слишком далеко, они могут объединиться и совместными усилиями его победить. Именно по этим причинам лидирующие индивиды реальному сражению предпочитают угрозы.

Предводитель группы людей в определённой степени преодолевает эту проблему, нанимая на службу специальных работников-карателей. Они (военные или полицейские) настолько хорошо подготовлены и так хорошо выполняют свою задачу, что победить их можно, только подняв на восстание всё население. В экстренных случаях тиран нанимает на службу других, ещё более профессиональных карателей (например, секретную полицию), задачей которых является подавление карателей обычных, если те выходят за рамки дозволенного. При помощи умелого манипулирования и руководства можно построить эту агрессивную систему таким образом, чтобы только лидер обладал достаточной информацией о том, что происходит, а значит, и мог контролировать эту систему. Все остальные при этом находятся в состоянии замешательства, если только не получают приказов свыше, а это значит, что таким образом современный тиран может эффективно удерживать бразды правления и своё место лидера.

4. Если тебе брошен вызов интеллектуальный, а не физический, умей подчинённых перехитрить.

Вожак бабуинов должен быть хитёр, быстр и умён, но вместе с тем силён и агрессивен. О том, что всеми этими качествами должен обладать лидер группы людей, нечего и говорить. В случаях, когда место лидера передаётся по наследству, глупый индивид быстро лишается власти или же становится лишь номинальным главой и «пешкой» того, кто является лидером в действительности.

В настоящее время проблемы настолько сложны, что современному лидеру приходится окружать себя различными специалистами, но, даже, несмотря на это, он должен быть

способен соображать быстро. Именно он должен принимать окончательные решения; мало того — принимать их нужно решительно, чётко, без колебаний. Для лидера гораздо важнее уметь принимать решения твёрдые, нежели верные. Многим лидерам, наделённым властью, своё место удаётся удерживать, несмотря на неверные, но твёрдые и убедительные решения, и лишь очень немногим сомневающимся и проявляющим нерешительность удаётся сохранять привилегированное положение. Итак, «золотое» правило руководителя (как бы неприятно это ни звучало для разумного человека) заключается в том, что важно не то, что ты делаешь, а важно, как ты это делаешь. Горькая правда состоит в том, что лидер, делающий неверные вещи правильным образом, получит в определённой степени большее признание и добьётся большего успеха, чем тот, кто делает правильные вещи неверным образом. Всё это в результате пагубно отражается на прогрессе цивилизации. Поистине счастливо то общество, где лидер делает правильные вещи и в то же время соблюдает десять «золотых» заповедей превосходства; оно счастливо, но и встречается редко.

Скорее всего, одно из проклятий непомерной сложности суперплеменного строя заключается в том, что принятие на разумной основе твёрдых и ясных решений, касающихся наиболее важных вопросов, почти невозможно. Имеющиеся факты так сложны, разнообразны и зачастую так противоречивы, что любое рациональное и обоснованное решение неминуемо порождает неуместную здесь нерешительность. Такая значимая фигура, как лидер суперплемени, не может наслаждаться громоздкими формулами и "дальнейшим изучением фактов", столь типичным для великого учёного. Биологическое начало статуса руководящего животного заставляет его принимать решения быстро, иначе он рискует "потерять лицо".

Опасность совершенно очевидна: такая ситуация, без сомнения, благоприятствует тому, чтобы крупные лидеры, а вернее — ненормальные индивиды, до фанатизма воодушевлённые какой-нибудь навязчивой идеей, были готовы пренебречь массой противоречивых фактов, порождаемых в суперплеменных условиях. Это лишь часть цены, которую обыкновенный (с биологической точки зрения) человек племени должен заплатить за то, чтобы искусственным образом стать человеком суперплемени. Единственный выход из данной ситуации — найти блестяще и глубоко мыслящий уравновешенный мозг, сочетающийся с приятной, привлекающей внимание и уверенной в себе яркой личностью. Противоречиво? Да. Невозможно? Пожалуй. Но всё же есть слабая надежда на то, что сами размеры суперплемени, являющиеся первопричиной проблемы, в то же время делают возможным существование (без преувеличения) миллионов потенциальных кандидатов.

5. Подавляй мелкие ссоры между подчинёнными.

Если вожак бабуинов увидит, что подчинённые начинают буйствовать и ссориться, он, скорее всего, вмешается и ссору прекратит, даже если лично ему она ничем не грозит. Это даёт ему ещё одну возможность показать своё превосходство и одновременно установить порядок в группе. Такого рода вмешательство вожака направлено в основном на ссорящийся молодняк и помогает с малых лет внушить мысль о могуществе лидера.

Эквивалентом такого поведения для лидера людей можно считать контроль над законами его группы и управление ими. Правители существовавших ранее более мелких суперплемён в этом отношении были довольно активны, но в настоящее время из-за всё возрастающей сложности других проблем (в большей степени относящихся к статусу лидера) управление законами всё чаще подвергается передаче. И всё же сообщество, где постоянно возникают ссоры, не может быть эффективным, а, следовательно, ему необходимы некоторое

влияние и контроль.

6. Поощряй ближайших подчинённых, позволяя им наслаждаться преимуществами высокого положения.

Ближайшие помощники вожака, хотя и являются его основными соперниками, в моменты угрозы со стороны абсолютно незаменимы. К тому же, если на них оказывается чересчур сильное давление, они могут объединиться и лишить лидера власти, поэтому они любят наслаждаться привилегиями, на более слабых членов группы не распространяющимися. Им предоставлена большая свобода действий и позволено находиться ближе к вожаку, чем тем, чьё положение ниже.

Любой лидер людей, не соблюдающий это правило, быстро оказывается в сложной ситуации. Помощь ближайших помощников необходима ему в большей степени, и к тому же опасность "дворцового мятежа" стоит перед ним гораздо острее, чем перед занимающим сходное положение бабуином. За его спиной могут происходить события, гораздо более опасные. Система вознаграждения ближайшего окружения требует особого мастерства: неверная награда даёт серьёзному сопернику слишком много власти. Проблема заключается в том, что истинный лидер не может насладиться истинной дружбой: настоящая дружба допустима только между членами примерно одного статусного уровня. Между лидером и подчинённым любого уровня, разумеется, может возникнуть некое подобие дружеских отношений, но разница в социальном положении такую дружбу всегда портит. Какими бы хорошими ни были намерения сторон, в дружбе такого рода неизменно появляются покровительство и лесть, омрачающие взаимоотношения. Лидер, находящийся на самом вершине социальной пирамиды, всегда одинок (в полном смысле этого слова), а его кажущиеся друзья — возможно, гораздо более кажущиеся, чем ему хочется думать. Как я уже говорил, для раздачи привилегий требуется рука мастера.

7. Защищай более слабых членов группы отнеуместной травли.

Самки бабуинов с потомством стремятся держаться возле вожака. Он яростно отражает все нападки на них или на беззащитный молодняк. В качестве защитника слабых он обеспечивает выживание будущего взрослого поколения группы. Лидеры людей понятие "защита слабых" значительно расширили, распространив его также на пожилых, больных и инвалидов, потому что умелому правителю нужно не только защищать подрастающее поколение, которое однажды пополнит ряды его последователей, но и уменьшать опасения взрослых, каждый из которых боится неизбежной старости, внезапной болезни или возможной инвалидности. У большинства людей желание оказать такую помощь можно считать естественным развитием их биологически дружелюбной натуры. Если же говорить о лидере, то для него это ещё и вопрос того, как заставить людей работать более эффективно, заслужив большую симпатию с их стороны.

8. Принимай решения, касающиеся социальной жизнеспособной группы.

Когда вожак бабуинов решает двинуться в путь, за ним следует вся стая; когда он отдыхает — отдыхают все; когда он ест — едят все. Для лидера суперплемени непосредственный контроль такого рода, безусловно, невозможен, но он может играть жизненно важную роль в воодушевлении своей группы на поступки, более абстрактные: он может поощрять развитие науки или делать упор на военную мощь. Наряду с другими «золотыми» правилами лидерства важно применять и это, причём даже тогда, когда, на первый взгляд, серьёзной необходимости в нём нет. Даже если общество благополучно идёт установленным и приемлемым курсом, для лидера очень важно некоторым образом этот

курс изменять, с тем чтобы сделать своё влияние ощутимым. Недостаточно просто менять его тогда, когда что-то идёт не так: лидер должен внезапно, по собственному усмотрению, настоять на новых путях развития, иначе его сочтут слабым и бездеятельным. Если у него нет никаких предпочтений и особых интересов, он должен их придумать. Если ему удастся создать впечатление того, что в определённых вопросах у него есть сильные убеждения, его будут воспринимать более серьёзно, когда дело коснётся и всех остальных вопросов. Многие современные лидеры, похоже, не придают этому никакого значения, и их "политическим платформам" явно недостаёт оригинальности. Если они и выигрывают битву за место лидера, то это не оттого, что они больше вдохновляют, а лишь оттого, что они менее скучны.

9. Время от времени успокаивай подчинённых.

Если вожак бабуинов хочет подойти к подчинённым, это может оказаться довольно затруднительно, так как его непосредственная близость неизбежно устрашает. Он может преодолеть это, избрав тактику успокоения. Заключается она в очень спокойном приближении, без внезапных или резких движений, сопровождающемся мимикой, типичной для подчинённых, дружелюбно относящихся друг к другу. Это помогает успокоить страхи более слабых животных и позволяет вожаку подойти ближе.

Лидеры людей, обычно жёсткие в обращении и не улыбочивые с ближайшими подчинёнными, зачастую «надевают» выражение дружеского смирения при личном общении с простыми смертными. С ними лидеры преувеличенно любезны и улыбочивы, машут им, долго жмут руку и даже ласкают их детей, но эти улыбки исчезают, как только они отворачиваются и возвращаются обратно, в свой жестокий мир власти.

10. Бери на себя инициативу при отражении угрозы атак, идущих извне.

Вожак бабуинов всегда выходит вперёд, если нужно отразить атаку внешнего врага. Именно он берёт на себя важную роль защитника всей группы. Враг бабуина — обычно опасное животное другого вида, для лидера же людей врагом является соперничающая группа одного с ним вида. В подобные моменты его лидерство подвергается серьёзной проверке, но эта проверка в известном смысле менее серьёзна, чем в мирные времена. Внешняя угроза, как я уже говорил в предыдущей главе, так сплачивает членов, что задача лидера во многом упрощается. Чем больше в нём отваги и безрассудства, тем отчаяннее он защищает группу, которая под влиянием сильных эмоций никогда не осмелится усомниться в правильности его действий (не то, что в мирное время), независимо от того, насколько эти действия разумны. Захваченный абсурдным приливом энтузиазма в связи с разгоревшейся войной, сильный лидер всё же не забывает и об интересах собственных. Не прикладывая никаких особых усилий, он может убедить членов своей группы, глубоко потрясённых ситуацией и считающих убийство другого человека самым ужасным преступлением, в том, что сейчас такой поступок является не чем иным, как проявлением героизма, и считается делом чести. Лидер не имеет права ошибаться, но если это всё-таки случается, о его серьёзном промахе всегда можно умолчать для поддержания национального духа. Если же эта новость станет общественным достоянием, её можно преподнести как неудачу, а не как ошибку. Зная это, не приходится удивляться, что в мирное время лидеры склонны изобретать или, по крайней мере, преувеличивать опасность угрозы, идущую от иностранных держав, которым впоследствии они отводят роль потенциальных врагов. Стоит добавить немного сплочённости, и это даёт огромные результаты.

Вот это и есть основные принципы власти. Должен сразу же сказать, что, сравнивая

вожака бабуинов с лидером людей, я вовсе не имел в виду, что мы произошли от бабуинов или что поведение наших лидеров в этом смысле как-то связано с их поведением. Разумеется, это правда, что у нас с ними есть общий предок на пути эволюции, но суть не в этом. Главное заключается в том, что бабуины, подобно нашим древним предкам, из дремучей лесной среды переселились в мир открытого пространства, где контроль необходим более жёсткий. У приматов, обитающих в лесах, социальная система не такая строгая, их лидеры находятся под меньшим давлением. Вожаку же бабуинов отводится роль, более значимая, и именно поэтому я выбрал в качестве примера его. Значимость сравнения бабуина и человека заключается в том, что оно показывает самую суть природы принципов человеческого лидерства. Имеющееся поразительное сходство даёт нам возможность посмотреть свежим взглядом на игру человека во власть и увидеть её такой, какова она на самом деле, а именно — что в основе её лежит животное поведение. Впрочем, оставим бабуинов с их более лёгкими задачами и рассмотрим сложности, которые мы имеем в ситуации с человеком, поближе.

Если современный лидер хочет эффективно играть свою роль, он сталкивается с рядом очевидных трудностей. Гротескно раздутая власть, которой он обладает, наводит на мысль о существовании вечной опасности того, что только индивид с таким же гротескно раздутым эго будет способен успешно править суперплеменем. Чрезмерное давление может легко натолкнуть его на мысль о совершении актов насилия, что также будет более чем естественной реакцией на напряжение, связанное с суперстатусом. Кроме того, непомерная сложность задачи может поглотить его до такой степени, что он просто перестанет интересоваться повседневными проблемами своих сторонников. Хороший лидер племени всегда точно знает, что происходит с каждым членом его группы. Лидер же суперплемени, безнадежно изолированный своим высоким положением, которое даёт суперстатус, и полностью поглощённый механизмом власти, очень быстро забывает обо всём остальном.

Говорят, что для того, чтобы быть успешным лидером в современном мире, человек должен быть готов к принятию важных решений при минимуме информации. Это довольно опасный путь при управлении суперплеменем, но всё же так происходит на каждом шагу. Количество информации, доступной каждому индивиду, слишком велико для того, чтобы он смог её усвоить, но и это ещё не всё: ведь гораздо большее её количество, которое может никогда не выплыть наружу, скрыто в сложном лабиринте суперплемени. Пожалуй, наиболее разумно в данной ситуации будет разделаться с влиятельной фигурой лидера — отнести её к пережиткам древнего племенного прошлого, к которому она и принадлежит, и придать её забвению, заменив компьютеризированной организацией, состоящей из взаимозависимых экспертов.

Некое подобие такой организации безусловно уже существует, и любой государственный служащий в Англии, не колеблясь, скажет вам, что именно государственная служба и управляет государством. Для подтверждения своих слов он сообщит вам, что во время заседаний парламента его работа сильно усложняется и что серьёзного прогресса можно достичь только в период парламентских каникул. Всё это очень логично, но, к сожалению, не слишком биологично, к тому же (так уж сложилось) государство, на управление которым он претендует, состоит из биологических экземпляров — представителей суперплемени. Действительно, суперплемени необходим суперконтроль, и если это становится непосильной задачей для одного человека, то кажется целесообразным решить проблему, трансформировав наделённую властью фигуру в наделённую властью организацию.

Впрочем, биологические требования сторонников это не удовлетворит. Они, может быть, и способны рассуждать как члены суперплемени, но их чувства всё ещё остаются племенными, и они будут продолжать требовать настоящего лидера в виде узнаваемого отдельного индивида. Это один из основополагающих принципов их вида, и от этого никуда не деться. Организации и компьютеры могут быть ценными слугами для хозяев, но сами они хозяевами не станут никогда (несмотря на все научно-фантастические рассказы). Многочисленной организации — безличной машине — недостаёт некоторых существенных качеств: она не может вдохновлять, и её нельзя лишить власти, а значит, отдельный лидер приговорён к вечной борьбе, к обязанности вести себя на людях как лидер племени, "держая марку" и олицетворяя собой уверенность, а наедине с самим собой напряжённо бороться с решением практически невозможных задач установления контроля над суперплеменем.

Несмотря на огромные трудности, связанные с лидерством в наше время, а также, невзирая на тот пугающий факт, что у честолюбивого члена современного суперплемени практически нет никаких шансов на то, чтобы стать лидирующим индивидом своей группы, людей, стремящихся добиться высокого статуса, меньше явно не становится. Желание подняться по социальной лестнице — слишком древнее, слишком прочно засевшее в мозгу, чтобы его ослабила рациональная оценка новой ситуации.

В наших многочисленных сообществах повсеместно встречаются сотни тысяч людей, несостоявшихся и никаких шансов на успех лидера не имеющих. Куда же девается их упрямство в карабканье по лестнице? Куда уходит энергия? Конечно, они могут сдаться и выйти из игры, но от этого легче не становится. Недостаток такого решения заключается в том, что на самом деле они вообще из неё не выходят: они остаются на месте и высмеивают ту «мышинуювозню», которая их окружает.

Многие члены суперплемени, правда, избегают такой печальной ситуации при помощи простого средства — борьбы за место лидера в отдельных подгруппах суперплемени. Некоторым это удаётся лучше, чем что-либо другое. Профессионализм или умение создавать конкуренцию автоматически приводит к возникновению собственной социальной иерархии, но даже в этом случае занять место истинного лидера может быть довольно проблематично. Это и служит поводом для практически произвольного создания новых подгрупп, где борьба за первенство может оказаться более результативной, чем борьба за первенство в суперплеменем вообще. Основой этого может быть всё что угодно: от разведения канареек до наблюдения за НЛО — важно лишь то, что оно позволяет создать новую социальную иерархию там, где раньше её не было. Внутри быстро разрабатывается ряд правил и процедур, формируются комитеты и, что важнее всего, появляются лидеры. Можно со всей уверенностью утверждать, что, как бы там ни было, чемпион по выращиванию канареек или туризма никогда бы не получили возможность насладиться пьянящими плодами власти, если бы не были членами именно своей, отдельно взятой подгруппы. Таким образом, потенциальный лидер может дать отпор угнетающе тяжёлому "социальному одеялу", которое то и дело падает на него, как только он пытается подняться по социальной лестнице своего многочисленного суперплемени. В основе подавляющего большинства всех видов спорта, игр, хобби и развлечений лежит не та цель, которая считается общепризнанной, а гораздо более основополагающая: следуй за лидером и, если можешь, победи его. И всё же это скорее определение, а не критика. На самом деле ситуация была бы гораздо более печальной, если бы этого множества безвредных подгрупп или псевдоплемён попросту не существовало. Они позволяют реализовать многие попытки взобраться по социальной лестнице, которые,

окажись они тщетны, могли бы нанести серьёзный вред.

Я уже сказал, что сама природа этой деятельности большого значения не имеет, но небезынтересно отметить, что многие виды спорта и хобби содержат элемент ритуальной агрессии, а также и элементарного соперничества. Рассмотрим отдельно взятый пример: в основе так называемого акта "попадания в цель" лежит типичный агрессивный принцип координирования. Он, претерпев соответствующие изменения, появляется вновь в целом ряде игр, включая боулинг, бильярд, дартс, настольный теннис, крокет, стрельбу из лука, бадминтон, крикет, большой теннис, футбол, хоккей, водное поло, стрельбу и так далее. Его хоть отбавляй в аттракционах и детских играх. Несколько труднее его различить в любительской фотографии, к которой именно он-то нас так сильно и влечёт: мы, снимая кадры, берём в объектив как на мушку, а значит, наши фотоаппараты сродни пистолетам, кадры плёнки — пулям, фотоаппараты с длинными объективами — ружьям, а кинокамеры — пулемётам. И всё же, несмотря на то, что все эти символические преобразования могут быть полезны, они не имеют ни малейшего значения, если речь идёт о завоевании "превосходства в игре". Средством для завоевания превосходства может служить даже коллекционирование наклеек от спичечных коробков — разумеется, при условии, что вам удастся найти подходящих, занимающихся тем же соперников, чьи коллекции наклеек составят достойную конкуренцию вашей.

Образование специализированных подгрупп — не единственное решение дилеммы суперстатуса. Существуют ещё и псевдоплемена, локализованные географически. Каждая деревня, каждый большой и маленький город и даже каждая страна внутри суперплемени развивают свою собственную региональную иерархию, создавая тем самым всё новые и новые подобию разрушительного суперплеменного лидерства.

В меньшем масштабе происходит то же самое: у каждого индивида есть крепко сплетённый "социальный круг" личных знакомых. Список не связанных с работой имён в личной записной книжке чётко отражает размеры псевдоплемени такого рода. Это особенно важно, так как все члены такого псевдоплемени с этим индивидом знакомы лично, что является одной из характерных черт племени настоящего. Правда, в отличие от настоящего племени, его члены совсем не обязательно знакомы друг с другом. Все эти социальные группы пересекаются и соединяются друг с другом, образуя таким образом одну сложную сеть, и социальное псевдоплемя открывает перед каждым индивидом ещё одну сферу, где он может самовыражаться и утверждаться в роли лидера.

Другим важным принципом суперплемени, благодаря которому группа разделяется, но не уничтожается, является система социальных классов. Основа такой системы сформировалась уже довольно давно: аристократия, или правящий класс; средний класс, включающий торговцев и специалистов в какой-нибудь отрасли; и низший класс, к которому принадлежали крестьяне и рабочие. По мере увеличения размеров этих групп стали появляться подгруппы, объединённые по различным признакам, но принцип образования такой системы остался неизменным. Разделение на классы дало возможность членам всех классов (за исключением высшего) бороться за более высокий статус на конкретном классовом уровне. Принадлежность к классу — это не только вопрос денег. Человек, занимающий высокое положение в каком-то социальном классе, может зарабатывать больше, чем тот, кто принадлежит к классу более высокому, но занимает в нём самое низкое положение. Преимущества, которые даёт власть на собственном уровне, могут быть такими, что желания покинуть своё классовое племя не возникает вовсе. Подобные примеры лишней

раз показывают, насколько сильными могут стать племенные отношения внутри классов. Тем не менее, из-за разделения суперплемени классово-племенная система в последнее время потерпела серьёзные неудачи.

В связи с тем, что суперплемена разрослись до ещё больших размеров и технологии стали ещё более сложными, для того, чтобы идти в ногу со временем, было необходимо поднять требования к стандарту образования. Образование, соединённое с прогрессом в сфере массовой коммуникации и особенно с воздействием рекламы на массы, привело к значительному стиранию классовых барьеров. На смену приятному ощущению, что у тебя есть собственное место в жизни, пришло ещё более волнующее ощущение, что теперь появилась реальная возможность это положение улучшить. Но, несмотря на это, старая классово-племенная система всё ещё сопротивлялась; впрочем, она продолжает упорствовать и по сей день. Сегодня совершенно отчётливым примером внешних проявлений этой непрекращающейся битвы является всё возрастающая цикличность моды. Новые стили в одежде, мебели, интерьере, музыке и искусстве сменяют друг-друга всё стремительнее. Как правило, считается, что причина в коммерческих интересах, но это было бы слишком просто. На самом же деле продавать новые вариации на старые темы гораздо проще, чем придумывать абсолютно новые. И всё же спрос на новые темы непрерывно растёт, так как старые проникают в социальную систему слишком быстро, и, чем скорее они достигают низшего уровня, тем быстрее их нужно заменять чем-то новым и особенным на верхнем. История ещё не видела столь невероятного круговорота стилей и вкусов. В результате же, разумеется, псевдоплеменная индивидуальность, которая достигалась за счёт старой (негибкой) социально-классовой системы, теряется.

Развившаяся недавно новая отдельная суперплеменная система в какой-то степени эту потерю возмещает: появляются возрастные классы, всё большим становится различие между тем, что теперь следует называть "псевдоплеменем молодых" и "псевдоплеменем взрослых". У первого есть собственные обычаи и своя система иерархии, которые значительно отличаются от обычаев и системы последних. Абсолютно новый феномен сильных молодых идолов и студенческих лидеров появился в абсолютно новом псевдоплеменном подразделении. Отдельные попытки, предпринятые псевдоплеменем взрослых для того, чтобы взять новую группу под свой контроль, успехом практически не увенчались. Вдалбливаемые в головы молодых лидеров постулаты об уважении к старшим или терпеливое принятие кричащей молодёжной моды и стилей приводит лишь к ещё более мятежным крайностям. (Если, к примеру, курение конопли когда-нибудь будет легализовано и общепризнано, придётся немедленно произвести ряд замен, как когда-то алкоголю пришлось потесниться, уступив место конопле.) Когда эти крайности дойдут до той степени, что взрослые перестанут считать их допустимыми для себя или откажутся им подражать, молодые некоторое время смогут спокойно отдохнуть. Безопасно "размахивая флагами" нового псевдоплемени, они смогут с удовлетворением наслаждаться ощущением своей новой псевдоплеменной независимости, а также своей отдельной системой власти, легче поддающейся управлению.

Серьёзный урок, который следует вынести из этого, заключается в том, что древняя биологическая потребность человеческого рода в племенной уникальности является могущественной силой, подавить которую невозможно. Как только один суперплеменной раскол незаметно ликвидируется, сразу же появляется другой. Действующие из благих побуждений власти беспечно толкуют о "надеждах на создание единого мирового

сообщества". Они отчётливо видят техническую возможность такого развития, учитывая чудеса современных средств коммуникации, но они упорно стараются не замечать трудностей биологических.

Пессимистично? Ничего подобного. Перспективы останутся мрачными лишь до тех пор, пока не будет достигнута согласованность с биологическими требованиями видов. Теоретически не существует никаких препятствий для того, чтобы конструктивно объединить маленькие группировки, удовлетворяющие требованиям племенной самобытности, внутри нескольких быстро растущих суперплемен, которые, в свою очередь, при условии конструктивного взаимодействия могли бы сформировать одно огромное мировое мегаплемя. Все неудачи, постигающие эти попытки до сих пор, объясняются желанием стереть существующие различия между группами, а не улучшить природу этих различий путём преобразования их в более полезные и мирные формы конкурентоспособного социального взаимодействия. Попытки уравнивать весь мир, превратив его в огромное унифицированное пространство, заранее обречены на неудачу. Это касается всех уровней — от отделившихся наций до отколовшихся группировок. Когда что-то угрожает чувству социальной уникальности, оно оказывает отпор. То, что ему приходится бороться за своё существование, в лучшем случае грозит социальным переворотом, в худшем же — кровавой массовой бойней. Более подробно мы остановимся на этом в одной из следующих глав, а сейчас вернёмся к вопросу социального статуса и рассмотрим его на уровне индивида.

Какое же именно место занимает современный охотник за статусом? Во-первых, у него есть личные друзья и знакомые — все вместе они образуют его социальное псевдоплемя. Во-вторых, у него есть сообщество, в котором он живёт, — его региональное псевдоплемя. В-третьих, у него есть специализация: профессия, ремесло или работа, а также игры, хобби или занятия спортом. Они образуют его специализированные псевдоплемена. Ну и, в-четвёртых, он несёт в себе пережитки классового племени и является членом нового возрастного племени.

Все эти подгруппы вместе предоставляют ему гораздо больше шансов для достижения некоего превосходства, а также для удовлетворения своего основного инстинкта — получения статуса, чем место крошечной частицы в однородной массе, человекоподобного муравья, взбирающегося на гигантский суперплеменной «муравейник». Всё вроде бы неплохо, но есть одна загвоздка.

Прежде всего, превосходство, достигнутое в ограниченной подгруппе, уже само по себе ограничено. Возможно, оно истинно, но это лишь часть решения: ведь пренебрегать тем фактом, что вокруг происходит нечто более значительное, невозможно. "Крупная рыба, плавающая в маленьком пруду, никогда не перестанет мечтать о большом озере." Когда-то такой проблемы не существовало, так как жёсткая и не терпящая компромиссов классовая система заставляла каждого оставаться на своём месте. Возможно, это и вносило определённую ясность, но в то же время могло слишком быстро привести к застою и упадку суперплемени. Не имеющие особых талантов индивиды пользовались всеми благами, а многим из тех, кто действительно обладал большим талантом, приходилось оставаться в стороне, растрачивая свою энергию на строго ограниченные цели. У потенциального гения из низшего класса было гораздо меньше шансов на успех, чем у расшарпанного идиота из высшего.

Ценность жёсткой классовой структуры заключается в том, что она послужила средством раскола, хотя, по сути, она была совершенно бесполезной, и её конечное

исчезновение вовсе не удивительно. Её призрак всё ещё марширует, но в настоящее время его практически повсеместно заменила гораздо более эффективная меритократия, где каждый индивид теоретически имеет возможность достичь своего оптимального уровня, а, найдя его, может усилить свою социальную индивидуальность, примкнув к одной из многочисленных псевдоплеменных группировок.

Такая меритократическая система, конечно, действует возбуждающе, но у неё есть и обратная сторона, так как наряду с возбуждением существует ещё и напряжение. Важная особенность меритократии, хотя она и старается избежать небрежного отношения к талантам, заключается в том, что она ещё и раскрывает сквозной канал, идущий с самых низов до самых верхов гигантского суперплеменного сообщества. Если любой мальчик благодаря собственным заслугам может, в конце концов, стать величайшим из лидеров, тогда на каждого победившего будет приходиться по миллиарду проигравших. Эти проигравшие, впрочем, больше не смогут винить в своей неудаче внешние силы несправедливой классовой системы — им придётся честно признать, что проиграли они только из-за личных недостатков.

Таким образом, создаётся впечатление, что в любом крупном, деятельном и прогрессивном суперплемени должно быть большое количество охотников за статусом, которые, несмотря на старания, всё же терпят постоянные неудачи. На смену молчаливой удовлетворённости жёсткого застойного общества пришли лихорадочные стремления и страстные желания общества более гибкого и развивающегося. Какова же реакция тех, кто борется за получение статуса? Ответ очень прост: если они не могут взобраться на самый верх, то изо всех сил стараются создать иллюзию того, что они менее зависимы, чем это есть на самом деле.

Для лучшего понимания такой ситуации здесь, пожалуй, будет уместно мимоходом взглянуть на мир насекомых. Существует множество видов ядовитых насекомых, и крупные животные их в пищу не употребляют. Поэтому в интересах этих насекомых иметь какой-нибудь отличительный предупреждающий сигнал. Обычная оса, например, обладает бросающейся в глаза жёлто-чёрной полосатой окраской. Она настолько особенна, что хищному зверю не составит труда её запомнить, и насекомых с такой окраской он быстро научится избегать. Точно так же происходит и с другими ядовитыми насекомыми, поэтому все они становятся членами так называемого "предупреждающего клуба".

Для нас в данном контексте важно то, что некоторые абсолютно безвредные виды насекомых пользуются преимуществами такой системы, приобретая окраску, похожую на окраску ядовитых членов "предупреждающего клуба". Некоторые безобидные мухи, к примеру, имеют такую же жёлто-чёрную полосатую окраску, как и осы. Став, таким образом, мнимыми членами "предупреждающего клуба", они пользуются всеми привилегиями, распространяющимися на ядовитых насекомых. Хищники не осмеливаются нападать на них, несмотря на то, что на самом-то деле могли бы недурно перекусить.

Мы попробуем воспользоваться этим примером с насекомыми для проведения грубой аналогии, которая поможет нам понять, что происходит с охотниками за статусом. Всё, что нам нужно сделать, — это заменить яд властью. Настоящие наделённые властью индивиды демонстрируют свой высокий статус множеством различных способов. Они подают сигналы своего превосходства тем, как одеваются, в каких домах живут, как путешествуют, говорят, развлекаются и едят. По социальным знакам принадлежности к "клубу власть имущих" их высокий статус сразу становится очевидным и для подчинённых, и для таких же, как они, а,

следовательно, у них нет необходимости каждый раз своё превосходство каким-нибудь другим способом подтверждать. Подобно ядовитым насекомым, им не приходится жалить своих врагов, — им нужно лишь дать сигнал о том, что при желании они могут это сделать.

Отсюда совершенно очевидно, что безобидные подчинённые могут вступить в "клуб власть имущих" и пользоваться его преимуществами при условии, что им удастся продемонстрировать такие же сигналы. Если, подобно жёлто-чёрным мухам, они смогут подражать жёлто-чёрным осам, то можно предположить, что им, по крайней мере, удастся создать иллюзию своего превосходства.

Действительно, имитация превосходства стала одним из основных занятий суперплеменных охотников за статусом, и поэтому важно рассмотреть её подробно. Прежде всего, необходимо точно определить различие между символом статуса и имитацией превосходства. Символ статуса — это внешний признак истинного уровня социального превосходства, которого вам удалось добиться. Имитация превосходства — это внешний признак уровня превосходства, которого вам хотелось бы добиться, но которого ещё нет. В материальном смысле это означает примерно следующее: символ статуса — это то, что вы можете себе позволить, а имитация превосходства — это то, что вы не совсем можете себе позволить, но, тем не менее, покупаете. Для имитации превосходства, таким образом, зачастую требуется жертвовать чем-то другим, в то время как при наличии истинного символа статуса в этом никакой необходимости нет.

Совершенно очевидно, что в существовавших ранее обществах, с их более жёсткими классовыми структурами, таких широких возможностей для имитации превосходства не было. Как я уже отмечал, людей гораздо более удовлетворяло то, что у каждого есть своё место, но всё возрастающее желание — мощная сила, и к тому же, какой бы жёсткой ни была структура, исключения из правил всегда были и будут. Наделённые властью индивиды, видя, что имитаторы ослабляют их позиции, реагировали незамедлительно: для обуздания имитирования они вводили строгие предписания и даже законы.

Хорошим примером здесь могут служить правила, касающиеся одежды. Эта тема была настолько актуальна, что в Англии в 1363 году парламентом был принят закон, касающийся главным образом правил, регламентирующих моду в одежде различных социальных классов. В Германии Эпохи Возрождения женщина, одевавшаяся неподобающе своему положению, была обязана носить на шее грубый шерстяной платок. В Индии были введены строгие правила относительно того, как каждой касте следует наматывать тюрбан. В Англии времён Генриха VIII бархатные шляпы или золотые цепочки разрешалось носить только тем женщинам, чей муж отдал в королевское войско хорошего скакуна. В Америке новоанглийского периода женщине запрещалось носить шёлковый шарф, если у её мужа не было состояния в тысячу долларов. Подобные примеры можно приводить до бесконечности.

Сегодня с распадом классовой структуры таких законов стало значительно меньше. Теперь они ограничиваются лишь несколькими особыми категориями, такими как медали, титулы и регалии, обладание которыми без соответствующего статуса всё ещё считается незаконным или, по крайней мере, социально неприемлемым, хотя, в принципе, сейчас индивид, наделённый властью, гораздо меньше защищён от попыток имитации превосходства, чем когда-либо. Впрочем, он нашёл довольно изобретательный способ, как за это отплатить. Сознывая, что индивиды с низким статусом будут всегда стремиться ему подражать, он, в свою очередь, сделал доступными дешёвые подделки массового производства, имитирующие его собственные вещи. Искушение было слишком сильным, и

приманку проглотили.

Покажем, как это работает, на примере. Женщина, имеющая высокий статус, носит бриллиантовое кольцо; женщина же с низким статусом носит кольцо из бисера. Оба кольца сделаны превосходно; бисер недорог, но смотрится эффектно и привлекает внимание, к тому же не претендует казаться тем, чем на самом деле не является. Для статуса он ни малейшего значения не имеет, и поэтому носящая его женщина хочет чего-то большего. Никаких указов или законов, запрещающих ей носить бриллиантовые кольца, не существует. Усердно работая, экономя каждую копейку и, в конце концов, потратив больше, чем она может себе позволить, эта женщина, возможно, всё же приобретёт кольцо из маленьких, но настоящих бриллиантов. Но, сделав этот шаг и украсив свою шею кольцом, имитирующим превосходство, она будет представлять угрозу для женщины, обладающей высоким статусом: их статусные различия начнут стираться. Следовательно, человеку, имеющему высокий статус, ничего не остаётся, как пустить в продажу кольца из больших, но поддельных бриллиантов. Такие кольца недороги и так привлекательны внешне, что женщина с низким статусом прекращает бороться за бриллианты настоящие и вместо них довольствуется подделкой. Ловушка захлопнулась, настоящую имитацию превосходства удалось предотвратить. На поверхности это, конечно, не так очевидно. Кажется, что женщина с низким статусом, радуясь своей вульгарной подделке, продолжает имитировать свою властительную соперницу, но это всего лишь иллюзия. Дело в том, что поддельные бриллианты слишком хороши, чтобы быть настоящими, если сопоставить их с образом жизни женщины. Они никого не введут в заблуждение и, следовательно, повысить статус не помогут.

То, что зачастую этот трюк работает довольно эффективно, кажется удивительным, но это и вправду так. Он уже проник во многие сферы жизни, и это не прошло бесследно. Он практически уничтожил искусство и ремёсла, которыми владели люди, имеющие низкий статус. На смену народному творчеству пришли дешёвые копии творений великих мастеров; народную музыку заменила граммофонная пластинка; вместо ручных поделок появились пластиковые имитации более дорогих товаров, выпущенные массовым производством.

Вскоре стали быстро формироваться общества, пытающиеся эту тенденцию изменить и возродить народное творчество, но ущерб ему нанесён уже был. Всё, чего они смогли добиться в лучшем случае, — это сыграть роль таксидермистов народной культуры. Как только всё общество сверху донизу охватила погоня за статусом, обратного пути уже не было. Если, как я уже предполагал ранее, общество соберётся восстать против унылой скуки этого "нового однообразия", то, скорее всего, это произойдёт посредством рождения культуры новой, а не возрождения старой.

Но действительно серьёзно настроенный борец за повышение своего статуса восставать не будет. Дешёвые подделки для него не значат ровным счётом ничего, его ими не обманешь. Он прекрасно осознаёт, что это ловкий обман, иллюзия, имитация превосходства. Для него превосходство выражается в обладании предметами по-настоящему ценными, и, для того, чтобы создать впечатление чуть большего социального превосходства, чем то, которым он на самом деле обладает, он всегда должен иметь чуть больше, чем может себе позволить. Только в этом случае его обман могут принять за чистую монету.

Для безопасности он старается сконцентрировать своё внимание на тех сферах, где подделок просто не существует. Если он может позволить себе покупку маленького автомобиля, он покупает средний; если может купить средний — покупает большой; если же может приобрести один большой автомобиль — покупает второй небольшой для

ежедневного пользования; если большие машины становятся слишком распространёнными, он покупает маленькую, но жутко дорогую спортивную машину иностранного производства; если в моду входят большие задние фары, он покупает самый современный автомобиль с ещё большими, для того чтобы тот, кто находится сзади, знал, кто впереди него. Но вот чего он никогда не станет делать, так это покупать картонные модели «роллс-ройсов» в натуральную величину и выставлять их рядом с гаражом. Мир фанатика, борющегося за повышение статуса, поддельных бриллиантов не приемлет.

Автомобили — это только единичный пример, но довольно показательный, так как встречается на каждом шагу. Впрочем, страстному борцу за статус этого недостаточно. Если он собирается создать убедительную картину для своих конкурентов, обладающих высоким статусом, он, а также его банковский счёт, должны участвовать во всём. Вся система покупок в рассрочку, ипотека и превышение банковского кредита обязаны своим существованием именно подобному желанию увеличить свою власть в рамках имитации превосходства.

К несчастью, нелепые внешние атрибуты упорного охотника за статусом приобретают такую значимость, что, кажется, становятся чем-то большим, чем они есть на самом деле. В конечном счёте, они лишь имитируют превосходство, не имея при этом ничего общего с превосходством истинным. Истинное превосходство, истинный социальный статус связаны с влиянием и властью над подчинёнными членами суперплемени, а не с обладанием двумя цветными телевизорами. Разумеется, то, что вы можете легко купить второй цветной телевизор, является естественным отражением вашего положения и играет роль истинного символа статуса. Совсем другое дело — покупка второго цветного телевизора в то время, когда вы можете позволить себе лишь один. Это может показать тем, чей статус выше, вашу готовность присоединиться к ним, но вовсе не даёт гарантии, что вам это действительно удастся. Ваши соперники, находящиеся на одном с вами уровне и движимые тем же желанием, тоже займутся приобретением вторых цветных телевизоров, но основной закон иерархии заключается в том, что добиться своего и подняться на один уровень выше удастся лишь немногим. Эти счастливицы могут вполне оправданно украсить лентой победителя свои вторые цветные телевизоры: их имитатор превосходства сделал своё дело. Всем же остальным, потерпевшим неудачу, приходится оставаться на своём месте в окружении многочисленных дорогостоящих имитаторов превосходства, которые в один момент стали тем, чем и являются на самом деле, — иллюзией величия. Проигравшие проглатывают горькую пилюлю, когда осознают, что всё это вовсе не даёт никаких гарантий, хотя и может быть крайне полезно для успешного продвижения вверх.

Чрезмерное стремление к имитации превосходства может нанести серьёзный ущерб. Оно не только заставляет менее успешных охотников за статусом пережить тяжёлое разочарование, но ещё и требует от члена суперплемени так много усилий, что у него практически не остаётся времени ни на что другое.

Очень часто случается, что охотник, чересчур озабоченный погоней за статусом, вынужден забросить свою семью. Это приводит к тому, что женщина в доме берёт на себя роль мужчины. Такое положение вещей создаёт психологически вредную атмосферу для детей, которая может изменить их понимание роли каждого пола. Ребёнок видит, что в семье отец лишился роли лидера. Тот факт, что он принес её в жертву борьбе за власть в гораздо более обширном масштабе суперплемени, для ребёнка равным счётом ничего не значит, поэтому будет удивительно, если он вырастет человеком, психически уравновешенным. Даже подростку, осознающему гонку за статусом в суперплемени и хвастающемуся

достижениями отца в этой сфере, отсутствия активного отеческого влияния эти достижения не заменят. Несмотря на его статус, растущий во внешнем мире, отец может запросто стать в семье "пустым местом".

Такое положение вещей приводит нашего борца за статус в крайнее замешательство: он соблюдает все правила, и всё же что-то идёт не так. Требования суперстатуса в "людском зверинце" поистине жестоки: либо человек проигрывает и разочаровывается, либо он добивается успеха и теряет контроль над семьёй. Бывает и того хуже: он может так усердно трудиться, что и потеряет место в семье, и потерпит неудачу в борьбе за статус.

Всё это даёт нам повод говорить о другой реакции некоторых членов суперплемени на крушение надежд, связанных с борьбой за превосходство, — более агрессивной. Исследователи, изучающие поведение животных, считают такую реакцию перенаправлением агрессии. В лучшие моменты это лишь неприятный феномен, в худшие же он становится в буквальном смысле смертельным. Он отчётливо проявляется при встрече двух соперничающих животных: каждое хочет напасть на соперника и каждое боится это сделать. Если проснувшуюся агрессию не выплеснуть на вызвавшего её грозного противника, она обязательно найдёт себе другую жертву. Козлом отпущения станет более спокойный, менее устрашающий индивид, на которого сдерживаемая до сих пор злость и изольётся. Он не сделал ничего, чтобы её вызвать; его «вина» заключается лишь в том, что он слабее настоящего противника и не столь страшен, как он.

Во время погони за статусом часто случается, что подчинённый не осмеливается открыто показать свою злость на лидера (слишком многое поставлено на карту), поэтому ему приходится искать себе другую жертву, которой могут стать его несчастные дети, жена или собака. Когда-то приходилось страдать бокам его лошади — сегодня страдает коробка передач его автомобиля. Если у него большой штат подчинённых, он может отыграться на них при помощи слов.

Если же у него нет ни одной из этих возможностей, остаётся лишь один человек — он сам, и, следовательно, ему приходится «уесть» самого себя. В крайних случаях, когда всё кажется совершенно безнадежным, он может довести направленную на себя агрессию до максимальной степени, то есть покончить с собой. (Известны случаи, когда животные в зоопарке наносили себе тяжёлые травмы, кусая собственную плоть до кости, если не могли достать врага через решётку, но вот совершение самоубийства характерно, пожалуй, только для людей.) Существует множество точек зрения, касающихся основных причин самоубийства, но вряд ли кто станет отрицать, что основным фактором является перенаправленная агрессия. Один авторитетный исследователь дошёл даже до того, что заявил следующее: "Никто не убивает себя, если не хочет убить и других или, по крайней мере, не желает смерти другому". Возможно, это слегка преувеличено. Вряд ли в эту категорию попадает человек, убивающий себя из-за боли, вызванной неизлечимой болезнью. Было бы странно предполагать и то, что он хочет убить доктора, которому не удалось его вылечить. Чего он действительно хочет, так это избавиться от боли. Но всё же множество других случаев объясняется именно перенаправлением агрессии. Вот, несколько фактов, подтверждающих это.

Уровень самоубийств в больших городах гораздо выше, чем в сельской местности. Мужчины гораздо чаще совершают самоубийства, чем женщины (впрочем, последние начинают их в этом деле стремительно догонять). Другими словами, уровень самоубийств выше у того пола, который в большей степени вовлечён в погоню за статусом, а так как

сейчас женщины становятся всё более эмансипированными и всё чаще вступают в эту гонку, они всё чаще разделяют и связанный с нею риск. Уровень самоубийств возрастает также в моменты экономических кризисов. Иными словами, когда погоня за статусом претерпевает трудности наверху иерархической лестницы, внизу возрастает перенаправленная агрессия, что приводит к пагубным последствиям.

Во время войны уровень самоубийств заметно падает. Кривая самоубийств XX столетия показывает два огромных спада, приходящихся на период двух мировых войн. Иными словами, зачем убивать себя, если можно убить кого-то другого? Именнеспособность убить тех, у кого больше превосходства, и потенциальное желание совершить самоубийство заставляют человека перенаправлять свою тягу к насилию. У него есть выбор: убить менее опасного козла отпущения или же самого себя. В мирное время нереализованное желание совершить убийство чаще всего оборачивается попыткой самоубийства, но во время войны человеку приказано убивать, следовательно, снижается и уровень самоубийств.

У самоубийства и убийства есть много общего. В определённом смысле их можно считать двумя сторонами одной медали. Существующая тенденция показывает, что в странах с высоким уровнем убийств уровень самоубийств значительно ниже, и наоборот. Складывается впечатление, что в человечестве скопилось много агрессии, которой необходимо дать выход, и, если она не высвободится одним путём, то обязательно найдёт другой. Каким образом агрессия выйдет, зависит от того, насколько непримиримо каждое конкретное общество относится к убийству. Если эти запреты слабы, уровень самоубийств будет значительно меньше. Это напоминает ситуацию военного времени, когда все запреты на убийство намеренно и активноснимаются. И всё же современные суперплемена ко всему, что связано с убийством, относятся в целом слишком уж непримиримо. Большинству из нас, никогда не стоявшему перед выбором между убийством и самоубийством, довольно трудно разобраться в этих противоречивых вещах, хотя, если руководствоваться теорией, кажется, что биологически более естественно лишить жизни кого-то другого, чем себя самого, но факты говорят совсем обратное. В Великобритании в последние несколько лет количество самоубийств за год составляло примерно пять тысяч, в то время как число раскрытых убийств не достигало и двухсот. К тому же, если изучить все эти убийства, можно обнаружить нечто неожиданное.

Большинство из нас составляет своё представление об убийствах по репортажам в газетах и детективным романам, но газеты и писатели чаще всего пишут о тех убийствах, которые сделают книгу или газету продаваемой. На самом же деле наиболее распространены грязные и отвратительные убийства в кругу семьи, когда жертвой становится близкий родственник. В 1967 году в Великобритании было совершено 172 убийства, и 81 из них было как раз такого рода. Более того, в 51 случае после убийства преступник разделялся и с собственной жизнью. Большинство таких случаев связано с тем, что человек, одержимый неутолённым желанием выброса агрессии, сначала убивает своих близких, а затем и себя самого. Зачастую оказывается, что ему невыносима сама мысль о том, что он оставит их жить и страдать от всего им содеянного, и поэтому он не находит ничего лучшего, как сначала лишить жизни их.

Исследователи, изучающие убийства, обнаружили, что после совершения убийства с преступником могут происходить довольно интересные изменения. Если он не довёл дело до конца и не покончил с собой сразу же, он, скорее всего, почувствует такое невероятное облегчение от снятия напряжения, что вдруг обнаружит в себе явное нежелание совершать

самоубийство. Общество довлекло над ним и довело до того, что он был готов покончить с жизнью, но убийство всей семьи настолько удовлетворяет пылающую в нём жажду мести обществу, что теперь его депрессия проходит и он чувствует огромное облегчение. Но вместе с тем он оказывается в довольно непростом положении: он окружён мёртвыми телами, и всё свидетельствует о том, что он только что совершил тяжкое убийство, тогда как на самом деле это было лишь прелюдией к самоубийству. Вот, к каким ужасающим крайностям может привести перенаправленная агрессия.

К счастью, большинство из нас в подобные крайности не впадает — наши семьи страдают лишь от того, что иногда мы приходим домой не в духе. Многие члены суперплемени находят отдушину в том, что смотрят фильмы, где кто-то другой расправляется с негодями и убивает злодеев. Примечательно, что в обществах со строгой субординацией и жёсткой системой управления показывают значительно больше фильмов, связанных с насилием. На самом же деле можно поспорить по поводу того, что привлекательность ужасов вымышленного насилия прямо пропорциональна разочарованию, испытанному в жизни и связанному с получением превосходства.

Поскольку уже сам размер огромных суперплемён предполагает наличие в них большого числа тех, кто потерпел неудачу в борьбе за превосходство, широкое распространение и популярность вымышленного насилия вполне объяснимы. В качестве доказательства здесь будет достаточно сравнить количество продаваемых во всём мире книг авторов, пишущих о насилии, с количеством продаваемых книг писателей, пишущих о чём-либо другом. Согласно результатам недавнего исследования непревзойдённых бестселлеров в области художественной литературы, имя одного автора, специализирующегося на ужасах насилия, появлялось в двадцатке лучших книг семь раз, а общее число его проданных книг превысило 34 миллиона. На телевидении картина примерно та же. Подробный анализ передач, транслировавшихся в Нью-Йорке в 1954 году, показал, что в течение одной недели на экране появилось не менее 6800 агрессивных эпизодов.

Совершенно очевидно, что существует острая необходимость наблюдать за тем, как другие подвергаются крайним формам насилия, но ценность и безвредность этих актов как средства, способствующего выходу подавляемой агрессии, довольно спорны. Таким образом, так же, как и в имитации превосходства, причина, по которой люди наблюдают за насилием, совершенно очевидна, но вот ценность этого довольно сомнительна. Чтение о гонениях или же наблюдение за ними никак не изменяет ситуацию, существующую в реальной жизни читателя или наблюдателя. Он может наслаждаться этим, пока это его привлекает, но когда всё заканчивается и он возвращается обратно в суровую реальность, он остаётся по-прежнему зависимым от своего места в обществе. Таким образом, этот способ снятия напряжения носит лишь временный характер и напоминает почёсывание укуса насекомого. Более того, почёсывание укуса может привести к усилению воспаления. Увлечение вымышленными увечьями может увеличить невнимание к феномену насилия в целом. Единственный плюс в том, что, пока люди заняты чтением книг о насилии или просмотром такого рода кинофильмов, сами они актов насилия не совершают.

Действия перенаправления агрессии зачастую характеризуются как феномен "...и клерк пнул кота". Это подразумевает то, что свой скрытый гнев на животное направляют только члены низшей ступени иерархии. К несчастью для животных, это не совсем так, и в доказательство этого общества защиты животных могут привести множество цифр. Жестокое обращение с животными служило средством выхода перенаправленной агрессии

ещё со времён древних цивилизаций и, разумеется, было свойственно не только низшим слоям социальной иерархии. Мы сталкиваемся с этим и по сей день. Бойни в римских амфитеатрах, травля медведя в Средние Века и современный бой быков не оставляют сомнений в том, что причинение боли животным и их убийство всегда сильно привлекали членов суперплеменных сообществ. Действительно, с тех пор как наши предки, чтобы выжить, начали охотиться, человек стал причинять животным боль и убивать их, но в доисторические времена мотивы для этого были совершенно иными. Строго говоря, тогда жестокости в том смысле, как принято её понимать в соответствии с существующим определением "жестокость — это наслаждение от чьей-то боли", не было.

В суперплеменные времена мы убиваем животных по четырём причинам: чтобы добыть пищу, одежду и другие материалы; чтобы истребить паразитов и вредителей; с целью продолжения научных исследований, а также для того, чтобы испытать удовольствие от убийства. Первые две из этих причин объединяют нас с древними предками-охотниками, последние же две можно считать инновациями суперплеменных условий. В данный момент нас интересует только четвёртая из этих причин. Остальные, разумеется, также могут содержать элемент жестокости, но такая характеристика не является для них основной.

История намеренной жестокости по отношению к другим видам стала развиваться довольно странно. Древний охотник имел с животными много общего, он испытывал к ним уважение. Точно так же (что вполне естественно) было и у древних народностей, занимавшихся сельским хозяйством. Но с началом развития городских поселений большие группы людей лишились возможности прямого контакта с животными, и уважение было потеряно. По мере роста цивилизаций возрастала и надменность человека. Он закрыл глаза на тот факт, что от других видов животных ничем, по сути, не отличается. Образовалась огромная пропасть: теперь отличительной особенностью человека стало то, что у него была «душа», которой «нет» у других животных, — другие были всего лишь неразумными тварями, сотворёнными для его удовольствия. По мере распространения христианской религии всё сильнее стало укрепляться мнение, что животные существуют лишь для того, чтобы помогать человеку. У нас нет необходимости вдаваться в подробности, но стоит заметить, что ещё в середине XIX века Папа Пий IX не дал разрешение на открытие в Риме общества защиты животных на том основании, что человек должен исполнять свой долг по отношению к себе подобным, а к животным это никоим образом не относится. Позднее, в том же веке, один учёный иезуит написал: "У неразумных тварей нет понимания, а значит, не являясь личностями, они не могут иметь какие-либо права... Следовательно, мы не должны испытывать милосердие или какие-либо другие обязательства по отношению к низшим животным, аналогично тому, как мы не испытываем ничего подобного по отношению к растениями или камням."

Многие христиане начали сомневаться в правильности такого отношения к братьям нашим меньшим, но человек и животные стали ближе друг к другу только тогда, когда появилась теория эволюции Дарвина, которая оказала сильное влияние на человеческое мировоззрение. Признание родства человека с животными, которое было совершенно естественным для древних охотников, положило начало новой эры уважения. В результате, за последние несколько столетий наше отношение к намеренной жестокости в обращении с животными стремительно менялось, но, несмотря на всё возрастающее осуждение такого отношения, этот феномен ещё существует повсеместно. Публичные его проявления встречаются всё реже, но частные случаи жестокого обращения с животными ещё имеют

место. Сегодня мы можем уважать животных, но они по-прежнему остаются нашими подчинёнными, а значит, и самыми незащищёнными объектами для перенаправленной агрессии.

Наиболее уязвимыми подчинёнными после животных являются дети, и, несмотря на гораздо более строгие запреты, существующие в этом отношении, они также довольно часто становятся жертвами перенаправленного насилия. Жестокость, с которой животные, дети и другие беззащитные подчинённые подвергаются гонениям, отражает степень давления, оказываемого на преследователей.

Этот механизм можно увидеть в действии даже в военное время, прославляющее убийство. Сержанты и другие военнослужащие командного состава часто чересчур грубо обращаются с подчинёнными не просто для поддержания дисциплины, но и для того, чтобы вызвать чувство ненависти, намеренно желая обратить эту ненависть против врага во время сражения.

Теперь, посмотрев назад, мы видим, как на нас неумолимо давит неестественно тяжёлый вес превосходства, являющийся неотъемлемой характеристикой суперплеменных условий. Из-за ненормальности такой ситуации для животного, именуемого человеком, который всего лишь несколько тысячелетий назад был простым племенным охотником, выработались модели поведения, которые по всем стандартам поведения животных также можно считать ненормальными: преувеличенное внимание к имитации превосходства, наслаждение при наблюдении за актами насилия, намеренная жестокость по отношению к животным, детям и другим подчинённым, убийства и (в случае неудачи со всем остальным) акты насилия над собой и самоуничтожение. Наш член суперплемена, жертвующий семьёй ради того, чтобы вскарабкаться хоть на одну ступень выше по социальной лестнице, тайно наслаждающийся жестокостями книг и фильмов, пинающий собак, бьющий детей, преследующий слабых, мучающий свои жертвы, убивающий своих врагов, зарабатывающий болезни нервов и вышибающий себе мозги, — не такое уж приятное зрелище. Он часто похвалялся своей уникальностью в животном мире, и в этом смысле это и вправду так.

Действительно, другие виды животных напряжённой борьбы за статус также не чураются и зачастую тратят на достижение превосходства большую часть своей социальной жизни, но в естественной среде обитания дикие животные до крайностей, наблюдаемых в современной человеческой среде, такое поведение никогда не доводят. Как я сказал в самом начале, нечто подобное может происходить только в тесных клетках зверинца. Если в неволе собирается слишком много животных, и они содержатся слишком близко друг к другу, тогда в неестественной среде зверинца, безусловно, возникнет серьёзная проблема. Начнутся травля, нанесение увечий и убийства, появятся неврозы, но даже самый неопытный директор зверинца никогда бы не допустил, чтобы группа животных была такой многочисленной и жила в такой тесноте, в какой живёт человек в современных городах. Директор со всей уверенностью мог бы сказать, что такое положение дел неизбежно приведёт к полному упадку и краху нормальной (для конкретных видов животных) социальной модели. Он был бы крайне удивлён и поражён, если бы кто-то предложил ему поместить в такие условия его обезьян или грызунов. Человечество же по собственной воле именно так с собой и поступает; оно не только ведёт борьбу в таких условиях, но и ухитряется как-то выживать. По всем правилам "людской зверинец" должен был давно превратиться в сумасшедший дом с царящей в нём полной социальной неразберихой. Циники могут заметить, что на самом деле так оно и есть, но с этим можно поспорить. Тенденция к тесному сосуществованию вовсе не

уменьшается, а как раз наоборот — является движущей силой. Различные виды нарушений в моделях поведения, которых я коснулся в этой главе, поразительны, и не столько тем, что они существуют, а скорее своей редкостью, если принимать во внимание размеры населения, затрагиваемого ими. Примечательно то, что лишь немногие из борющихся членов суперплемени становятся жертвами тех действий, о которых я здесь говорил. На каждого отчаявшегося охотника за статусом, разрушителя домашнего очага, убийцу, самоубийцу или преследователя приходится сотни мужчин и женщин, которые в необычных условиях суперплеменных скоплений не только выживают, но и процветают. Это, пожалуй, больше, чем что-либо другое, служит поразительным доказательством огромного упорства, стойкости и находчивости нашего вида.

Глава 3

СЕКС И СУПЕРСЕКС

Вы не всегда едите оттого, что голодны, и пьёте не обязательно потому, что вас мучает жажда. В "людском зверинце" процессы потребления пищи и утоления жажды имеют множество значений: можно щёлкать орехи от нечего делать, а можно посасывать леденцы, чтобы успокоить нервы. Подобно дегустатору вин, можно только пригубить напиток и тут же выплюнуть его, а можно (на спор) залпом выпить десять кружек пива. При определённых обстоятельствах вы можете проглотить даже бараний глаз, если это необходимо для подтверждения вашего социального статуса.

Во всех этих примерах описываемые действия совершены не для утоления физического голода. Такое многофункциональное использование основных поведенческих качеств не распространено в мире зверей, однако в "людском зверинце" великолепное умение человека извлекать выгоду из сложившихся обстоятельств делает его жизнедеятельность более эффективной и интенсивной. Теоретически это можно назвать преимуществом высшего племенного строя, но в этом есть и свои недостатки, которые скоро дадут о себе знать, если не относиться к этому процессу должным образом. Если слишком много есть для успокоения нервов, ожирение и проблемы со здоровьем вам обеспечены; если слишком много пить определённые виды жидкости, можно испортить печень или стать алкоголиком; если переусердствовать с дегустацией различных продуктов, можно заработать несварение желудка. Такие проблемы возникают оттого, что нам не удаётся в процессе утоления голода и жажды выделить основную, питательную, функцию среди второстепенных. Мы уже не вспоминаем о привычке древних римлян засовывать перо в горло, чтобы вызвать рвоту и избавить желудок от излишней пищи, а то, что дегустаторы вин избегают глотать напиток, воспринимается нами не более как исключение из правил. И всё же мы вполне способны повысить многофункциональность процесса утоления голода и жажды, не опасаясь нанести серьёзный вред здоровью.

Ситуация с сексуальным поведением человека аналогична, за исключением того, что она намного сложнее и заслуживает особого внимания. В этой области мы терпим серьёзный крах в попытке отделить основную, репродуктивную, функцию сексуальных отношений от второстепенных, и всё же в условиях "людского зверинца" это не помешало превращению секса в многофункциональный суперсекс, несмотря на подчас катастрофические последствия для самих людей. Человеческая приспособляемость не знает границ, и кажется непостижимым, что такой важный и чрезвычайно полезный вид жизнедеятельности поразительным образом избежал эволюционных преобразований. Фактически из всех видов человеческой активности секс, несмотря на всю свою опасность, является самым совершенным с функциональной точки зрения, и можно выделить, по крайней мере, десять основных его разновидностей.

Чтобы разобраться в ситуации, проще рассмотреть каждую целевую функцию сексуального поведения отдельно. На начальной стадии важно понимать, что, хотя все эти функции различны и независимы друг от друга, а иногда и противоречат друг-другу, они вовсе не являются взаимоисключающими. Любой отдельно взятый процесс ухаживания или половой акт может одновременно преследовать несколько целей. Вот эти десять

функциональных категорий.

1. Секс для воспроизведения потомства

Без сомнения, эта категория сексуального поведения людей является основной. Иногда высказываются ошибочные суждения о том, что это единственная естественная, а стало быть, и наиболее характерная для человека функция. Как ни парадоксально, но некоторые религиозные группы, придерживающиеся такого мнения, не следуют тому, что проповедают, а их монахи, монахини и большинство священников отказывают себе в том, что считают самым естественным из всего естественного.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание: когда численность населения значительно возрастает, ценность воспроизводящей функции секса стремительно падает и в конечном итоге становится совсем мизерной. Вместо того, чтобы быть основным средством продолжения жизни, секс становится потенциальным механизмом разрушения. Подобное периодически случается с такими животными, как лемминг и мышь-полёвка, которые в особо урожайные годы размножаются с такой интенсивностью, что количество особей становится катастрофическим и подавляющее большинство из них погибает. Та же ситуация наблюдается сейчас в "людском зверинце", и скоро человеку, возможно, придётся столкнуться с необходимостью приобретать лицензию на продолжение рода, прежде чем ему будет позволено воспроизвести потомство.

Эта проблема не из тех, которые можно назвать незначительными, и в последние годы она вызывала множество ожесточённых споров. Мнения разделились, и каждое из них заслуживает внимания, хотя спор этот постепенно стихает, так как противоположные стороны под воздействием друг-друга занимают всё более крайние позиции. На повестке дня — основной вопрос: имеем ли мы право регулировать процесс размножения? Или наоборот, согласно формулировке противоположной стороны: имеем ли мы право в этот процесс не вмешиваться? Дебаты обычно разгораются при рассмотрении философской, этической или религиозной стороны вопроса. А что, если рассмотреть эту тему со точки зрения биологической?

Когда группа людей отказывается прилагать определённые усилия для ограничения рождаемости, из этого извлекается двойная выгода. Во-первых, темпы размножения в этой группе намного выше, чем в тех, которые используют современные средства контрацепции. Увеличиваясь в размерах, она, в конце концов, поглотит все остальные — факт, который не может не заинтересовать лидеров этой группы, как военачальников, так и религиозную верхушку. Во-вторых, политика этой группы гарантирует усиление основной ячейки общества — семьи. Супружеская пара является ячейкой не просто сексуальных отношений, но и родительских чувств, и чем сильнее эти чувства, тем стабильнее семья.

Аргументы довольно сильные, но доводы тех, кто придерживается противоположного мнения, тоже звучат убедительно. Сторонники контрацепции могут возразить, что угрозы поглощения одной группы людей другой больше не существует: перенаселённость стала проблемой всей Земли и должна рассматриваться сообща. В этом смысле нас можно сравнить с огромной колонией леммингов, занимающей площадь всей планеты, и если случится катастрофа, то она коснётся всех. По правде говоря, возможность подобной катастрофы вполне реальна.

Что же касается семейных пар, то ещё неизвестно, создаёт ли контрацепция неестественные условия или, наоборот, возвращает нас к естественным. До появления медикаментов, противозачаточных средств и других современных способов предохранения

семейная ячейка могла обзаводиться большим количеством потомства, но высок был и процент детской смертности. Всё, чего контрацепция (конечно, в разумных пределах) способна достичь, это приблизить данный процент к уровню того времени, когда ещё не было изобретено искусственное оплодотворение человеческой яйцеклетки.

Если мы сейчас не задумаемся о совместном решении проблемы контрацепции, то неизбежно появится какой-то другой фактор, ограничивающий рост населения. Животные, именуемые людьми, быстро достигают предела возможного, и, если нашу плодовитость не удастся умерить добровольными способами, расплачиваться за это придётся уже нынешнему поколению. Если профилактика лучше лечения, то необходимость контрацепции очевидна. Довольно трудно понять человека, который доказывает, что профилактика возникновения жизни хуже, чем лечение от болезни под названием «жизнь». Каждый человек — это не просто организм для безрассудного использования, это высококачественный продукт, которому для совершенства и развития требуются годы и который нуждается во всевозможной защите. Тем не менее, противники контрацепции упорно отстаивают свои убеждения. В случае их победы толпы отпрысков непродохранявшихся родителей, получившие от них путевку в этот мир, смогут увидеть полный крах всего человеческого сообщества.

2. Секс для создания пары

С точки зрения биологии человек — парное животное. По мере развития отношений эмоциональная связь между потенциальными супругами стимулируется и подкрепляется взаимной сексуальной деятельностью. Важность целевой функции данной категории в сексуальном поведении человека подтверждается тем, что ни в одной другой категории сексуальная активность не отличается такой регулярностью и такой высокой интенсивностью.

Именно эта функция лежит в основе многочисленных неприятностей, возникающих на почве противоречий между ней и разнообразными нерепродуктивными формами секса. Даже если удаётся с успехом избежать секса для воспроизведения потомства и оставить яйцеклетку неоплодотворённой, потребность в моногамных отношениях может автоматически породить то, чего и не было запланировано вовсе. Именно поэтому случайные половые связи часто являются источником многочисленных проблем.

Если в детстве один из сексуальных партнёров пережил некие события, которые каким-то образом нарушили функционирование его инстинкта формирования пары, так что он оказался не способным влюбиться или же в определённый момент подавляет стремление к созданию пары, тогда случайное совокупление может стать удачным и доставить удовольствие, причём без каких-либо последствий. Но в половом акте непременно должны быть два участника, и партнёру это может не очень-то нравиться. Если его потребность в постоянном партнёре сильнее, то результатом эмоциональной интенсивности сексуальной деятельности может стать одностороннее стремление к моногамным отношениям. В этом случае общество неизбежно переполняется такими индивидами, которых привыкли называть "разбитыми сердцами", "озабоченными страдальцами" и "брошенными любовниками", то есть теми, кому в дальнейшем чрезвычайно трудно найти нового партнёра для формирования моногамной пары.

И только если стремление к моногамии отсутствует или подавляется у обоих партнёров в равной степени, случайный половой акт может быть совершён без особого риска. Но даже в такой ситуации всегда существует опасность, что сексуальные чувства партнёра окажутся

настолько сильны, что у него произойдёт возрождение утерянной потребности в постоянном партнёре или же такая потребность сформируется заново.

3. Секс для сохранения пары

Когда пара благополучно сформирована, сексуальная активность преследует цель поддержания и укрепления взаимоотношений. Эта активность может оказаться более качественной и пойти по экстенсивному пути развития, но по сравнению с периодом поиска партнёра её интенсивность обычно падает, поскольку стремление к образованию пары уже отсутствует.

Данные различия между сексом для образования пары и сексом для её сохранения становятся видны невооружённым глазом, когда партнёры, между которыми наконец сложились прочные отношения, вынуждены расстаться на некоторый период времени (например, во время войны или из-за необходимости уехать в деловую командировку, а может, и по какой-нибудь иной причине). В первые ночи после воссоединения пары, как правило, наблюдается всплеск сексуальной активности, причём партнёрам на восстановление прежней эмоциональной близости много времени не требуется.

И всё же есть ещё одно явное противоречие, которое необходимо разрешить. Заранее спланированные браки, практикующиеся у некоторых народов, или антисексуальная пропаганда вмешиваются в естественный биологический процесс зарождения чувства «влюблённости», а это может привести к тому, что молодые люди окажутся новоиспечёнными супругами, даже не зная друг-друга или имея в сознании сильную неприязнь к половому акту. В таких случаях партнёры иногда замечают (если всё складывается удачно), что их сексуальные отношения становятся более активными несколько позже. Секс периода сохранения пары кажется им, на первый взгляд, более интенсивным, чем во время её формирования, что явно не соответствует сделанным в предыдущем абзаце заключениям, но это не столько противоречие, сколько искусственно продлённый этап формирования отношений.

Такие пары не всегда оказываются счастливыми. Очень часто такая семья вынуждена рассчитывать на внешние социальные трудности, сближающие супругов, вместо того, чтобы следовать по более фундаментальному и надёжному пути — укреплять внутренние семейные связи. Если в этом случае один из супругов не ощущает биологической «привязанности» к своей семье, то существует большая вероятность внезапного возникновения серьёзных внебрачных отношений. Истинное стремление к созданию пары будет, так сказать, оставаться незадействованным, но готовым в любой момент приступить к делу и разрушить то, что является псевдоотношениями.

Существуют различные степени риска в отношениях партнёров, которым действительно удаётся строить свой брак на основе настоящей моногамии. Этот риск является следствием не антисексуальной пропаганды, а наоборот — сексуальной агитации, в результате которой у партнёров может возникнуть мысль, что высокая интенсивность секса для создания пары должна сохраняться даже после полного окончания процесса формирования отношений. Если этого не происходит, им начинает казаться, что что-то не так, в то время как на самом деле они просто благополучно подошли к этапу сохранения пары. Значение репродуктивного секса может как недооцениваться, так и переоцениваться, но в обоих случаях возможны неприятности.

Эти три первые целевые функции сексуальной деятельности — воспроизведение потомства, создание пары и сохранение пары — присущи основным репродуктивным

категориям сексуального поведения человека. Прежде чем приступить к изучению категорий нерепродуктивных, уместно будет сделать одно важное замечание. Индивиды, чей моногамный инстинкт каким-то образом нарушен, иногда утверждают, что такое явление, как биологическое стремление к формированию пары, человеческому роду несвойственно. "Романтическая влюблённость", как они предпочитают это называть, является недавним изобретением современного человека, причём сделанным с определённой целью. Большинство людей, считают они, весьма неразборчиво в связях, как и их предки-обезьяны, однако факты свидетельствуют об обратном. Действительно, во многих странах экономическая ситуация в значительной степени искажает процесс формирования пар, но даже там, где воздействие на этот процесс со стороны официально практикующихся «псевдоотношений» пресекается самым строжайшим образом, с помощью жестоких карательных мер, такие отношения всё равно существуют. Во все времена молодые любовники, даже прекрасно понимая, что по закону они могут лишиться головы, если их уличат в сексуальной связи, всё же шли на такой риск. Вот она — сила основного биологического инстинкта!

4. Физиологический секс

Для взрослых и здоровых особей мужского и женского пола характерно стремление к периодическому удовлетворению биологической потребности — к сексуальной разрядке. Без такой разрядки в организме накапливается физиологическое напряжение, которое время от времени необходимо снимать. Любой половой акт снимает подобное напряжение у индивида, если тот во время него испытывает оргазм. Даже если совокупление не выполняет ни одной из остальных девяти целевых функций сексуального поведения, оно удовлетворяет, по крайней мере, данную физиологическую потребность. Для одинокого, а значит, сексуально не удовлетворённого мужчины эту функцию может выполнить визит к проститутке. Существует и более радикальное решение проблемы, которое позволяют себе индивиды обоих полов, — ипсация.

Недавние исследования, проведённые в Америке, показали, что как минимум 58 % женщин и 92 % мужчин этой страны когда-либо достигали оргазма с помощью ипсации. Поскольку данный половой акт не требует участия партнёра и не может привести к оплодотворению, пуритане в прошлом не раз пытались его запретить; странные же предрассудки в отношении ипсации существовали всегда. Список того, что якобы угрожает ипсирующему, был внушителен: обезвоживание, бесплодие, исхудание, фригидность, спазмы, бледный цвет лица, истерия, головокружение, желтуха, уродство, потеря рассудка, бессонница, истощение, прыщи, боли, смерть, раковые опухоли, язва желудка, рак гениталий, расстройство желудка, головные боли, аппендицит, сердечная недостаточность, проблемы с почками, недостаток гормонов и слепота. Эта замечательная коллекция катастрофических последствий была бы довольно забавной, если бы не те страдания и страх, которые, наверное, вызывали подобные ужасы в сердцах людей год за годом, век за веком. К счастью, эти предрассудки, не имеющие под собой никаких оснований, постепенно отступают, а вместе с ними исчезают и многочисленные ненужные опасения.

Если активного выброса сексуальной энергии на протяжении долгого времени не происходит, организм может исправлять ситуацию сам. И у закоренелых холостяков, и у старых дев разрядка происходит в виде самопроизвольных оргазмов во время сна. Представители обоих полов периодически видят эротические сны, сопровождаемые полноценной мышечной реакцией на увиденное и заканчивающиеся генитальными

выделениями у женщин и поллюциями у мужчин.

Даже личностям, глубоко религиозным и придерживающимся правил строгого воздержания, не чужды самопроизвольные оргазмы, хотя форма их проявления выглядит совершенно по-другому — в виде неистовства, экстаза и транса, сопровождающих религиозные обряды. Святая Тереза, например, описывала своё состояние, когда ей было видение ангела, так: "В его руках я увидела длинное золотое копьё, на острие которого сиял огонь. Он несколько раз вонзил копьё в моё сердце, и огонь проник мне внутрь. Когда ангел вынимал копьё, казалось, что вместе с ним он вытягивает и мои внутренности, а когда он исчез, моё сердце продолжало гореть, переполняясь любовью к Господу. Боль была такой острой, что я застонала; и таким сладостным было блаженство, вызванное этой болью, что хотелось ощущать его вечно."

К сожалению, нам слишком мало известно о самопроизвольных оргазмах в жизни убеждённых холостяков и старых дев, чтобы можно было судить о распространённости или частотности такого явления, но мы знаем о том, что индивиды, жившие активной половой жизнью, но затем попавшие в тюрьму, начинают видеть эротические сны значительно чаще. Во время исследований, проведённых в группе из 208 заключённых, такое наблюдалось более чем у 60 %.

Однако было бы ошибочным вообразить, что эротические сны предназначены исключительно для компенсации недостаточной сексуальной разрядки в условиях отсутствия других, более энергичных способов достижения оргазма. Это явление гораздо сложнее, чем можно себе представить, так же как проституция и ипсация, которые выполняют свои сексуальные функции, пусть и несколько иные. Некоторые индивиды начинают видеть эротические сны гораздо чаще в периоды непривычно высокой интенсивности сексуальной жизни, когда в основе половой гиперактивности лежит принцип "чем больше имеешь, тем больше хочешь". Но это вовсе не мешает утверждать, что самопроизвольный оргазм может произойти, и действительно происходит, как реакция организма на отсутствие необходимой сексуальной разрядки. Более того, это даже подтверждает сложность данного феномена. Но сейчас нас интересует только та функция секса, которая отвечает за снятие физиологического напряжения, и совершенно ясно, что она непременно должна быть включена в состав десяти целевых функциональных категорий сексуального поведения человека.

Физиологический секс присущ и другим видам животных, поэтому стоит отдельно рассмотреть несколько примеров. Как и следовало ожидать, в зоопарках такой секс встречается чаще, чем в естественных условиях дикой природы. Многие животные, изолированные от своих сородичей, прибегают к ипсации. Такое поведение наиболее распространено среди обезьян. Иногда самец стимулирует пенис рукой или ногой, иногда ртом, а иногда кончиком хвоста. Самцы слонов могут делать это с помощью хобота, а слонихи, содержащиеся в вольере без самцов, хоботами стимулируют гениталии друг-друга. Даже лев, запертый в клетке зверинца, ухитряется принять удобную позу, опершись на стену, и ипсировать передними лапами. Замечено, что самцы дикобраза иногда ходят на трёх лапах, четвёртой держась за гениталии. А один дельфин в бассейне подставлял свой возбуждённый пенис под мощную струю устройства циркуляции воды. Похоже, что животным также случается видеть и эротические сны: у домашних котов, когда они спят, иногда можно наблюдать эрекцию, которая даже заканчивается полноценной эякуляцией.

5. Секс ради эксперимента

Это один из основополагающих атрибутов человеческой изобретательности. По всей вероятности, ещё наши предки-обезьяны испытывали сильнейшую тягу к исследованиям; это, кстати, характерно для всех видов отряда приматов. Однако когда первые люди начинали свою охотничью деятельность, им, естественно, пришлось развивать и тренировать свою любознательность, стремясь довести до совершенства способность досконально исследовать все детали окружающего мира. Несомненно, стремление знать и понимать было движущей силой всего: оно вело человека на поиски новых пастбищ, новых охотничьих угодий, заставляло его вечно что-то изучать, задавать новые вопросы и вечно оставаться неудовлетворённым старыми ответами. И это стремление было настолько сильным, что вскоре ему стали подвластны все остальные аспекты человеческого поведения. С появлением суперплемён даже такие простые атрибуты бытия, как способы передвижения, были подвергнуты исследованию на предмет возможного усовершенствования. Вместо того чтобы просто ходить, бегать и быть довольными этим, мы пробовали прыгать, скакать на одной ноге, бежать вприпрыжку, маршировать, танцевать, ходить на руках, нырять и плавать, причём львиную долю наслаждения доставлял собственно эксперимент, осознание открытия новой разновидности действия. Периодическое повторение действия — подтверждение открытия — составляло остальную долю удовольствия, но сейчас мы на этомостанавливаться не будем.

В сфере секса данная тенденция вела к расширению спектра разнообразных вариантов сексуальной активности. Сексуальные партнёры постоянно экспериментировали с новыми способами взаимной стимуляции. Древние авторы сексуальных трактатов подробно описывали бесчисленное множество новых эротических телодвижений, способов стимуляции, прикосновений, звуков, запахов и поз для совокупления, составлявших основу грандиозногоэротического эксперимента.

Несмотря на то, что этот эксперимент являлся неотъемлемой частью процесса эволюции человека и проходил параллельно с подобными исследованиями в других областях поведения, основанных на чувственном восприятии (например, приём пищи), разные народы постоянно предпринимали попытки его запретить. Официальный повод для запретов был всё тот же (мы о нём уже говорили): считалось, что все сексуальные инновации выходят за рамки действий, необходимых для воспроизведения потомства. Значение познавательного секса как механизма укрепления моногамных отношений и последующего формирования здоровой семейной ячейки сильно недооценивалось, и это заслуживало сожаления по одной простой, но очень важной причине. Как я уже сказал, интенсивность занятий сексом на стадии создания пары несколько выше, чем в то время, когда пара уже полностью сформирована. Теоретически, если семейные отношения достаточно прочны и на ячейку не оказывается пагубное воздействие извне, это большого значения не имеет. Система человеческих взаимоотношений является адаптивной, то есть если бы чрезмерная интенсивность сексуальных отношений между молодыми партнёрами, обычная для начальной стадии, продолжалась бесконечно, то это негативно отражалось бы на эффективности всей остальной деятельности партнёров. Но стресс и напряжение жизни в условиях суперплемени на благополучие семьи не влиять не могут, и внешнее давление на партнёров чрезвычайно велико. И в этой ситуации на следующей ступени отношений переход от первоначальной интенсивности половой жизни к сексу ради эксперимента оказывается идеальным решением проблемы, и, несмотря на непрекращающиеся запреты, мы продолжаемэкспериментировать неустанно.

Есть только один недостаток. Удовольствие от экспериментов с новыми способами сексуальной стимуляции, практикующимися у супругов, помогает создавать благоприятную обстановку в семье, но здесь кроется и подвох. Потребность в новизне может привести не только к желанию попробовать новые формы со старым партнёром, но и к стремлению попробовать старые формы с новым партнёром, и даже более того — новые формы с новым партнёром!

Таким образом, секс ради эксперимента похож на обоюдоострый клинок. Поскольку люди суперплеменного строя акцентируют всё большее внимание на том, что касается исследовательской стороны своего поведения, а система образования, всеобщее обучение, искусство, наука и технологии от этого полностью зависят, то, соответственно, усиливаются и исследовательские порывы во всех других аспектах поведения. В области секса это приводит к некоторым трудностям. Мысль о том, что супруга где-то на стороне оттачивает технику полового акта, или о том, что муж перед совокуплением с женой предварительно разминается с кем-то ещё, представляется глубоко оскорбительной для каждого из супругов, поскольку вступает в противоречие с понятием об исключительности моногамных взаимоотношений партнёров, поэтому сексуальные эксперименты вне семьи вынуждены храниться в тайне и угроза измены партнёра становится важным фактором. Семейная ячейка — древнейшее и основное социальное ядро общества — в результате подвергается разрушительному воздействию, но всё же ей удаётся каким-то образом выживать.

Такого рода проблем не возникало бы, если бы мы были животными другого вида: откладывали бы яйца в песок, как черепахи, и оставляли их, — но для нас, с нашими непреодолимыми родительскими чувствами, сексуальные эксперименты на стороне являются вдвойне опасными. Они не только дают повод для безудержной ревности, но и повышают вероятность случайного возникновения новых моногамных отношений между представителями разных семей, что оказывает долговременное негативное воздействие на психику детей из этих семей. Различные сексуальные извращения и секты могут в данной ситуации иногда принести пользу, но ошеломительный успех такого рода предприятий, как правило, бывает временным и оказывается уделом неординарных и одарённых личностей. Только самый строгий надзор со стороны обоих партнёров способен держать такие сексуальные эксперименты под контролем. Даже гаремы, распространённые в некоторых странах, на фоне успешного развития суперплеменного строя не очень-то процветают, и некоторые учёные именно их считают главной причиной социального застоя в этих странах.

Наряду с остальными девятью разновидностями сексуального поведения человека, секс ради эксперимента относится к одной из основных функциональных категорий и наблюдается и у других представителей животного мира. Так как для него требуется высокая изобретательность, неудивительно, что он присущ в основном высшим приматам. В частности, большие человекообразные обезьяны, помещённые в условия неволи, демонстрируют довольно внушительное разнообразие сексуальных новшеств, в том числе множество позиций для совокупления, среди их диких собратьев не распространённых.

6. Секс ради удовольствия

Перечислить все функции сексуального поведения человека невозможно без рассмотрения категории, в основе которой лежит такое понятие, как секс ради секса, поскольку сексуальная активность сама по себе уже приносит удовлетворение, независимо от всего остального. Данная функциональная категория имеет много общего с предыдущей, но всё же они разные. Взаимосвязь между сексом ради эксперимента и сексом ради

удовольствия примерно такая же, как между исследовательской деятельностью и развлечениями или между спонтанной игровой активностью ребёнка и специально организованной детской игрой. Когда ребёнок с головой погружается в атмосферу новой игры, поначалу он, как правило, следует постоянно меняющимся порывам, основанным на стремлении поскорее изучить новый для него вид деятельности. По прошествии некоторого времени такое почти непредсказуемое поведение плавно перетекает в размеренное следование правилам игры: вырисовывается структура игры и её суть. В зависимости от ситуации это может быть игра, в которой нужно куда-то карабкаться, где-то прятаться или на кого-то охотиться, и ребёнок будет с энтузиазмом играть в неё снова и снова, не пытаясь внести ненужные (с его точки зрения) изменения в правила. Пока игра приносит удовольствие, она будет повторяться бесконечно, даже если она уже давно устарела. Первоначальная спонтанная активность вызвала восторг, потому что это был новый игровой эксперимент; дальнейшее неоднократное повторение привычных действий нравится просто потому, что доставляет удовольствие.

Сходство между сексом ради эксперимента и сексом ради удовольствия достаточно очевидно. Сколько раз каждая супружеская пара испытывала незабываемое удовольствие от полового акта — не для воспроизведения потомства, когда цель создания и сохранения пары уже давно достигнута и когда нет никакой необходимости в проведении новых сексуальных экспериментов. Это и есть секс ради удовольствия, или, если угодно, чистая эротика. Для участника полового акта он всё равно что кулинарное искусство для гурмана или эстетическое начало для художника. Глупо было бы петь дифирамбы незабываемым вкусовым или эстетическим ощущениям, осуждая при этом красоту эротики, и всё же такое происходит довольно часто. Действительно, всё чрезмерное приводит к возникновению проблем, но это относится и к излишествам гастрономическим, и к эстетическим. Неуёмная сексуальная активность часто влечёт за собой истощение, когда не остаётся сил на всё остальное и нарушается гармония жизни, точно так же, как отсутствие меры в еде часто приводит к ожирению и наносит вред здоровью, а чрезмерное акцентирование внимания на проблемах эстетики часто пагубно отражается на восприятии других сторон общественной жизни. В каждом случае всё происходит по одному и тому же сценарию.

Осуществление какого-либо действия только ради самого процесса подразумевает высвобождение некоторого количества свободного времени и не востребованной энергии, которые, естественно, тратятся на основные жизненные нужды. Так происходит в урбанизированном человеческом обществе, так происходит и в обществе зверей, заключённых в клетки зоопарка, где питание гарантировано, а враги находятся далеко, в других клетках, и неудивительно, что именно здесь можно найти примеры гиперсексуальности животных.

7. Секс как способ времяпровождения

Данная категория сексуальной активности представляет собой разновидность трудотерапии, или, если угодно, лекарство от скуки. Она имеет много общего с предыдущей категорией, но, опять же, отличия между ними отчётливо видны. Разница примерно такая же, как между состоянием просто свободного времени и состоянием скуки. Секс ради удовольствия — это один из многих приятных способов утилизации появившегося свободного времени, который исключает даже малейшие намеки на синдром скуки. Его функция, несомненно, погоня за чувственным наслаждением. Занятие сексом, чтобы убить время, наоборот, действует как терапевтическое средство против скучного проживания в

стерильной и однообразной среде. Лёгкая скука порождает безделье и отсутствие цели и мотивации. Невыносимая скука в условиях серости и пустоты бытия производит обратный эффект: она порождает беспокойность и возбуждение, раздражительность и даже злость.

Поразительные результаты дали эксперименты, проведённые в группе студентов, на каждого из которых надели светонепроницаемые очки и грубые перчатки, ограничивающие даже малейшие движения рук, и поместили их поодиночке в пустую комнату. Чем дольше они находились взаперти, тем труднее им было расслабиться. Из всех сил они старались придумать хоть какое-то занятие, которое подходило бы для таких ограниченных условий. Они начинали свистеть, разговаривать сами с собой, пританцовывать, стараться делать хоть что-нибудь, каким бы абсурдным это ни было, только бы нарушить монотонность существования. Через несколько дней у них стали наблюдаться признаки сильного стресса, и дальнейшее нахождение в подобных условиях не представлялось возможным.

Невыносимая скука, стало быть, не является результатом длительного безделья, а как раз наоборот. Достигнуть состояния крайней скуки возможно, выполняя любую работу в течение длительного времени. Данная ситуация слишком опасна, чтобы просто получать чувственное наслаждение, характерное для секса ради удовольствия; она, скорее, определяется необходимостью избежать проблем, связанных с длительным бездельем. Отсутствие активности губительно для нервной системы, и мозг старается делать всёвозможное, чтобы этого избежать.

В условиях, благоприятных для возникновения синдрома скуки (имеется в виду однообразие окружающего мира, правда не созданное искусственно, как в вышеупомянутом эксперименте, а естественное), объектом, который быстрее всего поможет выйти из состояния монотонного существования, оказывается собственное тело, и если других объектов не находится, то в качестве такового всегда выступает именно оно. Можно кусать ногти, ковырять в носу, расчёсывать волосы, и всегда можно довести тело до состояния сексуального возбуждения. Так как целью является максимальное возбуждение, то в данной ситуации действия часто отличаются жестокостью и болевыми ощущениями, а иногда сопровождаются серьёзными увечьями или травмированием гениталий. Боль, сопутствующая этому, является в какой-то мере частью такой странной терапии, в отличие от побочных эффектов. Жестокость и длительная ипсация типичны для данного явления, и здесь не редкость даже разрыв мягких тканей или втыкание в зону гениталий острых предметов.

Экстремальные формы секса как способа времяпровождения характерны для заключённых — людей, принудительным образом изолированных от нормальной (с точки зрения половой стимуляции) среды обитания. Секс среди заключённых вовсе не относится к чисто физиологическому — ведь для простого удовлетворения физиологической потребности усилий требуется гораздо меньше.

Признаки данного феномена можно обнаружить и при наблюдении за жизнью людей-интравертов с некоторой патологией в психическом развитии, причём проявляются они даже в среде, для нормальной половой жизни с виду благоприятной. Однако более тщательные исследования показывают, что эти люди, хотя и достаточным количеством внешних сексуальных стимуляторов не обделены, оказываются в силу своей ненормальной психики им не подвластными. Их физиологические потребности находятся на голодном пайке среди изобилия. Если по какой-либо причине причислить их к категории антисоциальных элементов и изолировать от общества ментально, то есть лишить всяких контактов с окружающим нормальным миром, они способны прибегнуть к экстремальной стимуляции с

той же интенсивностью, с какой ею пользуются заключённые, изолированные от общества в физическом смысле, то есть находящиеся в камерах. Ведь в изоляции (как физической, так и ментальной) сексуальные извращения как способ времяпровождения теряют свою негативную сущность и становятся, скорее, средством спасения от бездействия.

Животные в клетках чувствуют примерно то же самое. Изолированные от собратьев, они могут заниматься сексом физиологическим. Лишённые необходимости поиска пищи и защищённые от врагов, а также, имея много свободного времени, они не прочь заняться сексом ради удовольствия, но, почувствовав невыносимую скуку, они способны прибегнуть к самым экстремальным формам секса как способа времяпровождения. Некоторые самцы обезьян становятся одержимы ипсацией. Самцы копытных животных, содержащиеся в одной клетке с самками, но изнывающие от безделья, могут в буквальном смысле загнать своих сокамерниц до смерти, бегая за ними по всей клетке и приставая без устали. Такое же поведение замечено и у человекообразных обезьян. Один орангутан жил в пустой клетке, и, когда к нему подселили самку, он во время спаривания так обнял её, что у бедняги отнялись передние лапы и её пришлось срочно отселить. Вообще, обезьяны (маленькие и большие), выросшие в изоляции от своих сородичей, после помещения их в общество себе подобных какое-то время не могут приспособиться к новым условиям. Подобно людям с недостатками в физическом развитии, жившим долгое время "в своём мире", они забиваются в угол и продолжают свои занятия сексом ради времяпровождения на глазах у изумлённых новых товарищей. Это довольно распространённое явление у шимпанзе, которых часто заводят в качестве домашних животных, а потом выбрасывают в зрелом возрасте, после чего они попадают в зоопарки. Одну такую пару шимпанзе, выросших в подобных условиях, для создания «семьи» поместили вместе в отдельную клетку. Сексом они занимались регулярно и интенсивно, но только сами с собой. Они, хотя и делили одну клетку на двоих, оставались ментально изолированными. Сидя вдали друг от друга, они ипсировали самыми различными способами: на глазах у самца, занимающегося пенисом в другом углу клетки, самка для стимуляции своих половых органов использовала веточки или деревянные щепки, которые отрывала зубами от стены.

8. Успокаивающий секс

Нервная система не терпит как длительного бездействия, так и чрезмерной активности. Успокаивающий секс является противоположностью сексу как способу времяпровождения. Последний является средством от скуки, в то время как успокаивающий секс — это средство против суматохи и стрессов. Окружённый и подавленный странными, противоречивыми, незнакомыми или пугающими событиями, человек ищет спасения в старых добрых вещах, которые способны успокоить его расшатавшиеся нервы. Когда напряжённость жизни становится невыносимой, человек пытается расслабиться с помощью действий, которые принесут удовлетворение от сознания завершенности дела: ведь полная стрессов, сверхэнергичная деятельность редко позволяет довести начатое до конца. Он "тянет ляжку" и никак не может решить свои проблемы, потому что его постоянно дёргают и мешают осуществить задуманное. Его неудовлетворённость растёт, пока не свершится какое-нибудь незамысловатое знакомое событие (неважно, насколько соответствующее ситуации) и не предоставит ему возможность выплеснуть свою энергию и расслабиться (если, конечно, всё сложится удачно). Банальные действия (например, курение, жевание жвачки или выпивка) помогают напряжение ослабить. Успокаивающий секс выполняет ту же роль. Солдаты на войне, ожидающие начала битвы, или директор фирмы во время финансового кризиса могут

найти временное успокоение в объятиях чувственной женщины. Эмоциональное возбуждение может быть минимальным, а сам процесс — традиционным. В какой-то степени, чем более автоматическими будут действия, тем лучше, потому что мозг и так загружен эмоциями бытия, и ему требуется разрядка.

Похожими выглядят и действия зверей, именуемые «сублимирующими». Когда два соперничающих представителя животного мира встречаются лицом к лицу, каждый готов атаковать противника, но оба этого боятся. Они сталкиваются с проблемой, и в таких противоречивых и не удовлетворяющих обоим условиях могут делать что-нибудь простое и не стандартное для данной ситуации (например, чистить шерсть или ковырять землю в поисках пищи или материала для гнезда). Такие сублимирующие действия проблему, конечно, не решают, но от стрессового состояния дают возможность на время отвлечься. Если самка имела несчастье оказаться поблизости, она рискует незамедлительно стать объектом сексуального домогательства, которое (как и в случае с солдатами или директором) носит стереотипный инезамысловатый характер.

9. Коммерческий секс

Проституцию мы уже упоминали, но только с точки зрения клиента. Для самой проститутки секс выполняет функцию совершенно иную. Побочные факторы могут быть какими угодно, но основная и превалирующая его функция — коммерческая. Коммерческий секс может играть важную роль и во взаимоотношениях многих супружеских пар, когда существует односторонняя моногамная связь: один супруг предоставляет сексуальные услуги другому в обмен на деньги или, скажем, на квартиру. Тот, кто имеет эти деньги или квартиру, действительно нуждается в моногамных отношениях, но в результате получает фальшивку. Женщин (или мужчин), которые вступают в брак ради денег, конечно же, можно считать проститутками. Единственная разница в том, что она (или он) получают плату за свои услуги косвенным образом, а обыкновенная проститутка работает по принципу "хочешь секса — плати", но, независимо от длительности подобных отношений, функция, которую выполняет сексуальная активность такой пары, в основном остаётся неизменной.

В какой-то степени сексуальные услуги в обмен на материальную выгоду предоставляют стриптизёрши и стриптизёры, платные партнёрши и партнёры в танцах, манекенщицы и манекенщики, танцовщицы и танцоры, участницы и участники конкурсов красоты, а также многие актрисы и актёры. За определённую плату они участвуют в представлении, стимулирующем начальную стадию полового возбуждения, но (по всем правилам) на дальнейший переход к непосредственному половому акту не рассчитанном. Компенсацией (за отсутствие логического продолжения) часто служит слишком откровенный и шокирующий характер действий участников: сексуальные позы и движения, имидж и анатомические данные — всё это своей недвусмысленностью призвано затмить ограниченность предоставляемых услуг.

Коммерческий секс в животном мире — явление редкое, даже в зверинцах, но определённые проявления «проституции» были замечены в поведении некоторых приматов. Самки обезьян предлагали себя самцам, сидящим с ними в одной клетке, чтобы заполучить кусочки пищи, разбросанные по полу, так как секс отвлекал самцов от необходимости следить занеприкосновенностью своих запасов.

10. Секс ради статуса

Эта последняя функциональная категория сексуального поведения открывает перед нами странный мир, полный неожиданных откровений и богатый своим разнообразием.

Секс ради статуса проникает в нашу жизнь множеством скрытых и непознанных способов. Из-за сложности этого явления я не стал рассматривать его в предыдущей главе, с тем, чтобы посвятить ему больше внимания здесь. Будет разумнее, если мы, прежде чем приступим к рассмотрению этого сексуального поведения у человека, начнём с изучения форм этого секса, наблюдаемых у других представителей животного мира.

Секс ради статуса имеет в своей основе не воспроизведение потомства, а стремление к власти, и чтобы осознать, как происходит это преобразование, нам придётся понять, как меняются сексуальные роли самца и самки.

Хотя для полноценного сексуального акта необходимо равноценное участие обоих полов, всё же приходится признать, что самка млекопитающего играет, как правило, роль поддающегося, а самец — роль агрессора. (Это не тот случай, когда самец, говоря официальным языком, сексуально домогается самки, не желающей вступить в половой контакт, и его действия характеризуются как "развратные".) Здесь не играет особой роли тот факт, что самка физически намного слабее самца: данные отношения являются неотъемлемой частью нормального полового акта. Так уж повелось, что самец млекопитающего должен самку «покорить»: именно он должен завоевать право "вторжения в тело" своей партнёрши. Чрезмерно покорная самка или слишком агрессивный самец считаются "плохими актёрами", склонными переигрывать, но покорный самец или агрессивная самка — это полное несоответствие своему "амплуа".

Сексуальная функция самки обезьяны заключается в «подаче» себя самцу путём демонстрации своего зада, покачивания им в знак приглашения и предоставления половых органов в распоряжение самца. Сексуальная активность последнего включает в себя принятие приглашения самки, введение пениса и осуществление тазовых движений. Такая субординация в сексуальных взаимоотношениях, когда самка предоставляет себя самцу, а самец навязывает себя самке, была «заимствована» у действий, изначально к сексу отношения не имеющих, и требующих более явной демонстрации покорности или агрессии. Если сексуальная «подача» самки означает покорность, то такие же действия могут быть использованы и в других случаях, когда проявляется открытая враждебность. В ситуации, не имеющей сексуальной подоплёки, самка демонстрирует самцу свои половые органы в знак того, что она настроена неагрессивно. Это служит успокаивающим жестом и обозначает статус подчинённого. В ответ самец может овладеть ею и сделать несколько незначительных тазовых движений, дабы лишь подтвердить свой доминирующий статус.

Секс ради статуса в данной форме является важным атрибутом социальной жизни обезьян, в том числе и человекообразных. Благодаря ритуальным действиям лидеров и подчинённых удаётся избежать кровопролития. Самец проявляет агрессию по отношению к самке, предотвращая тем самым ненужную схватку. Вместо того, чтобы кричать и пытаться убежать, что только "подольёт масла в огонь", самка устраивает собственное сексуальное представление, самец производит ответные действия, и они совокупляются, подтверждая тем самым существующую субординацию.

Это, однако, только начало. Секс ради статуса настолько важен, что решает практически все проблемы, связанные с враждебными проявлениями внутри группы. Если слабый самец чувствует угрозу со стороны сильного, он может защитить себя, избрав манеру поведения самки. Он демонстрирует роль подчинённого, принимая женские сексуальные позы и привлекая доминирующего самца своим задом. Последний подтверждает свой статус, обращаясь с этим самцом как с подчинённой самкой.

Точно такое же поведение можно наблюдать и между двумя самками. Подчинённая обезьяна подставляется доминирующей и позволяет ей на себя взгромоздиться. Молодые особи тоже совершают подобный ритуал, даже если полового созревания они ещё не достигли. Это лишний раз доказывает, что секс ради статуса отошёл от своей изначальной сексуальной функции уже очень далеко. Действия всё ещё подразумевают половое сношение, но сексуальной мотивации под собой уже не имеют. Главное в них теперь — подтверждение субординации по статусу.

Тот факт, что данная сексуальная активность проявляется регулярно и с завидной частотой, объясняется принадлежностью обезьян к миру дикой природы. У посетителей зоопарков часто складывается впечатление, что приматы относятся к классу ненасытных сексуальных маньяков, готовых, завидев зад сородича, совокупляться с кем угодно, будь то самка или самец, взрослый или детеныш. С одной стороны, так оно и есть — то, что видят посетители, точно отражает существующее положение вещей, вот только причины такого поведения остаются за пределами понимания. Естественность данного явления можно понять, лишь осознав, что мотивация секса ради статуса далека от сексуальной.

Возможно, разобраться в этом поможет пример, более показательный. Каждому знакомо дружеское, смиренное приветствие домашней кошки, трущейся боком о ногу хозяина, вытянув вверх хвост и приподняв зад. И кошки, и коты поступают одинаково, и, если погладить своего питомца, можно почувствовать, как животное выгибается навстречу руке. Большинство людей воспринимают это движение как кошачье приветствие, но о причинах и важности этих действий не задумываются. На самом деле это очередной пример секса ради статуса. Подобным образом кошки обычно устраивают сексуальную «подачу» для котов, а выгибание демонстрирует самцу наружные половые органы. Но, как и в случае с обезьянами, свою сексуальную роль эти движения утратили, и теперь представители обоих полов прибегают к таким действиям каждый раз, когда необходимо продемонстрировать покорность. Поскольку владельцы кошек и котов намного больше и сильнее своих питомцев, с точки зрения этих животных, они являются непререкаемыми авторитетами. Если контакт между ними происходит после достаточно продолжительного отсутствия хозяина, кошка считает, что ему необходимо подтвердить свою подчинённую роль, так что церемония приветствия неизменно включает в себя элементы секса ради статуса.

Действия представителей семейства кошачьих довольно просты, но, прежде чем перейти к рассмотрению подобных действий в мире людей, следует (принимая во внимание и поведение обезьян) отметить некоторые поразительные анатомические особенности животных, созданные природой для секса ради статуса. Многие самки обезьян имеют ярко-красную окраску кожи на непокрытой шерстью задней части туловища, недвусмысленно демонстрируемой самцу во время сексуальной «подачи». Она, естественно, является главным объектом, с помощью которого самка показывает самцу подчинённый статус во время секса. Как уже упоминалось, самцы некоторых животных используют красный цвет собственных ягодиц для доказательства своей покорности перед более сильными особями, и если у самок яркий цвет задней части играет двойную роль, то у самцов функция такой раскраски связана исключительно с сексом ради статуса.

Рассматривая секс ради статуса с точки зрения не подчинённого, а доминирующего, можно обнаружить такие же явления. Реакция лидера подразумевает эрекцию полового члена, который от природы имеет цвет, идеально соответствующий назначению. У многих обезьян пенис имеет ярко-красную окраску и часто обрамлён нежно-синей кожей мошонки.

Это делает гениталии самца настолько заметными, насколько это возможно, и часто самцы садятся, раздвинув задние лапы, чтобы их половые органы были хорошо видны. Таким образом они демонстрируют окружающим свой высший статус, даже не прибегая к каким-либо движениям. У некоторых обезьян самцы садятся таким образом где-нибудь с краю от стаи, и, когда приближается чужая стая, пенис самца напрягается и ритмично поднимается, похлопывая по животу. В Древнем Египте бабуины считались священными животными и являлись олицетворением мужской сексуальности. Египтяне не изображали их на картинах и росписях с напряжённым половым членом, но бальзамировали и хоронили их именно в таком виде, причём бальзамирование продолжалось в течение семидесяти дней, а церемония похорон длилась двое суток. Очевидно, что демонстрация особенностей секса ради статуса происходила открыто и недвусмысленно, и не только между бабуинами, но и среди древних египтян, и это случай вовсе не уникальный, в чем мы скоро и убедимся.

Подобно тому, как самцы некоторых животных, показывая свою покорность, имитируют действия самок (например, демонстрируя свои красные ягодицы), самки также иногда могут подражать движениям доминирующих самцов. Женские особи некоторых североамериканских обезьян демонстрируют свой удлинённый клитор, который может играть роль псевдопениса. Встречаются особи, у которых он настолько похож на мужской половой орган, что иногда даже трудно провести различие между полами. Такой феномен стал причиной появления многочисленных легенд, придуманных коренным населением тех мест, где такие животные встречаются. Поскольку такие самки выглядят как самцы, местные жители считают их животными с гомосексуальными наклонностями. (Это довольно странно: ведь самка гиены тоже обладает клитором, похожим на пенис, но в Африке гиен считают не гомосексуалами, а гермафродитами — особями, совмещающими в себе и мужские, и женские качества.)

Есть такие виды обезьян, самки которых обладают и псевдопенисом, и псевдомошонкой, хотя о том, как эта имитация мужских гениталий используется в мире дикой природы, учёным известно мало. Мы знаем только, что эрекция пениса применяется для устрашения подчинённых. Пример маленькой обезьянки саймири свидетельствует, насколько этот признак превосходства над своими собратьями важен. В этом случае самец-лидер не просто сидит, раздвинув задние лапы; когда ему необходимо кого-нибудь поставить на место, он приближается к подчинённому и бесцеремонно демонстрирует свой напряжённый пенис прямо перед его мордой. Возможности вызвать эрекцию псевдопениса самка, однако, не имеет, но вполне возможно, что для утверждения своего превосходства ей достаточно показать гениталии такими, какие они есть.

Таковы особенности секса ради статуса у наших ближайших собратьев — обезьян. Я остановился на этом так подробно потому, что это поможет нам лучше проследить эволюцию развития такого вида секса у людей. Это также поможет отчётливее увидеть, как далеко в этой сфере своей жизни зашли люди. Читая об особенностях поведения обезьян, как и древние египтяне, вы наверняка заметили некоторое сходство мира обезьян с миром людей. У людей, как и у обезьян, сексуальное поведение подчинённой самки и доминирующего самца демонстрирует покорность или превосходство, но собственно сексуальной основы под собой не имеет.

Древний способ демонстрации ягодиц самцу до сих пор используется самками для подтверждения своего подчинённого положения. Детей в качестве наказания нередко грозятся «отшлёпать», да и вообще ягодицы всегда считались самой «позорной» частью

человеческого тела, над которой всегда подшучивали и издевались. Беспомощные жертвы, фигурирующие в садомазохистских порнографических произведениях искусства (не говоря уж о популярных комедиях и комиксах), часто представлены с обнажёнными ягодицами.

Однако всё это буйство человеческой фантазии имеет под собой одну основу. Искусство и литература с древних времён воспевали фаллический символ, изображая его в самых разнообразных видах. До сих пор у некоторых примитивных народов наблюдается самое непосредственное поклонение фаллосу. Например, у папуасов Новой Гвинеи мужчины-воины прикрепляют к своим половым членам трубки длиной более 30 сантиметров, которые специальными приспособлениями закрепляются в почти вертикальном положении. У некоторых народов принято разукрашивать пенисы и искусственно увеличивать их различными способами.

Раз эрекция пениса используется самцами-лидерами в качестве устрашающего средства, то совершенно очевидно, что чем сильнее эрекция, тем более серьёзную угрозу она означает. Визуальные сигналы, свидетельствующие о степени угрозы, включают в себя четыре показателя: когда пенис напрягается, он меняет угол наклона, из мягкого превращается в твёрдый, увеличивается в толщину и в длину. Если все четыре показателя искусственно довести до нужной величины, то эффект от такого зрелища будет достигнут максимальный. Существует предел тому, что можно сделать с человеческим телом (что более-менее удалось папуасам Новой Гвинеи), но нет предела человеческой фантазии в искусстве. Мужское тело, изображённое на картине, гравюре или в скульптуре, можно снабдить фаллосом каких угодно размеров. Средняя длина пениса в состоянии эрекции примерно 15.5 сантиметра, что составляет менее одной десятой от роста взрослого мужчины; фаллические же скульптуры нередко снабжены пенисом, длина которого превышает высоту самой фигуры.

Поклонение фаллосу заходило и ещё дальше: от изображения тела вообще отказывались, и, например, скульптуры представляли собой один огромный, вертикально расположенный пенис. Такие скульптуры древних мастеров были найдены в различных частях света. Гигантские фаллические статуи нередко превосходили реальные размеры органа человеческого тела почти в 700 раз, при этом некоторые из них были покрыты золотом.

Изучая очевидные случаи поклонения мужскому половому члену, не надо забывать и о символах фаллоса; таким, например, является любой длинный, негнувшийся, упругий предмет. Психологи, исследующие сны своих пациентов, знают, какими разнообразными могут быть эти символы, но только снами дело не ограничивается. Эти символические предметы намеренно используются рекламными агентствами, артистами и писателями. Они появляются в фильмах, спектаклях и служат неизменным атрибутом почти всех форм развлечений. Даже если они и не воспринимаются буквально, на подсознательном уровне они всё равно оказывают воздействие, поскольку в своей основе имеют хорошо понятные образы. Все эти свечи, бананы, мужские галстуки, ручки от швабры, шланги, посохи, змеи, морковки, стрелы, рыбы-угри, фейерверки, а также обелиски, деревья, фонтаны, фонарные столбы, небоскрёбы, флагштоки, пушечные стволы, заводские трубы, космические ракеты, маяки и башни несут в себе некую символическую ценность, поскольку в целом обладают определённой формой, а в некоторых случаях даже определёнными специфическими атрибутами. Рыба становится фаллическим символом как из-за своего внешнего вида, так и из-за формы, а ещё и потому, что она как бы «протискивается» сквозь воду; слон — из-за своего хобота; носорог — из-за рога; птицы — потому что поднимаются в небо вопреки земному притяжению; волшебная палочка —

потому что даёт особую силу волшебнику; меч, копьё и пика — оттого, что проникают в человеческое тело; бутылка шампанского извергает фонтан, когда её открывают; ключ входит в замочную скважину, а сигара представляет собой набухшую сигарету. Этот список практически бесконечен: ведь воображение способно придумать символические параллели с каким угодно предметом.

Все эти образы очень часто использовались в качестве символов мужественности. Сильный, находящийся у власти мужчина (или мужчина, делающий вид, что он силен и облечён властью), который тычет своей сигарой в лицо компаньону, по сути, демонстрирует те же признаки секса ради статуса, что и самец маленькой обезьянки саймири, расставляющий лапы и трясуший своим напряжённым пенисом перед мордой подчинённого. Общественная мораль заставила нас искать эвфемистические замены нашим агрессивным способам демонстрации превосходства с помощью сексуальных атрибутов, но представление о мужском начале, какое оно есть на самом деле, никуда не исчезло, а только видоизменилось и модернизировалось. Как я уже говорил в главе, посвящённой статусу и суперстатусу, у нас в условиях суперплемени есть веские причины манипулировать способами демонстрации нашего превосходства, а это на самом деле и есть секс ради статуса, чем все мы и занимаемся.

Можно найти множество примеров различных усовершенствований фаллического символа, происходящих на наших глазах. Один из них — дизайн спортивных автомобилей. Излучая дерзкую, агрессивную мужественность, они укрепляют её своими фаллическими атрибутами. Словно пенис бабуина, они устремлены вперёд; длинные, гладкие и сияющие, они наполнены энергией движения и очень часто окрашены в ярко-красный цвет. Мужчина, сидящий в спортивном кабриолете, похож на чрезмерно стилизованную фаллическую статую: его тело недоступно взгляду, а всё, что мы видим, это крошечная голова и руки, венчающие огромный блестящий пенис. (Можно привести контраргументы, предположив, что форма спортивных автомобилей определяется техническими требованиями аэродинамики, но переполненные улицы современных городов и жёсткие ограничения скорости делают эти доводы бессмысленными.) Даже обычные машины обладают фаллическими атрибутами, и это в какой-то степени объясняет, почему водители-мужчины становятся такими агрессивными и стремящимися обогнать друг-друга, несмотря на серьёзный риск и на то, что возле следующего светофора они всё равно окажутся на одной линии (в лучшем же случае сэкономят несколько секунд).

Другой пример можно найти в мире популярной музыки, где гитары уже превратились из предмета женского рода в олицетворение мужского начала. Старинные гитары с пышной фигурой и тонкой талией определённо были символом женственности: их держали у груди, нежно перебирая струны. Но времена изменились, и от их женственности не осталось и следа. С тех пор как группы, состоящие из секс-символов мужского пола, начали играть на электрогитарах, дизайнеры этих инструментов работают, не покладая рук, чтобы придать им очертания фаллоса — олицетворения мужественности. Корпус гитары (теперь он символизирует яички) стал меньше; он более округлый и ярко раскрашенный, что даёт возможность грифу (который нынче олицетворяет пенис) казаться длиннее. Гитаристы тоже сыграли свою роль, опуская гитару всё ниже и ниже до тех пор, пока она не оказалась на уровне гениталий. Изменился также угол наклона гитары во время игры, и теперь её держат так, что гриф торчит подобно пенису в состоянии эрекции. Теперь, после всех этих модификаций, современные поп-группы стоят на сцене и манипулируют своими

"электрическими фаллосами", имитируя ипсацию и демонстрируя власть над своими «рабами», находящимися в зрительном зале. (А вокалисту остаётся ласкать фаллический микрофон.)

На фоне таких «нововведений» в фаллическом символизме выделяются случаи, когда символы мужского начала незаслуженно забываются или игнорируются. По мере того, как древние цивилизации (представители которых, как я уже говорил, были намного раскованней при использовании образов мужских половых органов) сменялись современными, их недвусмысленные символы искажались и скрывались. Возможно, самым ошеломляющим примером этого может послужить христианский крест. Когда-то, давным-давно, он был совершенно откровенным фаллическим символом с вертикальной стойкой, олицетворяющей половой член, и перекладиной, обозначающей яички. Иногда его изображали в более явной форме, с головой мужчины на вершине, венчающей тело, представляющее собой одни большие, стилизованные под крест мужские гениталии, но это было ещё во времена дохристианские. Один писатель заметил, что, возможно, принятию христианами этого символа в новом обличье способствовало то, что ранее он представлял огромную важность как символ "жизненной силы".

Другой пример: знаменитый мальтийский крест тоже имел долгую историю прежде, чем потерял своё оригинальное значение. При раскопках древних развалин на острове Мальта было найдено немало фаллических скульптур, которые потом пропали, были украдены или разрушены. Среди них был и крест, состоявший из четырёх огромных каменных фаллосов, которые, как пишет один автор, "впоследствии превратились в оружие благородных рыцарей".

Ужесточение требований морали по отношению к фаллическим символам можно проследить и на примере пасхальных праздников. В древности на Пасху часто пекли пироги в форме как мужских, так и женских половых органов, но сегодня они видоизменились и в некоторых странах имеют форму рыбы (мужской пирог) или куклы (женский). Фаллическая символика лежала и в основе так называемых "рыбных дней" по пятницам, но сексуальная подоплёка этого ритуала давным-давно забыта.

Подобных примеров можно привести множество. Костёр, например, сохранив свою почти магическую языческую силу, тем не менее, полностью лишился своей сексуальной основы. Когда-то огонь добывали путём трения палочки-"папы", вставленной в дощечку-"маму", осуществляя тем самым символический половой акт до тех пор, пока не возникала искра и костёр не вспыхивал языками сексуального пламени.

Раньше на стенах многих домов изображался фаллос, призванный защищать жителей от сглаза и других воображаемых несчастий. Эти агрессивные надменные атрибуты секса предназначались для демонстрации превосходства живущих в этих зданиях над представителями потустороннего мира. В некоторых странах Средиземноморья до сих пор можно найти символы с той же функциональной идеей, но прежнего откровенно сексуального смысла они уже лишены. Теперь изображают бычьи рога и прикрепляют их где-нибудь наверху, под самой крышей. Но, несмотря на все старания морали и цензуры, превратившие "древо познания плотских истин" в обыкновенное "дерево знаний" и заменившие недвусмысленные гильфики на менее недвусмысленные галстуки, в некоторых сферах жизни агрессивные фаллические символы сохраняются в прежнем обличье, например, ругательства, где всёвыражается предельно откровенно.

Вербальные ругательства или оскорбления часто имеют фаллическую подоплёку. Почти

все по-настоящему грубые выражения, которые мы используем с целью оскорбления, имеют в своей основе сексуальные термины. Их буквальный смысл связан с половым актом или с различными частями гениталий, но используются они преимущественно в моменты сильного раздражения и агрессии, а это — типичные атрибуты секса, наглядно демонстрирующие тот факт, что секс часто используется для утверждения превосходства.

Визуальные оскорбления имеют в своей основе всё тот же фаллос, а для выражения враждебности по отношению к собеседнику используется целый набор атрибутов данной тематики. Высунутый язык есть не что иное, как символ пениса в напряжённом состоянии. Различные варианты оскорбительных жестов, демонстрируемых рукой, известны уже тысячи лет. Один из самых древних жестов — оттопыренный и полностью выпрямленный средний палец, направленный в сторону человека, которого необходимо оскорбить (остальные пальцы согнуты). Таким образом, средний палец олицетворяет пенис, согнутые большой и указательный — одно яичко, а безымянный и мизинец — другое. Этот жест был популярен во времена римлян, и средний палец назывался "digitus impudicus" (бесстыдный палец) или "digitus infamis" (позорный палец). Жест видоизменялся с течением столетий, но до сих пор встречается во многих частях света. Иногда вместо среднего используется указательный, возможно, потому, что так этот жест проще сформировать и удержать. Иногда указательный и средний пальцы объединяются, выражая размеры символического пениса. Сегодня часто можно наблюдать покачивание комбинацией пальцев вверх-вниз в отношении враждебного субъекта, символизирующее движение во время полового акта. Если отгибаются два пальца, то они могут быть как прижатыми друг к другу, так и разведёнными в стороны в форме латинской буквы «V». Интересно, что искажённое восприятие этой последней формы представляло собой символ победы, но является не просто изображением первой буквы слова «victory»: фаллическая символика сыграла свою роль и здесь. Этот жест отличается от оскорбительного отгибания пальцев в форме буквы «V»: в стремлении оскорбить руку держат ладонью к себе, в то время как для обозначения победы ладонь направляется в сторону восторженной публики. Это означает, что победитель, показывающий зрителям два разведённых пальца, на самом деле демонстрирует оскорбительный жест, но только от их имени, а не по отношению к ним. Глядя на своего победителя, публика видит тот же самый жест, который каждый увидел бы, если бы показывал оскорбительную комбинацию пальцев своему врагу. Простым разворотом руки фаллическое оскорбление становится фаллической защитой. Как мы уже говорили, угроза и защита являются основными аспектами утверждения превосходства. Если лидер демонстрирует угрозу по отношению к одному из членов своей группы, это является оскорблением для последнего, но когда он направляет ту же угрозу от группы в сторону врага (или воображаемого врага), его подчинённые начинают им восхищаться, потому что он их «защищает». Не стоит, конечно, думать, что лидер может полностью сменить имидж простым поворотом кисти на сто восемьдесят градусов, но таковыми являются современные способы демонстрации секса ради статуса.

Другая древняя форма комбинации пальцев, насчитывающая как минимум две тысячи лет, — это так называемая «фига» или «кукиш». Кулак сжат, но большой палец просунут между основаниями согнутых указательного и среднего пальцев и направлен в сторону объекта оскорбления. Кончик большого пальца торчит лишь слегка, напоминая головку пениса, направленную на подчинённого или врага. Этот жест распространён на большей части земного шара, и почти везде его демонстрация называется "показать фигу". В английском языке выражение "I don't give a fig to him", которое переводится примерно как "Я

ему не покажу даже фигу", означает, что тот, к кому оно относится, не заслуживает даже оскорбления.

Много примеров этих фаллических жестов было найдено на древних амулетах и украшениях. Их носили в качестве защиты от сглаза. Некоторые наши современники видят в этих жестах оскорбление или грубость, но раньше они играли роль совершенно другую. Эти символы использовали — и абсолютно легально — в качестве защитных атрибутов секса ради статуса. В определённых условиях им поклонялись, и они служили волшебными амулетами, призванными уничтожить — нет, не членов группы — любую угрозу для группы, приближающуюся извне. Во время римского праздника «либералия» огромный фаллос, водружённый на великолепную колесницу, торжественно вывозили на центральную площадь города, где все женщины, включая самых уважаемых дам, украшали его гирляндами, "чтобы отогнать злых духов". В период Средневековья на стенах многих церквей были изображения фаллосов — считалось, что это защищает от сил сатаны; правда, в большинстве случаев эти атрибуты впоследствии уничтожили как "лицетворение разврата".

В качестве фаллической символики использовались даже растения. Мандрагора (растение с корнями, похожими на фаллосы) была широко распространена в качестве защитного амулета. К ней прикрепляли в соответствующих местах зёрна проса или ячменя, закапывали на двадцать дней в землю, чтобы зёрна проросли, а затем откапывали и подстригали выросшие корни, придавая им конфигурацию лобковых волос, в результате чего символическая роль усиливалась. В такой форме этот амулет хранили, и его влияние считалось очень сильным, а люди верили, что состояние его владельца за год увеличивается вдвое.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности, но я думаю, что перечисленного для доказательства распространённости и разнообразия данного феномена вполне достаточно.

Мы начали обсуждение этой темы, заострив внимание всего на одном элементе проявления агрессивности секса ради статуса со стороны самца, а именно — на эрекции пениса. Существуют, конечно, и другие проявления, которые сбрасывать со счетов не стоит. Собственно, непосредственный акт копуляции для самца, как я уже отмечал, является основополагающим агрессивным способом самоутверждения и демонстрации превосходства. Таким образом, в определённых условиях он становится элементом секса ради статуса. Самец может совокупляться с самкой не для того, чтобы достичь цели одного из остальных девяти типов секса, перечисленных в этой главе, а просто чтобы доказать превосходство собственного мужского «я». В таких случаях он может говорить о «победе», как будто участвовал в битве, а не занимался сексом, и когда я употребляю глагол «говорить», то имею в виду его буквальное значение, поскольку мужчина обязательно будет хвастаться своими достижениями перед другими мужчинами, так как без этого его победа не имеет смысла. Если бы он молчал по этому поводу, его это было бы, конечно, удовлетворено, но, рассказав своим друзьям, он повышает таким образом свой статус ещё больше. Любая партнёрша, знающая о его победах, должна быть уверена, что участвует в исключительном половом акте. По сравнению с этим подробности секса для создания пары носят характер гораздо более интимный.

Мужчина, использующий женщину для секса ради статуса, на самом деле озабочен собственной состоятельностью в этом больше, чем всем остальным. По большому счёту его может удовлетворить любой способ демонстрации зависимости женщин от него, даже не

связанный непосредственно с половым актом. Ему не нужно будет утруждать себя сексом, если его превосходство над женщинами будет понятно всем вокруг и так. Большие гаремы, распространённые у правителей некоторых стран, в основном играют роль инструмента демонстрации секса ради статуса; они вовсе не призваны отражать стремление к многочисленным моногамным связям. Часто среди представительниц гарема назначается "любимая жена", отношения с которой принимают некоторое подобие семейных уз, но в любом случае законы секса ради статуса во всей этой схеме доминируют, а схема проста: чем больше женщин в гареме, тем выше статус. Иногда жён становится так много, что муж не имеет ни времени, ни сил заниматься сексом с каждой из них, но, чтобы выглядеть воплощением мужественности, он старается произвести как можно большее количество отпрысков. Современные "повелители гаремов" обычно вынуждены справляться с жёнами по очереди, вместо того чтобы собирать их вокруг себя всех сразу. Они надеются на повышение репутации устным способом, не прибегая к грандиозной демонстрации своей силы.

Здесь уместно упомянуть об особом отношении гетеросексуальных приверженцев секса ради статуса к гомосексуальным особям мужского пола. Это отношение выражается в повышенной враждебности и презрении, вызванных подсознательным раздражением тем, что "эти гомосексуалы не участвуют в игре, и никто их за это не наказывает". Другими словами, отсутствие интереса сексуального меньшинства к женщинам даёт им несправедливые преимущества в битве за статус, так как вне зависимости от того, сколько женщин завоюет гетеросексуальный индивид, поразить этим гомосексуала ему всё равно не удастся, — следовательно, возникает необходимость победить его путём унижения. В гомосексуальном мире имеет место, конечно же, не меньшая борьба за статус, чем у гетеросексуалов, но на взаимоотношения представителей двух групп это никак не влияет, поскольку объекты завоеваний у них совершенно разные.

Если современному участнику секса ради статуса достичь грандиозных успехов на этом поприще не удаётся, у него всё равно остаётся достаточно вариантов для удовлетворения своих амбиций. Неуверенный в себе мужчина может самовыражаться, отпуская пошлые шуточки. Подразумевается, что это символ его сексуальной агрессивности, но навязчивое стремление постоянно острить порождает у его коллег сомнения, и они начинают понимать вынужденный характер его словотворчества.

Мужчины, страдающие сильным комплексом неполноценности, часто прибегают к помощи проститутки. Я уже упоминал некоторые побочные функции такого рода деятельности, но стремление повысить свой статус, возможно, является из них самым значимым. Необходимым атрибутом этой формы секса ради статуса становится деградация женщины. Мужчина, обладающий некоторой суммой денег, может требовать от женщины сексуального повиновения. Он знает, что женщина от его способностей не в восторге, но всё же ему подчиняется, и этот факт помогает ему почувствовать над ней свою власть. Альтернативой этого является стриптиз: женщина (опять же за некоторое вознаграждение в виде наличных) вынуждена раздеваться, унижая себя и тем самым повышая статус наблюдателя за ней мужчины. Есть жестокая карикатура на стриптиз под названием «Трайпстиз» ("tripes" — внутренности). На ней изображена обнажённая девушка, которая уже сняла всю одежду, но, подгоняемая восторженными призывами к продолжению спектакля, вынуждена распороть себе живот и с обольстительной улыбкой в такт музыке вынимать внутренности. Это нелюбимое произведение искусства демонстрирует, что пристрастие к стриптизу приближает нас к торжеству экстремальных форм секса

ради статуса — к торжеству садизма.

Неприятно, но факт — чем сильнее стремление мужчины к самоутверждению, тем более неприемлемыми становятся средства его достижения; и чем более порочные и насильственные способы используются на пути к успеху, тем больших вершин хочется ему достичь. У подавляющего большинства мужчин необходимости в таких экстремальных мерах не возникает: степень уверенности в себе, которую они приобрели в обычных условиях повседневной жизни, их вполне удовлетворяет. Но под давлением собственного статуса в условиях суперплеменного существования (где может быть только небольшое число доминирующих особей, рядом с которыми должно присутствовать огромное количество подчинённых) садистские мысли всё же возникают. Для большинства мужчин они остаются не более чем мыслями, и их садистские фантазии в реальность никогда не воплотятся. Некоторые индивиды заходят немного дальше и жадно поглощают информацию о насилии, побоях и издевательствах из книг, журналов и фильмов; другие пробуют некоторые из псевдосадистских приёмов, но только отдельные личности становятся настоящими садистами. Не спорю, многие мужчины проявляют некоторую жестокость во время сексуальных игр; есть и такие, кто следует садистско-издевательским ритуалам по отношению к своим партнёрам, но кровавый садизм всё-таки присущ лишь очень редко встречающимся извращенцам.

Наиболее частой формой садизма является изнасилование. Возможно, по причине того, что изнасилование считается прерогативой мужчин, оно является символом мужской сексуальной агрессивности в большей степени, чем другие виды садизма. (Мужчины могут издеваться над женщинами, но и женщины могут издеваться над мужчинами. Мужчина может изнасиловать женщину, а вот женщина мужчину — нет.) Кроме чувства превосходства над женщиной и унижения её, одними из странных составляющих удовольствия, получаемого садистом от изнасилования, являются телодвижения и выражение лица насилуемой женщины, очень похожие на телодвижения и выражение лица женщины, испытывающей интенсивный оргазм. Более того, если насильник свою жертву убивает, её внезапный переход в вялое и пассивное состояние напоминает ему женщину в состоянии расслабления и полного изнеможения после сильного оргазма.

Для более слабых мужчин альтернативой служит так называемое "визуальное изнасилование". Это явление часто именуют «эксгибиционизмом», и заключается оно в демонстрации гениталий какой-либо женщине (или женщинам). Никаких попыток физического контакта не предпринимается; цель данных действий проста: прибегнув к основной форме секса ради статуса — к демонстрации угрозы, вызвать чувство стыда и смущения у женщин, вынужденных смотреть на эксгибициониста. Здесь стоит опять вспомнить о том, как маленькая обезьянка саймири тычет penisом в морду своего собрата.

Самой отвратительной формой садизма, пожалуй, являются издевательства, изнасилования и убийства, совершаемые взрослыми мужчинами по отношению к детям. Садисты этого типа страдают наиболее ярко выраженной разновидностью комплекса неполноценности. Чтобы удовлетворить собственное эго, они вынуждены использовать самых слабых и незащищённых представителей общества и навязывать им наиболее насильственные формы демонстрации своего превосходства. К счастью, такие экстремальные проявления садизма довольно редки. Они кажутся более распространёнными, чем на самом деле, из-за огромного внимания, которое к себе привлекают, но в действительности эти случаи лишь песчинки в массе преступлений,

связанных с насилием (хотя, как бы то ни было, любое суперплемя, в котором есть индивиды, пытающиеся утвердить своё превосходство таким способом, обречено на существование под гнётом бесконечных проблем статуса).

И последнее по поводу секса ради статуса: примечательно, что некоторые индивиды, всеми силами демонстрирующие гипертрофированное стремление к власти, имеют различные физические недостатки. После смерти Гитлера, например, оказалось, что у него было всего одно яичко, а вскрытие трупа Наполеона показало атрофию гениталий. Сексуальная жизнь обоих была более чем ненормальной, и остаётся только догадываться, как сложилась бы история Европы, если бы они были личностями сексуально полноценными. Страдая от сексуальных комплексов, они, возможно, были вынуждены прибегнуть к более непосредственным формам выражения своей агрессии, но, независимо от того, насколько экстремальным стало в итоге их могущество и влияние, их стремление к достижению суперстатуса не находило удовлетворения никогда, поскольку, каких бы вершин они ни достигли, ничто не смогло вернуть им нормальных половых органов обычного мужчины. Замкнутый круг секса ради статуса: сперва сексуальные возможности мужчины как доминирующего пола становятся механизмом демонстрации его агрессии, а затем они становятся настолько важным параметром, что, если в этом механизме что-либо разлаживается, возникает острая необходимость компенсировать его поломку откровенно агрессивными методами.

Возможно, о сексе ради статуса (о его наименее выраженных формах) есть что сказать даже после всего вышеупомянутого. В своём ритуальном и символическом разнообразии он обеспечивает как минимум сравнительно безвредный выход агрессивной энергии, которая в противном случае могла бы быть довольно разрушительной. Когда доминирующий самец обезьяны совокупляется с подчинённой особью, это позволяет ему утвердить своё превосходство без необходимости впиваться клыками в тело слабого сородича; пошлые шуточки за стойкой бара приносят меньше вреда, чем драки и потасовки; оскорбительный жест в сторону соперника лучше, чем синяк у него под глазом. Секс ради статуса фактически служит безвредной заменой кровавого насилия прямой агрессии для навязывания своего превосходства. Ведь в наших суперплеменах-переростках, где лестница статуса исчезает где-то в «облаках» и борьба за сохранение или улучшение своего положения в общественной иерархии стала предельно напряжённой, секс ради статуса вышел из-под контроля и оказался таким же олицетворением насилия, как и сама агрессия. Это стало ещё одной составляющей той цены, которую житель суперплемени должен заплатить за великие достижения своей суперплеменной цивилизации и за удовольствие быть её членом.

Рассмотрев десять основных функциональных категорий сексуального поведения человека, мы ясно увидели причины того, почему для современного обитателя "людского зверинца" секс превратился в суперсекс. В жизни других животных эти десять категорий тоже играют свою роль, но человек поднял их на такой уровень, который представителям дикой природы и не снился. Даже в самых пуританских странах секс всегда имел первостепенное значение как раз потому, что в сознании людей постоянно вдалбливалась необходимость его ограничения. Наверняка я не ошибусь, если скажу, что нет на свете человека, одержимого сексом более, чем фанатичный пуританин.

Причины превращения секса в суперсекс переплетаются между собой. Основным фактором стала эволюция человеческого мозга. С одной стороны, это привело к увеличению

продолжительности детства, что, в свою очередь, подразумевало более долгие семейные отношения. Моногамные связи необходимо было устанавливать и поддерживать. В добавление к сексу для воспроизведения потомства сформировались секс для создания пары и секс для сохранения пары. Если активного выхода сексуальной энергии добиться не удавалось, изобретательность недюжинного человеческого ума подсказывала пути снятия накопившегося физиологического сексуального напряжения. Растущее стремление людей к новизне, их неуёмное любопытство и любознательность стали причиной широкого распространения секса ради эксперимента. Производительность гигантского мозга позволила так организовать жизнь человека, что у него стало появляться всё больше и больше свободного времени и увеличилось желание его потратить. Налицо расцвет секса ради удовольствия, секса ради секса. Если этого времени оказывалось слишком много, в ход шёл секс как способ времяпровождения. Если, наоборот, повышенная напряжённость жизни в условиях суперплемени и стрессы становились невыносимыми, можно было расслабиться с помощью секса успокаивающего. Дополнительные сложности суперплеменного существования породили разнообразие трудовой и торговой деятельности, и сексуальную активность в форме секса коммерческого это тоже не обошло стороной. И, наконец, гиперпроблемы, переполнившие современный мегаполис в условиях погони за превосходством и статусом, привели к тому, что секс стал всё чаще использоваться в несексуальном контексте, в качестве всепроникающего секса ради статуса.

В связи с этим величайшей сложностью, возникшей в отношениях между различными категориями секса, стали противоречия между изначально репродуктивными формами (секс для воспроизведения потомства, секс для создания пары и секс для сохранения пары), с одной стороны, и нерепродуктивными разновидностями — с другой. Во времена, когда не было противозачаточных таблеток и средства контрацепции были запрещены, недостаточно распространены или не обладали эффективностью, секс для воспроизведения потомства представлял основную опасность для секса ради эксперимента, секса ради удовольствия и всех остальных категорий секса. Даже когда воцарились времена так называемого "таблеточного рая", которые многие называют началом эпохи дикого, беспорядочного секса, решить проблему было невозможно, поскольку фундаментальные моногамные инстинкты сексуальных партнёров всё ещё процветали. Повсеместная беззаботная неразборчивость в связях есть не что иное, как миф, и она всегда будет оставаться мифом. Этот миф рождён благодаря существованию секса ради статуса и стремлению принять желаемое за действительное, но этому желаемому стать действительностью никогда не суждено. Сильный моногамный инстинкт человека, уходящий корнями (говоря языком эволюции) в богатейшие родительские чувства, в любом случае выживет, даже если со временем достижения науки помогут создать совершенные контрацептивы. Это вовсе не означает, что технический прогресс не оказывает влияния на нашу сексуальную активность, наоборот — он коренным образом её меняет. Давление трёх составляющих: совершенствование противозачаточных средств, снижение уровня венерических заболеваний и увеличение численности населения, — вне всяких сомнений, ведёт к катастрофическому росту нерепродуктивных форм секса. Также не вызывает сомнения и тот факт, что это усиливает противоречия между этими категориями сексуальной активности и необходимостью создания и поддержания моногамных связей. К несчастью, в результате от сексуального беспорядка родителей страдают в первую очередь дети.

Было бы намного проще, если бы мы, подобно нашим предкам-обезьянам, были менее

озабочены воспитанием потомства и больше внимания уделяли биологическим сексуальным позывам. Тогда бы мы усилили и обогатили нашу сексуальную активность так же, как мы это сделали со стремлением к чистоте тела. Подобно тому, как мы без особого вреда часами торчим в ванной, неустанно посещаем массажистов, косметические кабинеты, парикмахеров, турецкие бани, бассейны, сауны и различные салоны, мы могли бы позволять себе нескончаемые эротические безумства с кем попало, в любую свободную минуту и без боязни за последствия. А раз так, создаётся впечатление, что наши основные животные инстинкты постоянно находятся на пути к такому развитию событий или, как минимум, сдерживают это развитие, пока не наступят времена, когда человек начнёт претерпевать радикальные генетические изменения.

Остаётся только надеяться, что по мере усиления непримиримых противоречий между разновидностями суперсекса мы научимся играть свою роль более искусно. В конце концов, ведь вполне возможно не ограничивать себя в еде и в то же время не страдать от избыточного веса или болезней. В сексе это сделать гораздо труднее, из-за чего общество и переполнено горячими ревнивцами, брошенными любовниками, несчастными разбитыми семьями и беспризорными детьми.

Неудивительно, что в основе этой проблемы в жизни современной городской человекообразной обезьяны лежит суперсекс. Неудивительно, что в сфере секса так много отклонений от нормы. Секс предоставляет человеку возможность получить более сильное физическое или эмоциональное удовлетворение, но, если возникают проблемы, он также способен сделать человека ещё более несчастным. Совершенствуя, модернизируя и расширяя возможности секса, человек манипулирует им и использует его потенциал и как вознаграждение, и как наказание — и, как ни печально, ничегонеобычного в этом нет.

Во многих сферах человеческого поведения мы наблюдаем такую же картину. Даже медицина, со всеми её положительными сторонами, имеет негативное воздействие: она легко может способствовать перенаселённости, что, в свою очередь, приводит к увеличению заболеваний на почве стрессов, а это также может привести к развитию болевой сверхчувствительности. Аборигены Новой Гвинеи способны вынимать копьё из собственного бедра с достоинством большим, чем «абориген» городской вынимает из пальца занозу, но причин для поворота событий вспять искать не стоит. Если наша повышенная чувствительность может играть двойную роль, мы должны быть уверены, что её роль — правильная. Всё дело в том, что ситуация находится в наших руках, а точнее — контролируется нашим сознанием. Туго натянутый канат, на котором приходится балансировать нашему брату, чтобы выжить, поднимается всё выше и выше. Становится всё опаснее, но и возбуждение растёт. Единственная загвоздка в том, что, когда племена превратились в суперплемена, кто-то убрал из-под каната страховочную сетку. Теперь только от нас зависит, разобьёмся ли мы насмерть. Мы сами выбрали такой эволюционный путь, и нам некого винить, кроме самих себя. Наши животные инстинкты всё ещё кипят внутри нас, но там же прячутся и наши животные слабости. Чем лучше мы будем контролировать их и понимать, какие огромные опасности ожидают нас в неестественном мире нашего «зверинца», тем больше у нас шансов на благополучный исход.

Глава 4

СВОИ И ЧУЖИЕ

Вопрос: в чём разница между чернокожими, разрезающими на куски белого миссионера, и толпой белых, учиняющих расправу над беззащитным негром? Ответ: почти ни в чём, а для жертв вообще никакой разницы нет. Независимо от причин, поводов и мотивов поведенческий механизм в основе один и тот же: в обоих случаях члены своей (внутренней) группы нападают на членов группы чужой (внешней).

Поднимая этот вопрос, мы попадаем в сферу, где нам трудно сохранять объективность. Причина этого вполне очевидна: все мы, каждый из нас, являемся членами той или иной «своей» группы, и нам крайне сложно рассматривать проблемы межгруппового конфликта без того, чтобы (пусть и бессознательно) не встать на чью-либо сторону. И всё же, прежде чем я закончу писать (а вы читать) эту главу, нам каким-то образом придётся выйти за пределы наших групп и взглянуть на поле битвы беспристрастным взглядом «марсианина». Это будет довольно непросто, и я должен с самого начала подчеркнуть: ничто из сказанного мною не следует истолковывать так, будто я тайно отдаю предпочтение одной группе в ущерб другой или же полагаю, что одна группа неизбежно превосходит другую.

Принимая во внимание неопровержимый факт существования процесса эволюции, можно предположить, что если сталкиваются две группы людей и одна уничтожает другую, то победитель биологически более удачлив, чем побеждённый, но если мы рассматриваем вид в целом, этот довод уже не работает, так как имеет ограничения. В широком же смысле, если эти соперничающие группы смогли бы мирно уживаться рядом друг с другом, весь вид можно было бы считать более чем удачливым.

Именно с этой точки зрения нам и следует рассуждать. Если она не кажется очевидной, нам придётся давать довольно сложные объяснения. Мы не размножаемся в таких количествах, как некоторые виды рыб, мечущие тысячи икринок за раз, большинству из которых суждено погибнуть. Мы — не количественные производители, а качественные, производящие на свет немногочисленное потомство, отдающие ему больше внимания и заботящиеся о нём гораздо дольше, чем любое другое животное. Посвятив своим детям практически двадцать лет жизни и затратив на это, помимо всего прочего, массу энергии, крайне неразумно выгонять их на улицу, чтобы потомки других людей ударили их ножом, застрелили, подожгли или взорвали. Однако чуть более чем за один век (с 1820 по 1945 г.) в разного рода межгрупповых столкновениях были убиты не менее 59 миллионов человек.

Нам трудно объяснить это, если учесть тот факт, что человеческому разуму преимущества мирного сосуществования столь очевидны. Говоря о таких убийствах, мы считаем, что человек ведёт себя "подобно животному", но если бы нам удалось найти дикое животное, действующее таким образом, правильнее было бы сказать, что его поведение напоминает поведение человека. Проблема же заключается в том, что мы не можем найти такое животное, а значит, имеем дело с ещё одним загадочным качеством, которое делает современного человека видом уникальным.

С точки зрения биологии человек обладает врождённой потребностью защищать три вещи: себя самого, свою семью и своё племя. Как примат, живущий в паре на своей территории и в своей группе, он стремится к этому, причём стремится изо всех сил. Если он,

его семья или его племя сталкиваются с угрозой насилия, для него будет более чем естественно ответить насилием встречным. Пока есть шанс отразить атаку, его биологическим долгом будет сделать это любыми доступными средствами. Со многими другими животными происходит то же самое, но в естественных условиях реальная угроза физического насилия возникает гораздо реже, — как правило, всё заканчивается лишь обменом взаимными угрозами. Как показывает история, поистине воинственные виды в какой-то момент уничтожили друг друга и вымерли — урок, которым нам не следует пренебрегать.

Всё это выглядит достаточно очевидным, но несколько последних тысячелетий человеческой истории чересчур отяготили наше эволюционное наследие. Человек по-прежнему остался человеком, семья по-прежнему осталась семьёй, но племя уже больше не является племенем, оно превратилось в суперплемя. Если мы хотим понять невероятную жестокость наших национальных, идеологических и расовых конфликтов, нам следует ещё раз изучить природу этих суперплеменных условий. Мы уже рассмотрели некоторые напряжённые моменты, существующие внутри суперплемени, — моменты, связанные с агрессией в борьбе за статус. Теперь нам следует рассмотреть, каким образом суперплемя создаёт и усиливает напряжённые отношения с различными группами, существующими вне его.

Это история о "сгущении красок". Первый важный шаг был сделан, когда мы обосновались в постоянных жилищах. У нас появилось нечто совершенно определённое, что можно было защищать. Наши ближайшие родственники (обезьяны) обычно собираются в стаи и ведут кочевой образ жизни. Каждая стая держится в пределах своих мест обитания, но постоянно передвигается с одного участка на другой. Если две группы встречаются, они начинают угрожать друг-другу, но дальше этого дело обычно не идёт: они просто расходятся и продолжают заниматься своим делом. Как только привязанность первобытного человека к определённой территории стала сильнее, пришлось укреплять систему защиты, но тогда земли было так много, а людей так мало, что места всем хватало с лихвой. Даже когда племена стали больше, оружие всё ещё было грубым и примитивным. В конфликтах гораздо чаще принимали личное участие сами лидеры. (О, если бы только современные лидеры были вынуждены находиться на передовой, насколько более осмотрительными и «человечными» были бы они при принятии решений! Возможно, не будет циничным предположить, что именно поэтому они готовы к ведению «мелких» войн, но боятся вступать в широкомасштабную ядерную: в результате применения ядерного оружия они оказались бы "на линии фронта". Возможно, вместо того чтобы бороться за ядерное разоружение, нам следует требовать разрушения глубоких железобетонных бункеров, построенных ими для собственной защиты.)

Как только фермер превратился в горожанина, был сделан ещё один важный шаг в сторону более ожесточённого конфликта. Образовавшееся разделение на рабочих и специалистов означало, что можно выделить одну категорию населения, которая бы всё своё время посвятила убийству, — были сформированы вооружённые силы. По мере роста городских суперплемен всё стало развиваться гораздо стремительнее. Социальный рост стал настолько быстрым, что его развитие в одной области мешало его прогрессу в другой. На смену более стабильному племенному балансу пришла серьёзная нестабильность суперплеменных несоответствий. По мере того, как цивилизации расцветали и развивались, они часто обнаруживали, что сталкиваются не с равными соперниками, которые могли бы

заставить их глубоко задуматься, прежде чем вступить в сделку или начать торговлю, а с более слабыми, менее развитыми группами, которые можно было завоевать без особого труда. Листая страницы истории, можно увидеть печальные события: изобилие и нищета, развитие и последующий упадок, за которым следует ещё большее развитие и больший упадок. Безусловно, были и другие моменты, так как столкновения цивилизаций иногда приводили к обмену знаниями и распространению новых идей. Лемех плуга мог бы превратиться в меч, но стимул к поиску более совершенного оружия в конце концов привёл к созданию ещё лучших орудий труда; правда, заплатить за это пришлось дорого.

По мере увеличения суперплемён становилось всё труднее управлять населением, росло напряжение, связанное с перенаселением, и всё сильнее становились разочарования от погони за суперстатусом. Всё большее количество сдерживаемой агрессии искало выхода, а межгрупповой конфликт предоставлял для этого массу возможностей.

Из вышесказанного следует, что вступление в войну даёт современному лидеру массу преимуществ, о которых лидер каменного века даже не догадывался. Прежде всего, сам он быть раненым и истечь кровью не рискует. К тому же те, кого он посылает на смерть, ему совершенно чужие: они профессионалы, а всё остальное общество может продолжать жить обычной жизнью. Смутьяны, страждущие битвы из-за оказываемого на них суперплеменного давления, могут получить возможность участвовать в ней, не направляя при этом свою агрессию на само суперплемя. Кроме того, наличие внешнего врага, такого злодея, может сделать лидера героем, объединить людей и заставить их забыть мелкие ссоры, которые доставляли ему столько неприятностей.

Было бы наивно полагать, что лидеры настолько суперчеловечны, что эти факторы на них никак не влияют. Тем не менее, основным фактором остаётся желание добиться межплеменного статуса лидера или его улучшить. Упомянутый мною ранее незапланированный прогресс других суперплемён, безусловно, является самой большой проблемой. Если, благодаря своим природным ресурсам или изобретательности, одно суперплемя оказывается впереди другого, обязательно возникнет проблема. Более развитая группа тем или иным способом будет стараться повлиять на менее развитую, а менее развитая, в свою очередь, попытается тем или иным способом этому противостоять. Более развитая группа по своей природе стремится к дальнейшему продвижению, и поэтому она просто не в состоянии оставить всё как есть и заниматься своим делом. Она пытается оказывать влияние на другие группы, устанавливая над ними господство или оказывая им «помощь». Пока она не добьётся того, чтобы в результате её господства соперники утратили свою индивидуальность и полностью растворились в суперплемени (что зачастую является невозможным с географической точки зрения), ситуация будет нестабильной. Если более развитое суперплемя помогает другим группам и делает их сильнее, но формирует их по своему образу и подобию, придёт день, когда они станут достаточно сильны для того, чтобы восстать и оказать суперплемени сопротивление с помощью его же собственного оружия и его жеметодами.

Пока всё это происходит, лидеры других могущественных и развитых суперплемён будут с тревогой следить за тем, чтобы экспансия не была слишком успешной. Если же это всё-таки произойдёт, они рискуют лишиться своего межгруппового статуса.

Всё это делается под удивительно прозрачным но всё же очень прочным идеологическим покровом. При чтении официальных документов никому даже не придёт в голову, что након были поставлены самолюбие и статус лидеров. Всегда кажется, что это

вопрос идеологии, моральных принципов, социальной философии или религиозных верований, но для солдата, в оцепенении уставившегося на свои оторванные ноги или держащего в руках собственные кишки, это означает лишь одно — потерянную жизнь. Почему было так легко поставить его в такое положение? Причина в том, что он — животное не только потенциально агрессивное, но ещё и чрезвычайно коллективное. Все разговоры о защите принципов суперплемени трогают его лишь потому, что это вопрос оказания помощи его друзьям. Под влиянием ужасов войны, а также прямой и реальной угрозы, исходящей извне, его связь с соратниками стала ещё сильнее. Он убивал, скорее, чтобы не подвести их, чем по какой-либо другой причине. Древние племенные устои преданности были настолько сильны, что, когда настал решающий момент, другого выбора у него не было. Учитывая давление суперплемени, глобальную перенаселённость и разницу в развитии различных суперплемён, надежды на то, что наши дети забудут, что такое война, когда вырастут, практически не остаётся. Человек давно превзошёл примата, но его биологические качества недостаточны для того, чтобы совладать с небиологической средой, созданной им же самим. Теперь ситуацию можно спасти, только ограничив научно-технический прогресс. Признаки этого видны повсюду, но они исчезают в одном месте так же быстро, как появляются в другом. Кроме того, наш вид настолько неунывающий, мы, кажется, обладаем такой противоударной силой и так способны компенсировать потери, что даже не пытаемся извлечь пользу из жестоких уроков. Крупнейшие и наиболее кровопролитные войны из тех, что когда-либо происходили, в долгосрочной перспективе оказались лишь небольшими изгибами на кривой роста населения, стремящейся вверх. Вернее, на кривой уровня рождаемости всегда появляется "послевоенный горб", человечество возрождается, подобно изуродованному червяку, и быстро «ползёт» дальше.

Что делает индивида одним из «них», кого следует уничтожать как паразита, а не одного из «нас», кого следует защищать как нежно любимого брата? Что делает «его» членом группы чужой, а нас держит в группе своей? Как мы узнаём "их"?

Безусловно, всё упрощается, если «они» принадлежат к абсолютно обособленному суперплемени со странными обычаями, внешностью и языком. Всё, связанное с «ними», так сильно отличается от всего «нашего», что можно, до крайности всё упростив, считать всех их злодеями, несущими угрозу. Связующие силы, помогающие группе держаться вместе, подобно организованному сообществу, одновременно способствуют тому, что они отдаляются от нас и, в силу своей необычности, воспринимаются как нечто, несущее угрозу.

На такие группы наша враждебность в основном и нацелена. Предположим, что мы атаковали их и разбили, — что тогда? А если мы вообще не осмелимся напасть на них? Предположим, что в данный момент с другими суперплеменами мы поддерживаем отношения мирные. Что же произойдёт теперь с нашей внутригрупповой агрессией? Если нам повезёт, мы сможем сохранить мир и продолжить эффективную и созидательную деятельность внутри своей группы. Внутренние связующие силы, даже при отсутствии угрозы извне, могут быть достаточно сильны для того, чтобы держать нас вместе, но стрессы суперплемени никуда не денутся, и если внутренняя борьба за превосходство ведётся слишком беспощадно, а ближайшие подчинённые страдают от чрезмерного давления и нищеты, то очень скоро всё затрещит по швам. Если подгруппы, неизбежно образующиеся внутри суперплемени, перестают ощущать своё равноправие, их обычно здоровое соперничество перерастёт в насилие. Сдерживаемая агрессия подгрупп, если не сможет объединиться для нападения на общего внешнего врага, найдёт выход в форме бунтов,

экстремизма и восстаний.

В истории подобных примеров существует масса. Когда Римская Империя подчинила себе весь мир, спокойствие внутри неё было нарушено серией гражданских войн и кровопролитий. Когда Испания перестала быть державой-завоевательницей, организовывавшей экспедиции для создания своих колоний, произошло то же самое. К сожалению, между внешними войнами и внутренней борьбой существует обратная зависимость. Смысл этого достаточно ясен: в обоих случаях сдерживаемая агрессия пытается найти выход. Только благодаря тщательно разработанной суперплеменной структуре можно избежать и того, и другого одновременно.

Было очень просто узнать «их», когда они принадлежали к абсолютно другой культуре, но как же это сделать, когда «они» принадлежат к нашей собственной? Язык, обычаи и внешний облик своих «их» не выглядят странными, а как раз наоборот — очень знакомы, так что грубое навешивание ярлыков всем подряд становится уже проблематичным, но сделать это всё же можно. Одна подгруппа вовсе не обязательно должна казаться другой подгруппе странной, но она выглядит по-другому, и зачастую этого бывает достаточно.

Представители различных классов, различных сфер деятельности или различных возрастных групп — все они предполагают наличие собственных характерных особенностей в речи, одежде и поведении. Каждая подгруппа вырабатывает свой акцент или сленг. Манера одеваться также сильно отличается, и когда между подгруппами появляется (или вот-вот появится) некоторая враждебность, контраст в одежде становится ещё разительнее, она начинает походить на униформу. Разумеется, в случае полномасштабной гражданской войны одежда действительно превращается в униформу, но даже в более мелких конфликтах появление псевдвоенных элементов (например, нарукавные повязки, значки и даже кресты и эмблемы) становится вполне типичным, а в агрессивно настроенных тайных сообществах они широко распространены всегда.

Эти и другие похожие элементы служат для усиления уникальности подгрупп, но в то же время они позволяют другим группам, входящим в суперплемя, с лёгкостью распознавать таких индивидов и причислять их к «ним» всех без разбору. Но все эти элементы носят лишь характер временный: значки можно снять после того, как беда миновала, а те, кто их носил, могут быстро смешаться с основной массой населения. Даже самая жестокая вражда может угаснуть и забыться, но если подгруппа чем-то отличается физически, всё может сложиться совсем иначе. Если, скажем, у её членов тёмная или желтоватая кожа, курчавые волосы или раскосые глаза, то это те знаки, «снять» которые невозможно, как бы миролюбиво их обладатели ни были настроены. Если они в меньшинстве, к ним автоматически будут относиться как к подгруппе, активно ведущей себя как «они». Впрочем, никакой разницы не будет, даже если они будут вести себя крайне пассивно. Бесчисленные сеансы выпрямления волос и пластические операции по изменению формы глаз и цвета кожи не приводят ни к каким результатам и как послание "мы не выделяем себя намеренно и не несём никакой угрозы" не воспринимаются вовсе. Слишком уж много подозрений вызывают оставшиеся отличительные физические особенности.

Безусловно, другая часть суперплемена прекрасно понимает, что эти физические «знаки» сами по себе никакого злого умысла не таят, но в реакции на них хоть каплю этого понимания разглядеть трудно. Это глубоко укоренившаяся внутригрупповая реакция, и когда сдерживаемая агрессия ищет цель, ей сразу же подворачиваются носители физических «знаков», будто специально созданные для того, чтобы быть "козлами отпущения".

Порочный круг продолжает замыкаться. Если к носителям физических отличительных признаков, несмотря на их абсолютную невиновность, относиться как к враждебной группе, они очень скоро именно так и начнут себя вести. Социологи называют подобное явление "самоисполняющимся пророчеством". Позвольте, воспользовавшись выдуманным примером, проиллюстрировать это. Вот этапы происходящего:

1. Посмотрите на этого человека с зелёными волосами, бьющего ребёнка.
2. Этот человек с зелёными волосами — злой.
3. Все люди с зелёными волосами — злые.
4. Человек с зелёными волосами может напасть на кого угодно.
5. Вот другой человек с зелёными волосами — ударь его, прежде чем он ударит тебя. (Человек с зелёными волосами, не сделавший ничего, что могло бы вызвать агрессию, наносит ответный удар в целях самообороны.)
6. И вот уже вы готовы подтвердить: все люди с зелёными волосами — злые.
7. Бейте всех людей с зелёными волосами!

Подобный пример насилия кажется отвратительным, когда выражен в столь примитивной форме. Разумеется, он отвратителен, но всё же демонстрирует вполне реальный образ мыслей. Даже идиот может понять абсурдность перечисленных мною семи этапов формирования групповой предубеждённости, но их существованию это вовсе не мешает.

После того как людей с зелёными волосами довольно долго избивают без всяких причин, не стоит удивляться тому, что они становятся злыми, — это вполне естественно. Изначально ложное пророчество сбылось, став реальностью.

Это лишь простой рассказ о том, как чужая группа становится объектом ненависти. У этой истории две морали: не красьте волосы в зелёный цвет, а если вы всё же это делаете, убедитесь в том, что вы близко знакомы с теми, у кого волосы не зелёные, для того чтобы они поняли, что на самом деле никакой злобы в вас нет. Дело в том, что, если бы у обычного человека, избивающего ребёнка, никаких особых отличительных черт не было, к нему относились бы просто как к индивиду, и это не дало бы повода для опасных обобщений. Тем не менее, как только акт насилия совершён, надежду на предотвращение дальнейшего распространения внутригрупповой враждебности следует искать в личном взаимодействии и в отношении к другим индивидам с зелёными волосами как к обычным индивидам. Если этого не произойдёт, внутригрупповая враждебность станет ещё сильнее и индивиды с зелёными волосами (даже те из них, кто вообще не склонен к насилию) почувствуют необходимость держаться вместе (даже жить вместе), чтобы защищать друг-друга. Как только это произойдёт, можно считать, что настоящее насилие уже стоит на пороге. Члены этих двух групп будут всё меньше и меньше общаться между собой и очень скоро станут вести себя так, как будто принадлежат к двум различным племенам. Люди с зелёными волосами вскоре начнут заявлять о том, что гордятся своими зелёными волосами, в то время как на самом деле это никогда не имело для них ни малейшего значения, пока не стало восприниматься как некий особый сигнал.

Этот сигнал был столь сильным потому, что слишком бросался в глаза. Он не имел ничего общего с истинными личностными качествами, а был лишь случайным признаком. Ни одна внешняя группа никогда не состояла из людей, у которых, например, первая группа крови, несмотря на то что, подобно цвету кожи или типу волос, это является отличительным и генетически контролируемым фактором. Причина этого довольно проста: просто

посмотрев на человека, определить, какая у него группа крови, невозможно. Таким образом, если известно, что у человека, избивающего ребёнка, первая группа крови, враждебно относиться ко всем, у кого она такая же, довольно трудно.

Это кажется вполне очевидным, и всё же существует целый ряд не поддающихся никакой логике причин внутренней/внешней групповой ненависти, которые мы обычно называем "расовой нетерпимостью". Многим очень сложно понять, что в реальности этот феномен не имеет ничего общего с существенными расовыми различиями в характере, интеллекте или эмоциональной сфере (наличие которых так до сих пор и не доказано), а связан лишь с небольшими (и в настоящее время ровно ничего не значащими) различиями во внешних расовых «знаках». Ребёнок с белой или желтоватой кожей, воспитанный в чернокожем суперплемени и обладающий равными возможностями с чернокожими детьми, вне всяких сомнений, вёл бы себя так же, как и все остальные дети суперплемени, — но может быть и по-другому. Если всё оказывается иначе, то только в результате того, что детям, вероятно, не были предоставлены равные возможности. Для того чтобы понять это, нам следует вкратце коснуться того, как различные расы появились на свет.

Прежде всего, стоит заметить, что уже само слово «раса» не совсем удачно и им слишком злоупотребляют. Мы говорим о "человеческой расе", "белой расе" и "британской расе", подразумевая соответственно людей как вид, белых людей как подвид и британцев как суперплемя. В зоологии вид — это популяция животных, которые свободно размножаются в результате контакта между собой, но не могут размножаться, контактируя с популяциями другими, или просто с ними не контактируют. По мере распространения вида на всё более обширной территории он, как правило, начинает делиться на несколько подвидов. Если эти подвиды намеренно заставить жить вместе, они по-прежнему будут свободно размножаться в результате контакта друг с другом и могут снова стать одним большим видом, но, как правило, этого не происходит. Климатические и другие различия регионов обитания различных подвидов влияют на их окрас, форму и размер. Например, группа, обитающая в регионе с холодными климатическими условиями, может стать более тяжеловесной и низкорослой; другая, живущая в лесных областях, может приобрести пятнистый окрас, позволяющий сливаться с окружающей средой. Физические различия делают подвиды настолько гармонизирующими со средой обитания, что каждый из них лучше всего чувствует себя именно в своём регионе. На границе этих регионов подвиды отличаются друг от друга несильно, их различия постепенно стираются. Если с течением времени различия между ними всё более усиливаются, они могут прекратить контакты с особями другого вида и тогда быстро перестают походить друг на друга. Если впоследствии они всё же встретятся, то на контакт уже не пойдут, — к тому моменту они станут двумя отдельными видами.

По мере распространения человека как вида по всему земному шару у него, как и у любого другого животного, стали формироваться подвиды, обладающие некоторыми отличительными особенностями. Особенно преуспели в этом три подвида: европеоидная (белая) группа, негроидная (чёрная) группа и монголоидная (жёлтая) группа. Двум же другим повезло гораздо меньше, и в настоящий момент они существуют в очень малом количестве, словно тени былого величия. К таким группам относятся австралоиды — аборигены Австралии и их сородичи, а также капоиды — южноафриканские бушмены. Эти два подвида, некогда населявшие гораздо более обширные территории (было время, когда бушменам принадлежала большая часть Африки), были истреблены практически повсеместно. Недавнее исследование численности этих пяти подвидов показало следующее:

Европеоидная группа 1 757 миллионов
Монголоидная группа 1 171 миллион
Негроидная группа 216 миллионов
Австралоиды 13 миллионов
Капоиды 126 тысяч

Если население всего земного шара насчитывает 3 миллиарда человек, то белый подвид стоит в нём на первом месте и составляет 55 %, жёлтый подвид наступает ему на пятки — 37 %, а негроидный подвид крепко удерживает свои 7 %. Две же вымирающие группы (вместе взятые) составляют менее 0,5 % от общего населения.

Очевидно, что эти цифры лишь примерные, но они позволяют представить общую картину. Они не могут быть точными, так как (я говорил об этом ранее) одной из характерных черт подвида является его способность к смешению со своими соседями на границе мест обитания. В случае с людьми дополнительная трудность возникла в результате того, что они получили возможность более свободного передвижения. Отдельные подвиды так усиленно мигрировали и перемещались, что во многих регионах начало происходить дальнейшее смешение. И, несмотря на внутреннюю/внешнюю групповую вражду и массовые убийства, это происходит, так как различные подвиды, вне всяких сомнений, способны к совместному размножению ещё не утратили.

Если бы различные подвиды людей существовали в отдельных географических зонах долгое время, вполне вероятно, что они стали бы совершенно разными видами, каждый из которых физически приспособился бы к определённым климатическим условиям и условиям окружающей среды. Так на самом деле и было, но крайне эффективный технический контроль человека над физическими компонентами природы, а также его особая мобильность превратили этот процесс эволюции в полный абсурд. С холодом борются всеми доступными средствами, начиная от одежды и костров и заканчивая центральным отоплением. С жарой удаётся справляться при помощи холодильников и кондиционеров. К примеру, тот факт, что у негра больше охлаждающих потовых желёз, чем у европейца, с необходимостью адаптации не связывают уже практически никак.

Когда-нибудь различия между подвидами ("отличительные расовые черты") неизбежно перемешаются и сотрутся. Наши потомки будут в растерянности рассматривать старые фотографии своих необычных предков. К сожалению, из-за неразумного отношения к таким особенностям как к неким признакам враждебности для этого должно пройти очень много времени. Этот важный и, безусловно, неизбежный процесс смешения можно было бы ускорить, добившись всеобщего соблюдения некоего нового закона, запрещающего иметь потомство от члена своего подвида, но так как это ситуация, всего лишь воображаемая, решение следует искать в более рациональном подходе к тому, что до сих пор причислялось лишь к разряду эмоций. Неверное отношение к эмоциям можно легко опровергнуть, обратившись к невероятно иррациональным поступкам, которые совершались так часто. Достаточно привести лишь один пример: влияние на Америку торговли рабами-неграми.

С XVI по XIX век большая часть из 15 миллионов негров была захвачена в Африке и переправлена на американский континент в качестве рабов. В самом рабстве ничего нового не было, но его масштабы и тот факт, что труд рабов использовался суперплеменами, исповедующими христианство, придавал ему некий необычный оттенок. Такое положение

дел требовало особого образа мышления, который мог являться лишь результатом реакции на физические различия между подвидами. Это становилось возможным только потому, что к африканским неграм, в сущности, относились как к новой разновидности домашних животных.

Сначала всё было по-другому. Первые путешественники, попавшие в Африку, были поражены богатством и устройством негрского государства. Там были большие города, системы образования и администрирования, а богатство так и бросалось в глаза. Сегодня в это почти невозможно поверить. К тому же в прессе постоянно появляются пропагандистские фотографии голых дикарей — жестоких и хладнокровных убийц. О великолепных бронзовых изделиях из Бенина, как правило, забывают, как и вообще о многих достижениях негрской цивилизации.

Давайте посмотрим на один из древних городов в Западной Африке глазами голландского путешественника, побывавшего там более трёх с половиной веков назад. Он писал: "Город кажется огромным. Войдя в него, вы попадаете на длинную широкую улицу... в семь или восемь раз шире главной улицы Амстердама. От неё в разные стороны отходит множество других улиц... Дома в городе стоят строго друг за другом, как дома в Голландии... Королевский двор очень велик, его строгая планировка охватывает множество строений..." Вряд ли это похоже на деревню с глиняными хижинами. Да и обитатели этих древних западноафриканских городов мало похожи на кровожадных, размахивающих копьями дикарей. В середине XIV века один искушённый путешественник отметил здешнюю свободу передвижения, а также постоянное наличие пищи и хорошего места для ночлега. Вот что он сообщает: "В их стране чувствуешь себя в абсолютной безопасности. Путешественник ты или местный житель — тебе не надо бояться грабителей или убийц."

Когда времена первых путешествий в Африку прошли, последующие контакты быстро переросли в коммерческую эксплуатацию. Как только на «дикарей» стали нападать, грабить их, захватывать и вывозить в другие страны, их цивилизации пришёл конец. Остатки их разрушенного мира всё больше стали походить на нечто варварское, неорганизованное, и в отсталой природе негрской культуры уже никто не сомневался. Тот факт, что эта культурная отсталость была изначально вызвана жестокостью и жадностью белых, удобно замалчивался. Вместо этого христианское сознание с лёгкостью признало, что чёрная кожа и другие физические различия являются внешними признаками умственной отсталости. После этого говорить о том, что эта культура отсталая лишь потому, что негры являются умственно отсталой расой, стало проще. Если бы это действительно было так, эксплуатация никоим образом не ассоциировалась бы с деградацией, так как эта «порода» уже изначально находилась в состоянии упадка. Как только нашлось «доказательство» того, что негры почти ничем не лучше животных, христианское сознание смогло расслабиться.

Теории эволюции Дарвина ещё не существовало. Были две группы христиан, придерживавшихся противоположных взглядов на негроидную расу: моногенисты и полигенисты. Моногенисты считали, что все люди произошли от одного предка, но негры давным-давно пережили серьёзный упадок (в физическом и моральном смысле), а значит, предназначены для рабства. В середине XIX века один американский священник достаточно ясно выразил подобную точку зрения: "Негр является особым и в настоящий момент плотно закрепившимся подвигом, таким же, как многочисленные разновидности домашних животных. Негр навсегда останется тем, кто он есть, если только его внешний вид не изменится в результате смещения, сама мысль о чём уже отвратительна; его умственные

способности ниже, чем у европейцев, и, следовательно, всё, что мы о нём знаем, свидетельствует о том, что он не может жить самостоятельно. Он был помещён под нашу защиту. Обоснование рабства приводится в Священном Писании... Оно определяет обязанности хозяев и рабов... Мы можем уверенно защищать устройство нашего общества, опираясь на слово Божие."

Это утверждение, высказанное через несколько веков после начала эксплуатации, позволяет понять, насколько первоначальный опыт знакомства с древней цивилизацией африканских негров тщательно замалчивался. Если бы его не замалчивали, ложность утверждения, что негр не способен жить самостоятельно, стала бы очевидна, и тогда все эти аргументы, все доказательства нестоили бы ровным счётом ничего.

Полигенисты придерживались взглядов противоположных. Они считали, что каждая раса была создана отдельно и наделена различными качествами, что каждая из них имеет свои сильные и слабые стороны. Некоторые полигенисты придерживались мнения, что в мире существует 15 различных видов людей. Они высказывались в защиту негров: "В теории полигенистов менее развитым расам человечества отводится более почётное место, чем в противоположной теории. Обладание меньшим интеллектом, силой или красотой, чем у другого человека, вовсе не является чем-то унижительным. Напротив, человек может испытывать чувство стыда за то, что подвергся физической или моральной деградации, опустился на самый низ шкалы живых существ и утратил своё место в мироздании."

Оба эти высказывания относятся к середине XIX века. Несмотря на различие взглядов, подход полигенистов всё равно автоматически придерживается идеи расового неравенства, так что негры в любом случае были обречены.

Даже после того, как рабы в Америке официально получили свободу, отношение к ним во многом осталось прежним, и это так или иначе проявлялось. Если бы негры не были обременены физическими внешнегрупповыми «знаками», они бы очень быстро стали частью нового суперплемени, но их внешность отделила их, и старые предубеждения продолжали существовать. Изначальная ложь, что их культура всегда была отсталой и что, следовательно, они были отсталыми, по-прежнему таилась в сознании белых людей. Она оказывала влияние на их поведение и способствовала ухудшению взаимоотношений. Она повлияла даже на наиболее разумных, а значит, и лишённых предрассудков людей. Она продолжала способствовать всё нарастающему возмущению, которое теперь было подкреплено ещё и официальной социальной свободой. Последствия были неизбежны. Поскольку отсталость американского негра была всего лишь мифом, искажением истории, то, как только цепи были сняты, негр перестал притворяться отсталым и стал вести себя совершенно естественно: он взбунтовался, он потребовал равноправия не только официального, но и реального. Его усилия вызвали ужасно неразумную и жестокую реакцию: настоящие цепи были заменены на невидимые, на него обрушились сегрегация, дискриминация и социальная деградация. Первые реформаторы предвидели это и в какой-то момент в XIX веке настойчиво предлагали "щедро вознаградить" всё негрское население Америки за причинённые неприятности и отправить обратно в родную Африку. Но репатриация вряд ли вернула бы неграм их некогда цивилизованное общество с развитыми условиями жизни — всё было давным-давно уничтожено. Пути назад не было. Негры остались и попытались получить то, что должны были получить, но после многочисленных тщетных попыток они начали терять терпение, и в течение последних 50 лет их бунты не только продолжались, но и усиливались. Численность негров увеличилась до 20 миллионов.

Они стали силой, с которой необходимо считаться, и сейчас негрские экстремисты борются уже не просто за равноправие, а за превосходство чёрной расы. Вторая гражданская война в Америке кажется неизбежной...

Мыслящие белые американцы отчаянно борются со своими предрассудками, но то, что вбито в голову в детстве, забыть трудно. Постепенно стал появляться новый коварный вид предубеждений о необходимости компенсации. Чувство вины способствует возникновению чрезмерного дружелюбия и готовности помочь, что создаёт не менее лживое отношение, чем то, которое было до этого. Оно по-прежнему не позволяет относиться к негру как к личности, на него по-прежнему смотрят как на члена чужой группы. Эта ошибка была точно подмечена одним темнокожим американским артистом эстрады, который, после того как белая аудитория слишком рьяно ему аплодировала, сказал, что сидящие в зале люди чувствовали бы себя довольно глупо, если бы оказалось, что он — загримированный белый.

До тех пор пока, одни подвиды людей не перестанут считать, что физические различия свидетельствуют о некоторых различиях умственных, до тех пор, пока они не перестанут считать, что цвет кожи указывает на принадлежность к враждебно настроенной группе, бессмысленным и никому не нужным кровопролитиям не будет конца. Я не говорю о создании всемирного братства людей — это наивная и утопическая мечта. Человек живёт племенем, и крупнейшие суперплемена всегда будут конкурировать друг с другом. В хорошо организованных обществах эта борьба примет форму здорового стимулирующего соревнования, активной торговли и спортивных состязаний, способствующих развитию общества. Природная агрессивность людей не станет чрезмерной, она будет проявляться в отстаивании своих прав, и только тогда, когда давление станет слишком сильным, она перерастёт в насилие.

Какой бы ни была агрессия — позитивной или негативной, — обычные (нерасовые) внутренние и внешние группы так или иначе столкнутся друг с другом, и произойдёт это не по чистой случайности. Но для индивида, который вдруг обнаруживает, что из-за своего цвета кожи он навсегда причислен к какой-то определённой группе, эта ситуация будет совсем другой. Он не может самостоятельно решать, к какому подвиду ему относиться. С ним обращаются так, как будто он стал членом некоего клуба или попал в армию. Как я уже сказал, ему остаётся надеяться только на то, что благодаря усиливающемуся всемирному смешению подвидов, некогда друг от друга географически отделённых, их отличительные черты начнут стираться и, в конце концов, исчезнут вообще. Но пока этого не произойдёт, бесконечная потребность во внешних группах, на которые можно обратить внутригрупповую агрессию, будет существовать и способствовать вражде различных подвидов. Наши эмоции не позволяют избавиться от разграничений, помочь нам могут только логика и разум.

В качестве примера я выбрал проблему американских негров. К сожалению, в ней нет ничего необычного. С тех пор, как человек стал чрезвычайно мобилен, подобное происходит во всём мире. Множество абсурдных вещей случается даже там, где явных отличий, способных разжечь огонь вражды, нет. Всегда существует ошибочное мнение, будто член другой группы должен обладать определёнными унаследованными особенностями, типичными для его группы. Если он носит другую форму, говорит на другом языке или принадлежит к другой вере, подразумевается, что и его личностные качества биологически отличаются. Считается, что "немцы крайне методичны", "итальянцы слишком эмоциональны", "американцы экспансивны и лишены духовных интересов", "англичане чопорны и склонны к уединению", "китайцы загадочны и непонятны", "испанцы горды и

заносчивы", "шведы вежливы и спокойны", "французы раздражительны илюбят поспорить" и так далее.

Даже в качестве поверхностной оценки приобретённых национальных особенностей эти обобщения слишком упрощены, но в реальности многие считают их врождёнными качествами чужих групп. Люди верят в то, что в определённом смысле «племена» приобрели свои отличительные признаки в результате генетических изменений, но всё свидетельствует лишь о внутригрупповой тенденции принятия желаемого за действительное. Более двух тысяч лет назад Конфуций очень верно подметил: "Природа нас друг с другом сближает, привычка же отделяет". Но привычки, являясь всего лишь культурными традициями, могут меняться, а значит, внутри группы всегда существует желание найти нечто более постоянное, более основательное, что позволит отделить «их» от «нас». Наш вид достаточно изобретателен, и, если мы не можем найти таких различий, мы быстро их придумываем. С поразительным апломбом мы беспечно не обращаем внимания на то, что практически все нации, упомянутые мною выше, являются результатом неоднократного скрещивания целого ряда ранее существовавших подгрупп, — но логике здесь не место.

Весь человеческий род имеет множество общих моделей поведения, у каждого человека есть много сходства с любым другим. Как ни парадоксально, но схожей является и тенденция к формированию отдельных внутренних групп, и желание отличаться от членов групп других. Это чувство чрезвычайно сильное, но всё же биологические признаки превосходят всё остальное, и, чем скорее их право на существование будет признано, тем больше шансов у нас стать терпимее к внутригрупповым отношениям.

Ещё одной нашей биологической характеристикой, как я уже говорил ранее, является изобретательность. Мы постоянно испытываем необходимость в поиске новых способов самовыражения, и эти способы в различные эпохи у различных групп отличаются. Но всё это лишь внешние качества, которые так же легко приобрести, как и потерять. Они могут появиться и исчезнуть ещё до того, как одно поколение сменится другим, в то время, как процесс эволюции и формирования основных биологических черт нового вида, подобного нашему, занимает сотни тысяч лет. Всей цивилизации всего лишь десять тысяч лет, — по большому счёту, мы немногим отличаемся от наших охотившихся предков. Мы все происходим от одного прародителя — каждый из нас, независимо от национальности; у всех нас одна и та же генетическая основа. Несмотря на разнообразие наших костюмов, мы все — лишь человекообразные обезьяны, и нам следовало бы помнить об этом и тогда, когда мы начинаем играть в наши внутригрупповые игры, и тогда, когда под сильнейшим давлением суперплеменного образа жизни эти игры выходят из-под контроля и мы уже готовы проливать кровь людей, которые, несмотря на внешность, точно такие же, как мы.

Должен признаться, меня не покидает ощущение некоторой неловкости. Причина этого очень проста: с одной стороны, я отметил, что стремление к формированию внутренних групп лишено всякой логики и иррационально; с другой стороны, я подчеркнул, что всё настолько готово к внутригрупповой вражде, что нам остаётся надеяться только на рациональный и умелый контроль. Моё стремление к рациональному контролю над тем, что не поддаётся никакой логике, может показаться чрезмерно оптимистичным. Возможно, не так уж и нелепо надеяться на то, что некое рациональное зерно как-то поможет в решении этой проблемы, но в настоящий момент возлагать все надежды только на него действительно бессмысленно. Чтобы понять, что разумная сдержанность в подобных делах практически недостижима, стоит лишь взглянуть на то, как самые умные из протестующих избивают

полицейских под плакатами, гласящими "остановите насилие", или послушать, как самые блестящие политики поддерживают войну "в целях обеспечения мира". Необходимо что-то ещё, в определённом смысле мы должны под корень обрубить все условия, которые способствуют развитию внутригруппового насилия.

Я уже достаточно подробно рассказал об этих условиях, но будет нелишним ещё раз кратко их перечислить:

1. Расширение сферы человеческого обитания.
2. Превращение племён в огромные суперплемена.
3. Изобретение оружия, способного убивать на расстоянии.
4. Отсутствие лидеров на передовой.
5. Создание специализированного класса профессиональных убийц.
6. Различный технологический уровень в группах.
7. Возросшая невыраженная агрессия ради статуса внутри групп.
8. Внутригрупповое соперничество лидеров.
9. Потеря социальной самобытности внутрисуперплемени.
10. Распространение всеобщего стремления атаковать, чтобы помочь другу.

Единственное условие, которое я намеренно не включил в этот список, — это развитие отличающихся идеологий. Мне, зоологу, рассматривающему человека как животное, говорить в данном контексте о подобных различиях со всей серьёзностью трудно. Если при оценке внутригрупповой ситуации исходить из критериев реального поведения, а не многословного теоретизирования, различия в идеологии кажутся не столь значительным по сравнению с основополагающими условиями. Они служат всего лишь старательно подобранным поводом для того, чтобы привести достаточное количество высокопарных причин в оправдание уничтожения тысяч человеческих жизней. Изучая приведённый выше список, трудно решить, с чего начать поиск средств для улучшения существующей ситуации. Кажется, что все вместе они не оставляют никаких сомнений в том, что человек будет вечно воевать с человеком.

Принимая во внимание то, что я сравнил существующее положение вещей в человеческом обществе со зверинцем, возможно, мы сможем почерпнуть нечто полезное, если заглянем в клетки зоопарка. Я уже подчёркивал, что дикие животные в естественной среде своих сородичей, как правило, не убивают. Но как же обстоят дела с видами, находящимися в неволе? Случаются ли избиения в обезьяннике, линчевания в клетках львов или ожесточённые бои в птичьих вольерах? Ответ, разумеется, с некоторыми оговорками, будет положительным. Борьба за статус между живущими в тесноте животными ведётся довольно жестоко, но каждый знает, что ситуация становится ещё хуже, когда в эти группы приходят новые члены. Возникает опасность, что на вновь прибывших ополчится вся группа и на них будут совершаться безжалостные нападки. Их будут воспринимать как внезапно вторгшихся членов враждебной внешней группы, и они практически не смогут дать отпор. Даже если они будут скромно сидеть кучкой в уголке, вместо того чтобы нарочито выставлять себя напоказ посреди клетки, их всё равно будут преследовать и подвергать насилию.

Подобное происходит не всегда. Это наиболее распространено среди животных, страдающих от слишком неестественного ограничения пространства. Если животным, уже находящимся в клетке, места хватает, они, скорее всего, будут нападать на вновь прибывших только в самом начале и прогонять их со своих излюбленных мест, но продолжать свои неуместные преследования не будут. Незнакомцам, в конце концов, разрешат занять какую-

то территорию. Если же пространство слишком ограничено, ситуация может не стабилизироваться никогда, что неизбежно приведёт к кровопролитию.

Это можно продемонстрировать на примере. Колюшки — это маленькие рыбки, охраняющие свою территорию в период размножения. Самец строит гнездо в водорослях и защищает пространство вокруг него от других самцов того же вида. Самец, находящийся в данный момент в одиночестве, является представителем "своей группы", а любой соперник, покушающийся на его территорию, — представитель "чужой группы". В естественных условиях (в реке или ручье) каждому самцу достаточно места, так что враждебные стычки с соперниками в основном ограничиваются взаимными угрозами, и до драки дело не доходит практически никогда. Если два самца хотят построить гнезда (каждый в своём конце большого аквариума, напоминающего естественную среду), они встречаются посередине и начинают друг-друга запугивать. Никакого более явного проявления насилия в этом случае не происходит. С другой стороны, если водоросли, в которых они строят гнезда, в качестве эксперимента посадить в маленькие горшки, исследователь может придвинуть эти горшки друг к другу и тем самым пространство ограничить. По мере того, как горшки постепенно сдвигаются всё ближе и ближе, угрозы обоих самцов усиливаются и, в конце концов, перерастают в сильнейшее столкновение. Самцы кусаются и отрывают друг-другу плавники, забыв о своих обязанностях по постройке гнезд, и их мир в одночасье превращается в мир насилия и жестокости. Но как только горшки с водорослями друг от друга отодвигаются, вновь воцаряется спокойствие и поле битвы сразу же превращается в арену безобидных угроз.

Вывод из этого вполне очевиден: тот факт, что небольшие племена первобытных людей разрослись до размеров суперплемён, свидетельствует о том, что, в сущности, мы ставили эксперимент с колюшками на самих себе и это привело практически к тем же результатам. Если "людскому зверинцу" и следует что-то позаимствовать у зоопарка, то этот пример — один из тех, на которые нам следует обратить особое внимание.

С точки зрения специалиста в области экологии животного мира, насильственное поведение видов, живущих в тесноте, можно рассматривать как действие защитного механизма. Жестокое отношение к индивиду можно оправдать благими намерениями по отношению ко всему виду в целом. Для каждого вида животных существует свой потолок численности. Если количество особей этот уровень превышает, наступает время для действий по уничтожению лишней популяции, после чего всё опять приходит в норму. Нелишне будет взглянуть на насилие в мире людей и с этой точки зрения.

Возможно, это звучит чересчур хладнокровно, но, с тех пор как наш вид стал слишком многочисленным, всё говорит о том, что мы изо всех сил пытаемся отыскать средства для исправления этой ситуации и сократить наше число до соответствующего биологического уровня. И эти средства не ограничиваются лишь массовыми убийствами в форме войн, восстаний, бунтов и мятежей, — наша изобретательность не знает границ. В прошлом мы придумали целый ряд самоограничивающих факторов: примитивные сообщества, впервые ощутившие свою перенаселённость, прибегали к детоубийству, жертвоприношениям, расчленению, снятию скальпов, каннибализму и ко всем разновидностям сексуальных табу. Разумеется, специально разработанной системой контроля над численностью населения всё это не являлось, и всё же эти меры помогали, хотя и не сумели остановить постоянный рост населения полностью.

По мере развития технологий жизнь человека стала более защищённой, и эти способы сокращения численности населения постепенно прекратили своё существование, но на

смену им пришли болезни, засуха и голод. Как только численность населения начинала увеличиваться, сразу же возникали новые средства самоограничения. Когда исчезли старые сексуальные запреты, появилась новая сексуальная философия, благодаря которой сократилась рождаемость; невроты и психозы стали более частыми и мешали успешному размножению; увеличилось число случаев использования противозачаточных средств, ипсациии, орального и анального секса, гомосексуальности, фетишизма и зоофилии, гарантировавших сексуальную консумацию без оплодотворения. Рабство, тюремное заключение, кастрация и добровольное воздержание также сыграли свою роль. В придачу мы ограничиваем численность населения абортами, убийствами, казнями преступников, самоубийствами, дуэлями и опасными, потенциально смертельными играми и видами спорта. Все эти меры служат для уничтожения огромного количества людей и уменьшения численности наших перенаселённых сообществ. Собранные вместе, они образуют жуткий список, и всё же последние исследования показали, что даже в комбинации с войнами и восстаниями они абсолютно неэффективны: человеческий род прошёл через это всё и стал размножаться ещё быстрее.

В течение многих лет люди упорно не хотели признать тот факт, что подобные тенденции свидетельствуют о некоем биологическом недостатке, связанном с уровнем населения. Мы всё время отказывались считать их сигналами опасности, предупреждающими нас о грядущей эволюционной катастрофе. Для запрещения всего этого и защиты права на жизнь и размножение всех людей было сделано всё возможное, а когда человеческие группы достигли невероятных размеров, мы проявили изобретательность и усовершенствовали технологии, позволяющие эти неестественные социальные условия как-то переносить.

С каждым днём (добавляющим ещё 150 000 человек к населению земного шара) бороться становится всё труднее. Если всё останется так, как есть, эта борьба вскоре станет невозможной. Несмотря на наши старания, в конце концов, появится нечто, что так или иначе численность населения сократит. Возможно, это будет усилившаяся психическая нестабильность, ведущая к необдуманному использованию оружия с неконтролируемой мощностью, а может быть, возросшее химическое загрязнение или же страшнейшее (подобное чуме) заболевание. У нас есть выбор: мы можем положиться на волю случая, а можем попытаться на ситуацию повлиять. Если мы выберем первое, нам грозит реальная опасность того, что основной фактор контроля над уровнем населения сломает все преграды, выстроенные на его пути, и начнёт действовать подобно прорыву плотины, в результате чего сотрёт с лица земли всю нашу цивилизацию. Если же мы всё-таки изберём второе, у нас есть шанс катастрофу предотвратить — но как же в этом случае выбрать правильный способ контроля?

Идея применения какого-либо конкретного средства, запрещающего рождение потомства или лишаящего жизни, абсолютно неприемлема, ибо противоречит принципам сотрудничества и поддержки. Единственной альтернативой может служить побуждение к осуществлению контроля добровольного. Безусловно, мы можем рекламировать и приукрашивать крайне опасные виды спорта и игры, мы можем популяризировать самоубийство ("Зачем ждать болезней? Умрите сейчас, не ощутив боли!") или же придумать новый, усовершенствованный культ воздержания ("Непорочность — это кайф!"), можно привлечь рекламные агентства всего мира для убедительной пропаганды и воспевания преимуществ внезапной смерти.

Но даже, если мы предпримем подобные экстраординарные (и невыгодные с биологической точки зрения) шаги, нет никакой уверенности в том, что они позволят существенно контролировать население. Сегодня наибольшее предпочтение отдаётся противозачаточным средствам и легализованным абортам (в случае нежелательной беременности). Противозачаточные средства предпочитают главным образом потому, что лучше не давать жизнь вообще, чем потом о ней заботиться. Если кому-то суждено умереть, будет лучше, если этим окажутся яйцеклетки и сперматозоиды, а не мыслящее и чувствующее существо любящее и любимое, уже ставшее неотъемлемой и полноправной частью общества. Сама природа по отношению к яйцеклеткам и сперматозоидам крайне расточительна, так как за всю свою жизнь женщина в состоянии породить около 400 яйцеклеток, а взрослый мужчина — миллионы сперматозоидов ежедневно.

Но у этого способа есть и отрицательные стороны. При занятии опасными видами спорта погибают самые отважные члены общества, а в результате самоубийств — самые взвинченные и впечатлительные; противозачаточные же средства могут погубить наиболее разумных. Для эффективного применения противозачаточных средств (на данной стадии их развития) требуются определённые умственные способности: осмысленность и самоконтроль. Женщина, такими качествами не обладающая, скорее всего, забеременеет. Если низкие умственные способности зависят от генетических факторов, эти факторы передадутся потомству, и медленно, но верно эти генетические качества распространятся на всё население в целом.

Следовательно, для эффективного действия современных противозачаточных средств требуется их скорейшее усовершенствование с точки зрения поиска менее замысловатых способов их применения, практически не требующих щепетильности и особого внимания. Наряду с этим следует активно пропагандировать противозачаточные средства и бороться с предвзятостью общественного мнения. Только тогда, когда число ежедневных зачатий уменьшится на 150 000 по сравнению с сегодняшним днём, мы сможем добиться некоторой стабильности в численности населения.

Несмотря на то, что достижение только одного этого и так крайне проблематично, мы должны быть уверены ещё и в том, что контроль усилится по всему миру, а не только в некоторых отдельно взятых регионах. Если усовершенствованные противозачаточные средства появятся не во всех регионах, они неизбежно приведут к дестабилизации и без того напряжённых межрегиональных отношений.

При обсуждении этих проблем трудно сохранять оптимизм, но представим на секунду, что их чудом удалось решить и численность населения Земли стабилизировалась, сохраняя сегодняшний уровень — примерно 3 миллиарда человек. Это значит, что если мы возьмём всю поверхность земного шара и представим, что она заселена равномерно, то уровень плотности населения будет в 500 раз превышать тот же уровень у первобытных людей. Если нам удастся остановить этот рост и разместить людей по земному шару с меньшей плотностью, нам не следует обманывать себя, думая, что таким образом мы достигнем ситуации, отдалённо напоминающей ту, в которой развивались наши первобытные предки. Нам потребуются невероятные усилия и самодисциплина, если мы хотим предотвратить жестокие социальные бунты и конфликты, но, по крайней мере, мы можем попробовать это сделать. С другой стороны, если мы пустим всё на самотёк и позволим численности населения увеличиваться, то вскоре лишимся и этого шанса.

Перед нами вырисовывается далеко не радужная перспектива, и опасность полного

уничтожения цивилизации, как мы теперь видим, с каждым днём становится всё более реальной.

Попробуем себе представить, что может случиться, если мы не решим эту проблему. Мы делаем такие огромные шаги в развитии химических и биологических военных технологий, что ядерное оружие может очень скоро превратиться в старомодную вещицу. Как только это произойдёт, ядерные устройства будут приравнены к обычным видам оружия и станут необдуманно применяться суперплеменами. (По мере увеличения числа ядерных держав "горячие точки", без сомнения, объединятся в безнадёжно запутанную "горячую сеть".) К тому моменту радиоактивное облако, образовавшееся вокруг Земли, будет нести смерть всем формам жизни в тех областях, где выпадет снег или пойдёт дождь. Выжить смогут только африканские бушмены и некоторые другие удалённые группы, живущие в центре наиболее засушливых и пустынных регионов. Ирония заключается в том, что бушмены до настоящего времени являются самой неразвитой из всех человеческих групп и всё ещё ведут охотничий образ жизни, типичный для первобытных людей. Это напоминает возврат к истокам, и как тут не вспомнить приведённый кем-то замечательный пример с божьими коровками, заселившими всю планету.

Глава 5

ИМПРИНТИНГ И ЛЖЕИМПРИНТИНГ

Жизнь в "людском зверинце" предоставляет нам широкие возможности для обучения и закрепления пройденного материала, и какими бы впечатляющими ни были достижения человека в области биологии, по части накопления опыта его мозг остаётся непревзойдённым. Эти 14 миллиардов плотно сбитых клеток способны усваивать и хранить огромный объём информации.

Изо дня в день этот механизм работает исправно, но когда во внешнем мире происходит что-нибудь экстраординарное, включается аварийная система защиты. Если она не срабатывает, в нашем суперплемени всё переворачивается с ног на голову. Происходит это по двум причинам: во-первых, "людской зверинец", в котором мы живём, пытается оградить нас от некоторых вещей. Обычно мы не убиваем дичь, а покупаем мясо; мы не смотрим на трупы, а предпочитаем накрывать их простынями или помещать в гробы. Это означает, что, если насилие всё-таки прорывается через такие защитные барьеры и мы сталкиваемся с ним лицом к лицу, воздействие на наш мозг становится сильнее обычного. Во-вторых, те виды насилия, которые через защиту всё же прорываются, настолько для нас неестественны и так болезненно отражаются на нашем восприятии действительности, что мозг просто не в состоянии справиться со столь сильными эмоциями. Этот тип "экстремального опыта" заслуживает более детального рассмотрения.

Любой, кто когда-либо попал в серьёзную автомобильную катастрофу, меня поймёт. Каждая крошечная, но неприятная подробность этой трагедии надолго врежется в память и тревожит сознание на протяжении всей жизни. Подобные потрясения случались у каждого из нас. Например, когда мне было семь лет, я чуть было не утонул, и по сей день я помню тот случай так же отчётливо, как если бы он произошёл вчера. Последствиями печального детского опыта стало то, что вот уже на протяжении тридцати лет я пытаюсь преодолеть в себе необъяснимый страх глубины. Как и все, я пережил ещё немало неприятных потрясений в детстве, но подавляющее большинство из них не оставило в моей памяти такого отпечатка, как тот день.

Полистав книгу своего жизненного опыта, мы найдём в ней события двух различных типов: одни из них — всего лишь краткий миг, но оставивший неизгладимое впечатление; другие — обычные, легко исчезающие из памяти. Если дать довольно приблизительные определения этим двум типам, то первый можно назвать "травмирующим опытом", а второй — "обычным опытом". Эффект от полученного травмирующего опыта не идёт ни в какое сравнение с событиями, в результате которых он был приобретён. Чтобы влияние обычного опыта стало ощутимым, он должен повториться много раз. Отсутствие возобновления обычного опыта приводит к угасанию впечатлений от него, в случае же опыта травмирующего такого не происходит.

Попытки каким-либо образом изменить впечатления, полученные в результате травмирующего опыта, обязательно встретят серьёзные трудности и легко могут привести к последствиям ещё худшим — обычный опыт же более податлив. Мой случай (когда я тонул) является хорошим тому примером. Чем сильнее меня пытались убедить в том, что от плавания можно получать удовольствие, тем сильнее я его ненавидел. Если бы детский опыт

не оказал такого травмирующего эффекта, я бы реагировал на подобные убеждения более позитивно и сопротивляться бы имне пытался.

Травмы не являются основной темой этой главы, но в качестве предисловия поговорить о них, может быть, полезно. Травмирующий эффект отчётливо демонстрирует, что человек, будучи животным, способен к особому типу обучения (невероятно быстрому, трудному для дальнейших усовершенствований), результаты которого остаются в памяти надолго, не требуя для поддержания уровня знаний повторных уроков. Хотелось бы, конечно, чтобы мы могли, лишь пролистав какую-нибудь книгу, усвоить всё, что в ней написано, и помнить это долгие годы, однако, если бы наша способность к обучению была настолько грандиозной, она потеряла бы всякий смысл. Всё вокруг приобрело бы одинаковую значимость, и нам просто не из чего было бы выбирать. Способность усваивать материал быстро и помнить о нём продолжительное время дана нам природой только в отношении наиболее впечатляющих моментов нашей жизни. Опыт, оставивший травмы у нас в душе, — это только одна сторона медали. Я намерен перевернуть эту медаль и изучить другую сторону, которую я называю «импринтинг» (запечатление, впечатывание в память).

Если травмы всегда ассоциируются с болью и оставляют негативный отпечаток, то импринтинг — это явление положительное. Когда животное действует согласно импринтингу, у него вырабатывается позитивная привязанность к определённой реальности. Как и травмирующий опыт, процесс запечатления краткосрочен, практически никогда не повторяется и подкрепления дальнейшими действиями не требует. У человека это видно на примере отношений между матерью и ребёнком. Подобное может повториться, когда ребёнок вырастет и влюбится в другого человека. Привязанность к своей матери, ребёнку или партнёру представляет собой одну из трёх разновидностей жизненно важного опыта, который мы приобретаем на протяжении своей жизни и который представляет собой основу для такого явления, как импринтинг. Слово «влюблённость» фактически служит общепринятым описанием эмоционального наполнения того, что мы называем импринтингом, но прежде, чем мы заглянем глубже в мир людей, не помешает бросить беглый взгляд на то, как это происходит у других видов животных.

Птенцам многих птиц после вылупления из яиц необходимо немедленно установить контакт с матерью и научиться её узнавать. Они вынуждены следовать за ней неотступно и в целях безопасности всё время находиться рядом. Если только что вылупившиеся цыплята или утята делать этого не будут, они скоро потеряются или погибнут. Они настолько активны и подвижны, что матери никогда не удалось бы удержать их вблизи себя, если бы не сила импринтинга. Запечатление является делом всего нескольких минут. Первый же большой движущийся объект, попадающий в поле зрения цыплёнка или утёнка, автоматически становится «матерью». В нормальных условиях, естественно, этим объектом оказывается настоящая мать птенцов, но в экспериментальной ситуации им может стать всё что угодно. Если первым большим движущимся объектом, который видят инкубаторские цыплята, оказывается оранжевый воздушный шар, они будут толпиться вокруг него: шар сразу же принимает статус «матери». Влияние запечатления настолько велико, что, если через несколько дней цыплятам предоставить возможность выбора между шаром и матерью настоящей (которую раньше от них скрывали), они предпочтут шар. Более убедительного доказательства существования привычек и запечатлений, чем группа инкубаторских цыплят, стремящихся укрыться "под крылом" оранжевого шара и совершенно игнорирующих при этом родную мать, нельзя представить.

Даже не прибегая к экспериментам такого рода, можно смело утверждать, что птенцам необходимо быть привязанными к родной матери по той причине, что, находясь рядом с ней, они получают определённые преимущества: мама обеспечивает их пищей, питьём, теплом и так далее; оранжевый шар таких преимуществ не даёт, хотя он и способен легко стать довольно убедительным заменителем матери. Таким образом, импринтинг не определяется стремлением к получению преимуществ, как это происходит в обычном процессе приобретения опыта, — он определяется окружением. Можно назвать этот процесс "наглядным обучением". В отличие от большинства типов обычного обучения процесс запечатления имеет критический период. Цыплята и утята способны формировать свои привычки только в течение нескольких дней после вылупления из яиц. Со временем они начинают бояться больших движущихся объектов, и если импринтинг ещё не закреплён, сформировать его будет очень трудно.

Взрослея, птенцы становятся всё более независимыми, и потребность в следовании за матерью исчезает, но влияние импринтинга, заложенного в раннем детстве, продолжает ощущаться. Они не только помнят, кто их мать, но и прекрасно осознают, к какому племени принадлежат. Став взрослыми, благодаря инстинктам они выбирают сексуального партнёра среди своих сородичей, а не пытаются искать его среди представителей другого вида.

И снова простой эксперимент поможет нам развеять все сомнения, существующие на этот счёт. Если в детстве животное росло под присмотром приёмных родителей, представляющих другой вид, то, став взрослым, оно может, вместо того чтобы искать пару среди своих собратьев, пытаться завязать сексуальные отношения с представителями вида своих приёмных родителей. Так происходит не всегда, но примеров такого поведения много. (И мы до сих пор не знаем, почему в одних случаях это происходит, а в других — нет.)

В условиях неволи такое стремление к спариванию с животными другого вида может привести к забавным ситуациям. Если дикий голубь вырос в голубятне, среди городских голубей, то, достигнув половой зрелости, он будет игнорировать других диких голубей и предпочтёт в качестве партнёра одного из своих городских сородичей. Выросший среди диких голубей городской голубь будет спариваться с дикими. И даже павлин, проведший детство в зоопарке с черепаками, настойчиво предлагает себя изумлённым рептилиям, отказываясь иметь что-либо общее с помещёнными в его клетку самками своего вида.

Я назвал это явление «лжеимпринтингом». Оно встречается повсеместно как в мире животных, так и в жизни человека. У некоторых животных, с детства от своего племени изолированных и выросших среди людей, может выработаться соответствующая реакция на человека. Нет, они не станут кусать руку кормящего — они будут пытаться с ней совокупляться. Такое поведение довольно распространено у голубей, и это вовсе не открытие. Такие случаи известны ещё с древних времён, когда римские женщины специально держали маленьких птиц, чтобы те доставляли им удовольствие. (Больше всех в этом деле преуспела Леда.) Домашние животные иногда хватают человека за ногу и пытаются с ней спариваться (это хорошо знакомо владельцам собак). Служители зоопарков тоже должны держать ухо востро, когда у их питомцев наступает брачный период. Им приходится быть готовыми к посягательствам любых животных — от любвеобильного эму до возбуждённого оленя, если эти животные с детства жили в клетке и были вскормлены человеком. Я лично, к своему изумлению, однажды стал объектом сексуального домогательства самки большой панды. Это случилось в Москве, куда я был приглашён, чтобы организовать её спаривание с единственным самцом большой панды за пределами Китая.

Она совершенно игнорировала его настойчивые ухаживания, но, когда я просунул руку сквозь решётку, чтобы её погладить, она подняла хвост и приняла позицию готовой к совокуплению самки, в то время как самец был всего в нескольких шагах от неё. Различие между этими двумя пандами состояло в том, что самка была помещена в клетку в гораздо более раннем возрасте, чем самец. Его импринтинг был сформирован в обществе таких же панд, в то время как её привычки определялись окружением человеческим.

В некоторых случаях может показаться, что «очеловеченное» животное, пытающееся удовлетворить свои сексуальные инстинкты, способно отличить мужчин от женщин, но это только видимость. Например, один индюк, ведомый лжеимпринтингом, пытался приставать к мужчинам и, наоборот, атаковал женщин. Причина этого оказалась довольно забавной: женщины были в юбках и держали в руках сумочки. Индюк же в брачный период демонстрирует своё намерение овладеть самкой, опуская крылья до земли и выставляя напоказ бородку. В глазах выросшего в клетке индюка юбка становится "опущенными крыльями", а сумочка — «бородкой». Таким образом, он видел в женщинах конкурентов и пытался их атаковать, предпочитая направлять сексуальную энергию на мужчин.

Зоопарки переполнены животными, которые, благодаря человеческой доброте, сослужившей дурную службу, были заботливо выращены и воспитаны среди людей, а затем возвращены в общество себе подобных. Но для узников зоопарков представители их вида теперь чужаки, члены какого-то другого, враждебного племени. В одном зоопарке я видел самца шимпанзе, который сидел в вольере вместе с самкой на протяжении десяти лет. Медицинские тесты показали, что в сексуальном плане самец был абсолютно здоров, но самка, до того как попала в одну клетку с ним, росла отдельно. Так как самец был животным ручным, детство которого прошло среди людей, внимания на самку он совершенно не обращал. Он никогда не садился рядом с ней, не ухаживал и не пытался заниматься сексом. С его точки зрения, она была представителем другого вида, и годы жизни рядом с ней несколько его не изменили. Подобные животные могут быть чрезвычайно агрессивными по отношению к своим собратьям, но не потому, что воспринимают их как конкурентов, а потому, что видят в них внешнего врага. В клетку к самке мангуста, прирученной и привыкшей к людям, запустили самца, пойманного в естественных условиях, в надежде, что они займутся воспроизведением потомства, но самка набросилась на него, как только он вошёл. Это привело к тому, что они, в конце концов, разошлись по разным углам клетки, так и не достигнув взаимопонимания, но для самца такая ситуация, видимо, оказалась причиной сильнейшего стресса, так как вскоре у него обнаружилась язва и он умер, а самка снова обрела единственного закадычного друга в виде себя самой. Одну тигрицу, выращенную человеком, первый раз в жизни впустили в клетку к дикому тигру. Раньше она видела его в соседнем вольере, ощущала его запах, но близко встречаться им не приходилось. На этот раз ничего как будто не изменилось, но она оказалась животным, настолько «очеловеченным», что, как только обнаружила присутствие самца, забилась в дальний угол клетки и перестала двигаться. Такое поведение является для тигрицы нетипичным, но вполне нормальным для представителей племени, к которому она привыкла (племени людей) и в окружении которого находилась с рождения. В нашем случае всё оказалось даже намного серьезнее: тигрица перестала есть и отказывалась принимать пищу в течение нескольких дней, пока самца не поместили в другую клетку. После этого потребовалось несколько недель, чтобы она вернулась в обычное состояние и вновь стала дружелюбным, жизнерадостным животным, трущимся о прутья решётки в надежде заслужить похвалу человека.

Иногда условия, в которых растёт животное, способствуют развитию у него двойственных сексуальных впечатлений. Если зверь вырос под присмотром людей, но в присутствии других представителей своего вида, он пытается завязать сексуальные отношения как с человеком, так и со своими собратьями. Лжеимпринтинг определяет только часть его привычек — он следует и импринтингу нормальному. Подобное явление — редкость для некоторых видов животных, у которых впечатление происходит быстро (например, для утят или цыплят), но млекопитающие, как правило, развиваются намного медленнее. В их жизни для зарождения двойных впечатлений есть время. Тщательные исследования поведения собак, проведённые американскими учёными, продемонстрировали это довольно наглядно. Адаптация щенков домашних собак к окружению происходит в возрасте от 20 до 60 дней. Если в течение этого периода их полностью изолировать от контакта с человеком (даже кормить удалённым способом), они вырастут практически дикими животными, однако если за щенками будут ухаживать люди (в присутствии других собак), они будут добродушно относиться и к тем, и к другим. Обезьяны, вскормленные в полной изоляции как от других обезьян, так и от любых живых существ (включая человека), привыкнуть к окружающему обществу впоследствии оказываются практически не способными. Помещённые в компанию к сексуально активным представителям их племени, они не знают, как себя вести. Большую часть времени они проводят, сидя в углу клетки и трясясь от страха перед своими сородичами. У них настолько неразвитые впечатления, что они становятся абсолютно оторванными от общества, несмотря на то, что их вид считается в животном мире одним из самых коммуникабельных. Если бы они выросли среди себе подобных обезьяньих детёнышей (пусть и без матери), они не испытывали бы таких неудобств и впитали бы в себя с детства как инстинкт стаи, так и родительский инстинкт. Оба этих инстинкта играют огромную роль в отождествлении особи со своим племенем.

Общество зверей, воспитанных на лжеимпринтинге, представляет собой странный и шокирующий мир. Лжеимпринтинг формирует физиологический гибрид, поведение которого характерно для его вида, но ориентировано на восприятие представителями вида, к которому принадлежат те, с кем он вырос. Адаптация этого гибрида к новым для него условиям стоит огромного труда. Для некоторых животных сексуальные сигналы своих сородичей оказываются достаточно сильными, а реакция на них — достаточно самопроизвольной, и они могут пойти наперекор своему ненормальному воспитанию, но для многих сила впечатления оказывается непреодолимой.

Любителям животных необходимо помнить об этом, когда они посвящают себя «приручению» детёнышей диких зверей. Сотрудников зоопарков издавна ставили в тупик непреодолимые трудности, с которыми они сталкивались при общении со многими из таких животных. Иногда причиной этого были несоответствующие условия жизни и питания узников, но чаще всего это происходило из-за лжеимпринтинга, который был сформирован у животных до прибытия в зоопарк.

В жизни человека значимость впечатлений также достаточно очевидна. В первые месяцы своей жизни ребёнок проходит через важный период привыкания к своему племени, и на этом этапе он проникается чувством глубокой и продолжительной привязанности к своим собратьям, а особенно к матери. Как и у зверей, его привязанность основана на физических преимуществах, предоставляемых матерью, таких как питание и уход, не всегда. Наглядное обучение, типичное для процесса впечатления, здесь также играет свою роль. Ребёнок не имеет возможности следовать, подобно утёнку, за своей мамой повсюду, но он

может добиться похожего результата, призвав на помощь улыбку. Улыбка ребёнка привлекает маму и побуждает её находиться рядом, играть с ним. Такие игры и улыбки помогают укрепить связь между ребёнком и его матерью. У каждого из них вырабатывается запечатлённая зависимость друг от друга, а взаимная привязанность усиливается и превращается в глубокие чувства, которые будут играть чрезвычайно важное значение на протяжении всей дальнейшей жизни ребёнка. У детей, которых хорошо кормят и за которыми соответствующим образом ухаживают, но которые лишены материнской любви в возрасте запечатлений, может развиться ощущение обеспокоенности и неудовлетворённости, которое останется у них на всю жизнь. Осиротевшие дети и те, кто вынужден жить в интернатах, где персональная забота и родительские чувства неизбежно ограничены, часто вырастают именно с этим ощущением в душе. Сильная привязанность к родителям, развившаяся в первый год жизни, позволяет человеку во взрослом возрасте проявить родительские чувства по отношению к собственным детям.

Правильные запечатления, заложенные в раннем возрасте, открывают внушительный эмоциональный "банковский счёт" ребёнка: если последующие «расходы» окажутся значительными, у него будет откуда брать «средства». Если с родительской заботой в детстве оказалось не всё в порядке (родители расстались, развелись или умерли), способность ребёнка противостоять ударам судьбы будет зависеть от степени привязанности к ним в первый год жизни. Последующие жизненные неприятности, конечно же, не пройдут бесследно, но их влияние будет несравнимо с тем, что ребёнок усвоит в первые месяцы своей жизни. Пятилетний мальчик, которого разлучили с родителями при эвакуации из Лондона во время войны, на вопрос: "Кто ты?" — ответил: "Яничейный никто". Шок оказался для него непереносимым, но запомнятся ли его последствия на долгие годы, во многом зависит от того, подтверждает ли он результаты прошлого опыта или им противоречит. Противоречия породят в душе мальчика недоумение, которое пройдёт со временем, но подтверждение полученные ранее травмы усугубит ещё больше.

Переходя к рассмотрению следующей фазы развития чувства привязанности, мы сталкиваемся с феноменом сексуальной моногамной связи. «Влюблённость» с первого взгляда", может быть, и посетит не каждого из нас, но это вовсе не говорит о том, что её не существует. Процесс зарождения чувства влюблённости обладает теми же свойствами, что и процесс импринтинга. В нём есть чувственный период (юношество), когда человек влюбляется чаще всего. Он относительно короткий, но его последствия ощущаются долгое время по сравнению со временем самого процесса, а процесс этот способен протекать даже при отсутствии видимых результатов.

Для большинства людей ранние моногамные связи, как правило, скоротечны и нестабильны. Но не следует забывать, что в период полового созревания для формирования способности завязывать серьёзные моногамные отношения требуется некоторое время. Такое замедленное достижение зрелости даёт нам возможность преодолеть переходный период, в течение которого мы, если можно так выразиться, "пробуем воду, прежде чем в неё войти". Если бы ситуация была иной, мы бы все оказались жертвами первой влюблённости. В современном обществе продолжительность естественного переходного периода благодаря чрезмерной родительской заботе искусственно увеличивается. Родители цепляются за своих отпрысков до последнего момента, когда, с биологической точки зрения, уже давно следует позволить им жить самостоятельно. Причина этого лежит на поверхности: сложные условия жизни в "людском зверинце" делают выживание четырнадцати- или пятнадцатилетних

индивидов без своих родителей невозможным. Такая несамостоятельность превращает подростков в беспомощных детей, что побуждает отцов и матерей навязывать им родительскую любовь, хотя их отпрыски являются уже сексуально созревшими личностями. Это, в свою очередь, ещё больше усугубляет инфантильность подрастающего поколения, так что процесс становления наших детей ещё более затягивается. В результате мы сталкиваемся с серьёзными проблемами и конфликтами между родителями и детьми при стремлении молодых людей к формированию новых моногамных отношений.

Родители не виноваты, что их дети оказываются неспособными позаботиться о себе, попадая в мир современного суперплемени; не виноваты и дети в том, что не могут не сигнализировать родителям о своём инфантилизме. Виновата во всём неестественная городская среда, которая требует более длительной подготовки молодых членов общества, чем это необходимо в соответствии с биологическими законами.

Несмотря на конфронтацию с процессом развития новых моногамных отношений, сексуальные запечатления быстро находят путь на поверхность. Юношеская привязанность обычно мимолётна, но она может быть и очень сильной — настолько сильной, что образ "детской влюблённости" может определять выбор партнёра в течение долгих последующих лет, независимо от целесообразности отношений с социально-экономической точки зрения. Даже если под влиянием обстоятельств эти первые отношения будут разрушены, они оставят свой след. Часто случается, что поиски сексуального партнёра взрослым, полностью независимым человеком основываются на подсознательном стремлении воссоздать некоторые из ключевых особенностей первого сексуального опыта. Неудачный результат таких поисков может оказаться скрытым фактором, способствующим разрушению удачного, на первый взгляд, брака.

Феномен неверного выбора пары определяется не только особенностями "детской влюблённости". Такое может произойти в любое время, и в большей мере это опасно для брака повторного, когда нередко происходит молчаливое (а иногда и не такое уж молчаливое!) сравнение супруга с предыдущими партнёрами. Это явление также играет важную (и подчас трагическую) роль в случае, когда родительские/детские чувства вступают в конфликт с сексуальными отношениями. Чтобы это понять, вспомним ещё раз, что значат для ребёнка родительские/детские чувства. Они воспитывают у ребёнка уверенность в трёх истинах:

- 1) у него есть свои, родные родители;
- 2) он принадлежит к определённой группе;
- 3) он должен искать себе сексуального партнёра именно среди представителей этого вида.

Первые два пункта вполне очевидны, проблемы могут возникнуть с интерпретацией третьего. Если ранние отношения с родителем противоположного пола были достаточно крепкими, некоторые из его/её личных качеств также могут отложиться в подсознании ребёнка и повлиять на его последующий выбор сексуального партнёра. Вместо того, чтобы жить с уверенностью, что "он должен искать себе сексуального партнёра среди представителей этого вида", он интерпретирует эту истину как "я должен искать сексуального партнёра среди представителей такого типа людей". Подобное влияние может создать серьёзные проблемы. Стремление к формированию моногамной пары, основанное на устоявшемся образе отца или матери, определяет особый способ выбора партнёра, который в любом случае является неверным. С другой стороны, если человек найдёт

партнёра, руководствуясь полностью противоположными суждениями, такие отношения не смогут стать полноценными, поскольку его избранник/избранница не будет обладать теми тривиальными, но ключевыми чертами характера, которыми обладает его родитель, являющийся прообразом ("Мой отец никогда бы так не поступил!" — "Но я ведь не твой отец!").

Причина этого феномена неверного выбора пары, приносящего немало неприятностей, скорее всего, кроется в неестественно изолированных условиях жизни семейной ячейки, которые так часто встречаются в переполненном "людском зверинце". Явление "чужой среди своих" отравляет атмосферу братства и социального равенства, присущую маленьким сообществам. Стремясь защитить себя, семьи стараются оградиться друг от друга, запершись каждая в своей клетке среди ровных рядов кирпичных или блочных вольеров. К несчастью, признаков изменения ситуации ненаблюдается.

Закончив с вопросом о неверном выборе пары, мы перейдём сейчас к рассмотрению другого, не менее странного отклонения в инстинктах людей — человеческого лжеимпринтинга. Здесь мы попадаем в необычный мир того, что получило название "сексуальный фетишизм". Есть небольшая по численности категория людей, для которых первый сексуальный опыт может обернуться психической травмой. Вместо того, чтобы отложить в памяти определённый образ партнёра, такие индивиды могут начать отождествлять сексуальные отношения с каким-нибудь неодушевлённым предметом, увиденным в тот момент. До сих пор неизвестно, каким образом многим из нас удаётся забыть подобные навязчивые образы, с точки зрения репродуктивной функции совершенно ненормальные. Возможно, это зависит от глубины впечатлений, полученных при первом сексуальном опыте. Как бы то ни было, это явление порождает довольнопротиворечивые суждения.

Судя по доступным историям болезни, привязанность к сексуальному фетишу чаще всего развивается тогда, когда первый сексуальный опыт имел спонтанный характер или же когда индивид не имел партнёра. Во многих случаях она может зародиться после первой эякуляции юноши, что часто случается без участия девушки и без предварительных сексуальных ласк. Некий типичный объект, который может находиться поблизости в этот момент, мгновенно приобретает огромную сексуальную значимость, не ослабевающую долгие годы. Получается, что вся сила инстинкта спаривания вдруг оказывается направленной на неодушевлённый предмет, который в мгновение ока начинает играть в сексуальных отношениях индивидаосновную роль.

Эта странная форма лжеимпринтинга вовсе не такая уж редкость, как кажется. Большинство из нас привыкло заниматься сексом с представителями противоположного пола, не думая при этом о меховых перчатках или кожаных ботинках, и мы счастливы, что не скрываем нашу сексуальную ориентацию, будучи уверенными, что все вокруг наши чувства разделяют и понимают. Но фетишист, не способный сопротивляться собственным запечатлениям, заставляющим его быть привязанным к необычным сексуальным объектам, предпочитает о своей странной привязанности помалкивать. Неодушевлённый предмет, который для него так важен, для остальных может не значить ничего, и поэтому (из боязни или от смущения) он скрывает свои чувства. Этот предмет не только ничего не значит для большинства людей, от фетишизма далёких, — он также не представляет никакой ценности для других фетишистов, каждый из которых имеет фетиш свой собственный. Меховые перчатки не возбуждают никаких чувств как у фетишиста, поклоняющегося кожаным туфлям,

так и у нефетишиста. Таким образом, фетишист остаётся наедине с собой и своим специализированным типом лжеимпринтинга.

Можно, однако, возразить, что есть такие фетиши, которые у разных фетишистов всё-таки совпадают, и происходит это довольно часто. (Особенно распространены, например, резиновые изделия.) Значение этого станет более понятным, если мы рассмотрим несколько специфических случаев фетишизма.

У одного двенадцатилетнего мальчика первая эякуляция произошла, когда он примерял шубу из лисьего меха. Став взрослым, он мог испытывать сексуальное удовлетворение, только когда видел какой-нибудь мех, и не мог заниматься сексом с женщиной в обычных условиях. А одна девочка испытала первый оргазм, когда ипсировала, сжимая в руке лоскут чёрного бархата; во взрослой жизни бархат стал неотъемлемой частью её сексуальной жизни. Её дом был весь отделан этим материалом, и она выходила замуж только для того, чтобы получить ещё больше денег и купить ещё больше бархата. Мальчик четырнадцати лет первый раз имел сексуальный опыт с девочкой, которая носила шёлковое платье. Позже он не мог заниматься сексом с девушкой, если она была обнажённой: он возбуждался, только если она надевала шёлковое платье. Ещё один мальчик испытал первое семяизвержение, высунувшись из открытого окна, при этом он увидел идущего по дороге человека на костылях. После женитьбы он мог заниматься сексом с женой, только если она брала в постель костыли. Один девятилетний мальчик надевал на свой пенис перчатку, и у него произошла первая эякуляция. Когда он вырос, то стал фетишистом, в коллекции которого было несколько сотен перчаток: от них зависела вся его сексуальная активность.

Примеров такого рода очень много, и во всех прослеживается связь между первым сексуальным опытом и привязанностью к фетишу во взрослой жизни. Фетишами становились различные предметы: туфли, сапоги для верховой езды, накрахмаленные воротнички, корсеты, чулки, нижнее бельё, кожа, резина, передники, носовые платки, спецодежда (например, халат медсестры), а также волосы, ступни. Иногда они становятся необходимыми элементами, гарантирующими успешный (то есть нормальный) половой акт, а иногда сексуального партнёра полностью заменяют. У большинства фетишей определяющей деталью является какая-нибудь ткань, часто потому, что ощущения при контакте с ней очень важны, поскольку являются причиной первого в жизни индивида сексуального возбуждения. Если при этом была задействована некая субстанция с характерной текстурой, то у неё есть большие шансы стать сексуальным фетишем, ну а чаще всего среди таких субстанций встречаются резина, кожа и шёлк.

Фетиши в виде туфель и ботинок распространены не менее, и в этом случае привязанность к ним также может быть вызвана контактом этих предметов с телом. Есть один классический пример: четырнадцатилетний мальчик играл с двенадцатилетней подружкой, которая носила туфли на каблуке. Он лежал на земле, а она в шутку наступила на него и прошлась по телу. Как только её нога коснулась пениса, у него произошла первая эякуляция. Когда мальчик повзрослел, такие игры стали для него единственной формой сексуальной активности. За свою жизнь он заставил более сотни женщин надевать туфли на каблуке и ходить по его телу. В идеале женщина должна была быть определённого веса, а туфли — определённого цвета, и, чтобы реакция была как можно сильнее, детские ощущения должны были воспроизводиться с максимальной точностью.

Этот случай наглядно демонстрирует, как развивается мазохизм. Ещё один мальчик, например, испытал первые сексуальные ощущения непроизвольно, когда в шутку боролся с

девочкой старше него. Во взрослой жизни его привлекали большие агрессивные женщины, которые были готовы во время сексуальных игр причинить ему боль. Нетрудно догадаться, как подобным образом развиваются определённые формы садизма.

Формирование привязанности к сексуальным фетишам от процесса нормального развития во многом отличается. Как и процесс запечатления (или травмирующий опыт, о котором я говорил в начале главы), оно протекает очень быстро, но его последствия ощущаются очень долго и практически необратимы. Оно также происходит в период повышенной чувствительности человека. Как и процесс зарождения лжеимпринтинга, это формирование свидетельствует о ненормальной склонности индивида к неодушевлённым предметам, об отклонении сексуального поведения от биологической нормы, то есть от контакта с представителями противоположного пола. И дело не столько в приобретении неким предметом (скажем, резиновыми перчатками) сексуальной значимости, причиняющей определённый вред; сколько в том, что полное исключение всех остальных сексуальных объектов создаёт серьёзную проблему. В случаях, которые я упомянул, лжеимпринтинг силён настолько, что все другие доступные сексуальные стимулы он вытесняет. Как подопытный утёнок, который бежит только за оранжевым шаром и на родную мать абсолютно не обращает внимания, фетишист, привязанный к перчатке, видит свою пару в этом предмете и совершенно игнорирует потенциальных партнёров. Когда механизм даёт сбой, именно исключительность процесса формирования импринтинга является причиной возникновения трудностей. Для каждого из нас различные способы контакта при близких сексуальных отношениях являются стимулирующими. Нет ничего странного в возбуждении при прикосновении мягкого шёлка или бархата, но если реагировать исключительно на определённую ткань, можно до такой степени довести своё стремление к созданию моногамной пары (как фетишист, который, находясь наедине с туфлями девушки, возбуждался так, как если бы на их месте была сама девушка), что с механизмом запечатления начнут происходить странные вещи.

Почему небольшое, но всё же значительное число человеческих существ должно страдать от подобного рода лжеимпринтинга? Ведь другие животные, находящиеся в условиях дикой природы, подобных переживаний не испытывают. Это случается с ними, только когда они попадают в неволю и выращиваются человеком в среде искусственной, а также когда их помещают в клетки с животными другого вида или проводят специальные эксперименты. Возможно, в этом и заключается ответ на наш вопрос. Как я уже отмечал, в "людском зверинце" социальные условия для нашего простого племенного вида слишком неестественны. Во многих суперплеменах на сексуальное поведение в критический период полового созревания оказывается огромное давление, но даже при всех ограничениях и попытках подавить его с помощью всевозможных искусственных запретов сдержанность "зов природы" полностью не может ничто — взрыв неизбежен. Если в этот момент в поле зрения окажутся какие-нибудь характерные объекты, они могут оставить неизгладимые впечатления. Если бы развивающийся подросток постепенно, с малых лет накапливал свой сексуальный опыт и если бы его первые сексуальные познания оказались богаче и менее ограничены искусственными условиями суперплемена, формирования лжеимпринтинга в дальнейшем удалось бы избежать. Было бы интересно проследить, сколько неисправимых фетишистов в детстве были одинокими, не имели братьев и сестёр, или, будучи подростками, были робкими и застенчивыми в общении с людьми, или воспитывались в строгости. Неплохо бы провести такие исследования, но подозреваю, что процент соответствия будет довольно

ВЫСОКИМ.

Одной важной формой лжеимпринтинга, которую я пока не затронул, является гомосексуальность. Я отложил его рассмотрение до настоящего момента, поскольку феномен этот довольно сложный и лжеимпринтинг — это только часть проблемы. Гомосексуальность может развиваться одним из четырёх способов. Во-первых, она может иметь под собой причины, во многом схожие с теми, которые способствуют развитию фетишизма. Если ранний сексуальный опыт оказал на индивида сильное впечатление и был связан с интимным контактом с представителем того же пола, он может привести к развитию соответствующей привязанности. Если два мальчика борются или играют в какую-нибудь сексуальную игру, в результате чего происходит эякуляция, это может привести к запечатлению. Странно то, что мальчики часто переживают вместе ранние сексуальные ощущения того или иного рода, но всё же большинству удаётся остаться при этом гетеросексуалами. Нам необходимо побольше узнать о том, что меняет сексуальную ориентацию меньшинства, а не большинства. Как и в случае с фетишизмом, дело может быть в полноценности или неполноценности детского жизненного опыта. Чем больше ребёнка ограничивают, чем менее общительным он становится, тем беднее оказывается его жизненная палитра. Сексуальный опыт многих мальчиков представляет собой чёрную классную доску с набросками рисунка, которые постоянно стираются и переделываются, а у мальчика, замкнутого в себе, эта доска и вовсе девственно чистая. Когда на ней будет что-нибудь нарисовано, последствия этого могут оказаться гораздо ощутимее, и не исключено, что они запомнятся на всю жизнь. Несформировавшийся подросток-экстраверт может почувствовать в себе гомосексуальные наклонности, но они могут только проявиться, дальнейшего развития не получив, и стать всего лишь частью опыта на пути социальных исследований индивида.

Здесь я подхожу к другой причине устойчивого гомосексуального поведения. Я говорю «устойчивого», поскольку быстрая и мимолётная гомосексуальная активность (как часть общего сексуального познания) на определённых этапах жизни присуща подавляющему большинству представителей обоих полов. Для многих людей (например, для того подростка-экстраверта) это незначительный опыт, обычные детские исследования, но некоторые становятся приверженцами гомосексуальности на всю жизнь, часто при полном (или практически полном) пренебрежении гетеросексуальностью. Лжеимпринтинг, о котором я говорил выше, причиной всех подобных случаев не является. Вторая причина заключается в том, что поведение противоположного пола некоторым индивидам кажется чрезвычайно неприятным. Мальчик, над которым издевались девочки, может впоследствии увидеть в других мужчинах сексуальных партнёров более привлекательных, несмотря на то, что по физиологическим законам они друг-другу совершенно не подходят. Поведение девочки, терпевшей издевательства мальчиков, может развиваться в том же направлении, и она может начать искать пару среди представительниц женского пола. Издевательства, конечно, не единственная возможная причина. Измена и другие формы социального или физического наказания со стороны противоположного пола также могут оказаться в этом смысле довольно эффективными. (Даже если противоположный пол открытой враждебности не проявляет, давление общества и строгие ограничения по отношению к гетеросексуальной активности могут привести к тем же результатам.)

Третьей серьёзной причиной, оказывающей влияние на формирование устойчивых гомосексуальных наклонностей, является детская оценка роли каждого из родителей. Если

отец ребёнка имеет слишком мягкий характер и доминирующая роль в семье принадлежит матери, существует большая вероятность того, что представления о мужественности и женственности у ребёнка окажутся перепутанными и извращёнными. Это может привести к неправильному выбору пары в будущем.

Четвёртая причина более очевидна. Если в ближайшем окружении представители противоположного пола долгое время отсутствуют, особи одного пола становятся единственными объектами для сексуальных отношений. Мужчины, изолированные от женщин, или женщины, изолированные от мужчин, могут проявлять устойчивые гомосексуальные наклонности при отсутствии влияния всех перечисленных ранее факторов. Например, заключённый мужской тюрьмы может пройти правильный этап формирования нормальных инстинктов в детстве, может быть без ума от представительниц женского пола, а его отец может быть настоящим главой семьи, но, попав в общество, состоящее из одних мужчин, где ближайшим подобием женского тела является тело другого заключённого, он может стать на долгое время гомосексуалом. Если в тюрьме, школе-интернате, на корабле или в армейской казарме условия, исключая наличие представителей обоих полов, существуют продолжительное время, индивид, умеющий приспосабливаться, способен извлечь выгоду из сложившихся обстоятельств и выбрать для себя гомосексуальный способ существования, которому он может следовать, даже вернувшись в средугетеросексуальную.

Среди этих четырёх причин формирования устойчивых гомосексуальных привычек к теме этой главы имеет отношение только первая, но для нас важно рассмотреть их все, чтобы выяснить степень влияния лжеимпринтинга на такое специфическое сексуальное явление, как гомосексуальность.

Гомосексуальное поведение среди других животных проявляется обычно по отношению к ближайшей особи и в присутствии сексуально активного представителя противоположного пола исчезает. Однако зафиксировано несколько случаев устойчивой гомосексуальной ориентации у животных в особых, экспериментальных условиях. Когда, например, десяток диких утят-самцов на первые 75 дней жизни поместили в клетку и не позволяли им в течение этого периода встретиться с самками, они выросли с устойчивыми гомосексуальными наклонностями. Когда их выпустили в пруд, где были и самцы, и самки, они полностью игнорировали представительниц противоположного пола и пытались создать гомосексуальные пары друг с другом. Это продолжалось долго, почти в течение всей их жизни, и ни одной самке изменить ситуацию не удалось. Голуби, разбитые на пары одного пола и помещённые в клетки, также пытались совокупляться друг с другом и создавать моногамные отношения. Два самца, которым пробовали привить сексуальные инстинкты подобным образом, прошли вместе весь цикл воспроизведения потомства — вместе строили гнездо, высиживали яйца и растили птенцов. Яйца, конечно, были подложные, взятые из гнезда нормальной пары, но они были приняты сразу, поскольку каждый из самцов-гомосексуалов считал, что их съёл его партнёр. Если бы любого из этих голубей поместили в естественные условия, где в его поле зрения попала бы самка, нет сомнений, что он не обратил бы на неё никакого внимания. К этому моменту гомосексуальная ориентация уже стала устойчивой и сохранялась как минимум на протяжении полного цикла воспроизведения потомства.

Лжеимпринтинг человека влияет не только на его сексуальное поведение, он определяет также и отношения между родителями и детьми. Насколько ребёнок может привыкнуть к родителям другого вида, ещё не известно. Знаменитая история про Маугли (брошенного или

потерянного ребёнка, выращенного и воспитанного волчицей) в реальной жизни так полностью и не воплотилась, а осталась лишь в литературе, но если бы это всё же произошло, нет никаких сомнений, что ребёнок, выращенный в стае волков, полностью усвоил бы привычки своих приёмных родителей.

Обратная же ситуация встречается практически повсеместно. Если детёныш какого-нибудь животного выращивается человеком, то лжеимпринтинг формируется не только в сознании питомца. Человек также активно воспитывает в себе новые привычки и относится к животному как к своему ребёнку: он дарит своему чаду тот же объём эмоций и любви и так же страдает, если возникают какие-нибудь проблемы.

Подобно тому, как псевдородитель (например, оранжевый шар для утёнка) обладает определёнными ключевыми характеристиками (большой движущийся объект), формирующими лжеимпринтинг, псевдорёбенок тоже будет лучше способствовать его формированию, если будет иметь определённые качества, типичные для человеческого отпрыска. Маленькие дети беспомощные, мягкие, тёплые, пухленькие, с большими глазами, а ещё они плачут. Чем большим количеством этих признаков обладает домашний питомец, тем больше у него шансов наладить со своим хозяином родительско-детские отношения, основанные на лжеимпринтинге. Многие детёныши млекопитающих имеют практически все эти качества, поэтому человеку почувствовать в считанные минуты сформировавшийся лжеимпринтинг любви к ним ничего не стоит. Мягкий, тёплый котёнок, ищущий мать, или беспомощный пушистый щенок представляют собой прекрасный образ ребёнка, устоять перед которым могут немногие. Если некоторые из детских качеств, присущих этим животным, выражены более отчётливо, чем у настоящего ребёнка, преувеличенные стимулы, исходящие от питомца, могут оказывать влияние даже более сильное, чем стимулы естественные, и лжеимпринтинг начнёт работать ещё более интенсивно.

Животное, играющее роль псевдорёбенка, имеет один большой недостаток: оно слишком быстро вырастает. Даже очень медленно развивающийся детёныш достигает возраста активного взрослого животного в несколько раз быстрее, чем это требуется ребёнку. Как только подобное происходит, он зачастую становится неуправляемым и свою привлекательность теряет, но человек славится своей изобретательностью и предпринимает различные шаги для того, чтобы с этим недостатком справиться. Путём многовековой селекции ему удалось создать более инфантильные виды домашних животных, так что, например, нынешние собаки и кошки представляют собой версии диких собратьев, больше похожие на младенцев. Они остаются более игривыми, менее независимыми и в течение долгого времени служат в качестве заменителей детей.

В отношении некоторых пород собак (комнатных, "игрушечных") этот процесс доведён до гротеска. Они не только ведут себя ещё более по-детски, они и выглядят как дети, и звуки издают соответствующие. Их анатомические параметры изменены, чтобы максимально напоминать очертания тела ребёнка, даже когда они вырастают. В таком обличье они могут успешно играть роль псевдорёбенка не только в течение нескольких месяцев взросления, но и на протяжении десятка лет, а то и дольше, то есть на протяжении времени взросления обычного ребёнка. Более того, они обладают качеством, которого у настоящих человеческих отпрысков даже нет: они остаются похожими на детей всё время.

Хороший пример — пекинес. Дикий предок пекинеса, как и всех домашних пород собак, — волк; это животное весит до 65 килограмм или даже больше. Вес среднестатистического взрослого европейца примерно такой же — около 70 килограмм. Вес

новорождённого младенца колеблется между 2 и 5 килограммами, в среднем чуть больше 3 килограмм. Словом, если соотнести волка и нормального псевдомладенца, то первого пришлось бы уменьшить так, чтобы его вес составлял примерно 1/15 от первоначального, естественного веса. Пекинес со своей массой от 3 до 5 килограмм (в среднем около 4.5 килограмм) олицетворяет триумф такого превращения. Пока вроде бы всё хорошо: собачка соответствует ребёнку по весу и, даже повзрослев, имеет первое из неотъемлемых качеств младенца — небольшие размеры. Но необходимы ещё некоторые модификации: лапы типичной собаки слишком длинны по сравнению с её телом, пропорции напоминают больше взрослого человека, чем ребёнка с короткими конечностями. Долой лапы! С помощью тщательной селекции можно выводить особей со всё более и более короткими лапами, пока собака не будет способна лишь переваливаться с ноги на ногу. Это не только скорректирует пропорции, но и сделает животное ещё более неуклюжим и беспомощным. Опять же — ценные качества ребёнка, но чего-то всё-таки не хватает. Собака достаточно тёплая на ощупь, но недостаточно мягкая; её естественная шерсть дикого зверя слишком короткая, жёсткая и грубая. Что ж, возьмёмся за шкуру! Опять на помощь приходят чудеса селекции, позволяющие вырастить длинную, мягкую, гладкую, шелковистую шерсть, создающую необходимое ощущение детской супермягкости. Дальнейшие усовершенствования не обойдут и естественные отличительные черты тела дикого животного. Ему придётся приобрести округлые формы, глаза станут больше, а хвост короче. Стоит только взглянуть на пекинеса, чтобы понять, что и это было сделано с успехом. Уши торчали вверх и были слишком оттопыренными. Сделав их больше и мягче, покрыв длинной ниспадающей шерстью, мы получили возможность превратить их в подобие формирующейся детской причёски. Голос у волка слишком низкий, но уменьшение размеров тела повлияло и на него, придав ему более высокую тональность. Ну, и, наконец, лицо. У волка морда слишком удлинённая, поэтому здесь тоже требуется вмешательство генетической "пластической хирургии". Неважно, что операция деформирует челюсти и делает процесс питания затруднённым, — она просто необходима! Таким образом, морда пекинеса становится сплюсненной и больше похожей на лицо младенца. Кроме того, мы опять выиграли — собака стала совершенно беспомощной и зависимой от своих псевдородителей, которым приходится специально для своего любимца готовить еду и выполнять другие родительские обязанности. И вот перед нами сидит наш пекинес — псевдорёбенок, мягкий, пухленький, беспомощный, с плоской мордой и большими глазами, готовый стать воплощением лжеимпринтинга любого впечатлительного взрослого, оказавшегося поблизости. И это работает, причём работает так хорошо, что люди не только заботятся о таких животных, но и живут с ними, таскают их с собой повсюду, нанимают им врачей и даже хоронят их, как людей, а в наследство оставляют большие суммы, словно своим детям.

Я не критикую сложившуюся ситуацию, а всего лишь констатирую факты. Трудно понять, почему столько людей относятся к подобным действиям негативно: ведь человек всего лишь следует одному из своих базовых инстинктов, удовлетворить потребности которого естественным путём ему зачастую не удаётся. Ещё труднее понять, почему некоторые люди, не имея ничего против именно этого инстинкта, осуждают все остальные. Многие испытывают отвращение, например, к лжеимпринтингу сексуальному и отрицают саму возможность поклонения фетишам или совокупления между двумя мужчинами, но в то же время приветствуют родительские чувства по отношению к «карманным» собачкам и одобряют кормление домашних обезьянок из детских бутылочек. Почему же они

разграничивают эти действия? С биологической точки зрения между ними нет практически никакой разницы: оба явления основаны на лжеимпринтинге, и оба представляют собой отклонения от нормального человеческого поведения. Но хотя они оба должны быть классифицированы как биологические аномалии, ни одно из этих явлений вреда окружающим, то есть индивидам, отношения к ним не имеющим, не наносит. Мы можем придерживаться мнения, что для фетишистов или бездетных любителей животных было бы лучше наслаждаться преимуществами полноценной семейной жизни, но это проблемы их, и у нас нет никаких причин испытывать по отношению к ним враждебные чувства.

Приходится признать тот факт, что проживание в "людском зверинце" неизбежно сопровождается неудобствами, связанными с различными аномалиями поведения. Мы обречены реагировать необычным образом на необычные стимулы. Наша нервная система к ним не приспособлена, и поведенческий механизм иногда даёт сбой. Как подопытные животные или узники зоопарков, мы можем вдруг почувствовать странную, а порой и опасную привязанность, а то и пострадать от неправильного выбора пары. Это может случиться с каждым из нас в любое время, и это всего лишь одна из многочисленных опасностей существования в "людском зверинце". Мы все являемся потенциальными жертвами, и самое лучшее, что мы можем сделать, когда подобные неприятности случаются с кем-нибудь другим, — это проявить сочувствие, а не бездушную нетерпимость.

Глава 6

БОРЬБА ЗА СТИМУЛ

Приближаясь к пенсионному возрасту, человек частенько мечтает о том, как будет спокойно сидеть, нежась на солнышке. Ему кажется, что если он «расслабится» и будет с лёгкостью относиться ко всему, то сможет продлить столь прекрасную старость. Если ему и удастся свою мечту осуществить, то одно можно сказать с полной уверенностью: свою жизнь он не продлит, а сократит. Причина этого очень проста — он прекратит борьбу за стимул, борьбу, в которую все мы, обитатели "людского зверинца", вовлечены на протяжении большей части нашей жизни и в случае прекращения или ленивого продолжения которой мы можем столкнуться ссерьёзными проблемами.

Смысл этой борьбы — получить от окружающей среды оптимальное количество стимулов, но это вовсе не означает, что их количество должно быть максимальным. Стимулов может быть как чересчур много, так и слишком мало. Оптимальное же их количество — «золотая» середина — находится где-то между этими двумя крайностями. Это похоже на регулировку звука радиоприёмника: слишком тихо — никакого эффекта, слишком громко — вызывает боль. Где-то между этими двумя точками находится идеальный уровень, а достижение именно такого уровня (по отношению ко всему нашему существованию) и является целью борьбы за стимул.

Для члена суперплемени это не столь просто, поскольку он чувствует себя так, как если бы был окружён сотнями поведенческих «радиоприёмников», одни из которых тихо шепчут, в то время как другие истошно вопят. Если же (в крайних случаях) все они начнут шептать или же непрерывно издавать одни и те же монотонные звуки, его одолеет смертельная скука. Если они все одновременно заорут, ему придётся пережить сильный стресс.

Для нашего древнего племенного предка это серьёзной проблемой не было — он был занят борьбой за выживание. Всё его время и энергия уходили на то, чтобы остаться в живых, добыть пищу и воду, защитить свою территорию, избежать нападения врагов, прокормить и воспитать детей, а также соорудить жилище. Даже в самые тяжёлые времена все его проблемы были относительно просты. Он не был подвержен запутанным и сложным разочарованиям и противоречивым чувствам, ставшим столь типичными в эпоху суперплеменного существования. Он также не слишком страдал от скуки, связанной с явным недостатком стимулов. Следовательно, развитые формы борьбы за стимул являются прерогативой обитателя городского. Мы не найдём их ни у диких животных, ни у первобытных людей, живущих в естественной среде, но с лёгкостью обнаружим их как у особого вида городских животных — обитателей зоопарков, так и у городского жителя.

Зоопарки гарантируют своим обитателям регулярную еду и питьё, защиту от стихии и хищников. Здесь следят за гигиеной и здоровьем, но в определённых случаях обитатели зоопарков всё же могут оказаться в довольно непростой ситуации. В этих чересчур искусственных условиях они прекращают бороться за выживание и бросают все свои силы на борьбу за стимул. Если окружающий мир достаточного количества стимулов не даёт, им приходится изобретать различные пути для увеличения их числа. Иногда, когда стимулов становится более чем достаточно (как у только что пойманного животного, находящегося в панике), они вынуждены приложить максимум усилий для их уменьшения.

Перед одними видами эта проблема стоит более серьёзно, перед другими — менее. С этой точки зрения животных можно разделить на два основных типа: «специалисты» и «оппортунисты». К специалистам относятся те, у кого есть один основной способ выживания, который является главенствующим в течение всего времени их существования и от которого они зависят всю жизнь. К таким животным относятся муравьеды, коалы, панды, змеи и орлы. Пока у муравьедов есть муравьи, у коал — листья эвкалипта, у панд — бамбуковые ростки, а у змей и орлов — их жертвы, им не из-за чего напрягаться. Они усовершенствовали свой рацион до такой степени, что при выполнении этих конкретных требований могут вести ленивый и не имеющий иных стимулов образ жизни. Орлы, например, более 40 лет могут прекрасно существовать в маленькой пустой клетке, занимаясь лишь чисткой своих когтей (разумеется, при условии, что у них будет возможность ежедневно запускать их в только что убитого кролика).

Оппортунистам повезло гораздо меньше. К ним относятся собаки, волки, еноты, а также обезьяны, то есть виды, у которых одного универсального способа выживания нет. Они — мастера на все руки, вечно находящиеся в поисках маленьких преимуществ, предоставляемых окружающей средой. В естественной среде они никогда не перестают выведывать и вынюхивать, обследуют всё, вплоть до каждой мелочи. Они не могут позволить себе продолжительный отдых, и процесс эволюции, в свою очередь, не перестаёт следить за тем, чтобы так и было. Не выносящая бездействия нервная система заставляет их постоянно находиться в движении.

Главным же оппортунистом из всех видов является не кто иной, как сам человек. Он так же сильно занят исследованиями, как и другие виды. У него так же, как у них, есть биологически встроенная потребность в получении сильных стимулов окружающей среды.

Совершенно очевидно, что от искусственности ситуации в зоопарках или в городах больше всего будут страдать именно оппортунисты. Даже при обеспечении прекрасным сбалансированным рационом, идеальным жильём и защитой им станет беспредельно скучно, они начнут с апатией относиться ко всему и, в конце концов, превратятся в неврастеников. Чем больше мы понимаем естественное поведение таких животных, тем очевиднее для нас становится, например, что обезьяны в зоопарке являются лишь карикатурами на своих двойников, обитающих на воле.

Но животные-оппортунисты легко не сдаются, их реакция на неприятные ситуации поражает своей изобретательностью. То же самое можно сказать и об обитателях "людского зверинца". Если сравнить реакции животных в зоопарке с реакциями, наблюдаемыми нами в "людском зверинце", то мы увидим, что между этими двумя в высшей степени искусственными средами существует поразительное сходство.

Борьба за стимул основывается на шести основных принципах, и, на мой взгляд, будет целесообразным рассмотреть их по порядку, сначала применительно к животным в зоопарке, а затем — к людям в условиях мегаполиса. Вот эти принципы.

1. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции, создавая лишние проблемы, решением которых сможете потом заняться.

Все слышали о способах экономии труда, но этот принцип касается способов и увеличения затрат труда. Борец за стимул намеренно придумывает себе работу, усложняя то, что можно сделать гораздо проще или же не делать вообще.

Наблюдая за диким котом в клетке, можно увидеть, как он подбрасывает в воздух мёртвую птицу или крысу, а затем бросается за ней и хватается когтями. Подбрасывая жертву,

кот заставляет её двигаться, а значит, "возвращает ей жизнь", тем самым давая себе возможность ещё раз её «убить». Подобным образом мангуст, сидящий в клетке, пытается «умертвить» обычный кусок мяса.

Наблюдая за поведением домашних животных, можно заметить то же самое. Избалованная собака, которую хорошо кормят, приносит мяч или палку к ногам хозяина и терпеливо ждёт, пока тот бросит этот предмет ещё раз. И как только палка взлетает в воздух и падает на землю, она становится «жертвой», которую можно преследовать, ловить, «убивать» и приносить обратно для повторения представления. Домашняя собака может не нуждаться в пище, но она нуждается в стимулах.

По-своему не менее изобретателен и посаженный в клетку енот. Когда в ближайшей реке нет пищи, животное начнёт искать её повсюду, но если реки нет и в помине, енот приносит пищу в свою заводу, бросает её туда, теряет и затем ищет опять. Когда же он её находит, то, прежде чем съесть, барахтается вместе с ней под водой. Иногда этим он даже её уничтожает, превращая, например, кусок хлеба в месиво, но, независимо от пережитого разочарования, желание поиска пищи было удовлетворено. Эта особенность поведения животных, кстати, и послужила причиной создания мифа о том, что енотымоют свою пищу.

В природе есть грызун, носящий название «агути». Внешне он очень напоминает "морскую свинку" на длинных и тонких ногах. В естественной среде прежде чем съесть некоторые овощи он очищает их от кожуры. Он держит овощи передними лапами и зубами снимает с них кожуру, подобно тому, как мы иногда чистим апельсин. Он приступит к принятию пищи только после того, как будет снята вся кожура. Этот инстинкт сохраняется и в неволе: если агути дать полностью очищенное яблоко или картофелину, животное всё равно будет дотошно их чистить, а после того как съест, с жадностью приступит к поглощению «корки». Агути пытается "очистить" даже кусок хлеба.

Эта картина поразительно напоминает ситуацию, наблюдаемую в "людском зверинце". Рождаясь в условиях современного суперплемени, мы попадаем в мир, где человеческая гениальность большинство основных проблем, связанных с выживанием, уже решила. Подобно животным в зоопарке, мы обнаруживаем, что окружающая нас среда так и «светится» безопасностью. Большинству из нас, конечно же, приходится выполнять какую-то работу, но благодаря техническому прогрессу у нас всё же остаётся достаточно времени для участия в борьбе за стимул. У нас больше нет необходимости тратить всё своё время на поиск пищи или крова, на воспитание потомства, охрану территорий или защиту от врагов. Если же вашим аргументом против этого будет то, что вы никогда не прекращаете работать, тогда задайте себе один-единственный вопрос: "Можете ли вы работать меньше и всё же выживать?" В большинстве случаев, пожалуй, придётся ответить «да». Работа является для современного суперплеменного человека эквивалентом охоты с целью добывания пищи, и, подобно обитателям зоопарка, он зачастую уделяет ей времени гораздо больше и подходит к ней с большей тщательностью, чем это необходимо на самом деле. Он сам создаёт себе проблемы!

Лишь для того, чтобы выжить, работают только те слои суперплемени, которые подвергаются лишениям, но если им удастся найти свободную минутку, они сразу же примут участие в борьбе за стимул по одной особой причине: примитивный племенной охотник, может быть, и «работал» для того, чтобы выжить, но его задачи были различны и увлекательны. Несчастному члену суперплемени, вынужденному работать только для того, чтобы выжить, повезло гораздо меньше. Благодаря разделению труда и индустриализации он

вынужден выполнять невыносимо скучную и однообразную работу — одно и то же изо дня в день, из года в год — как бы в насмешку над гигантским мозгом, помещённым внутри его черепной коробки. Если же ему всё-таки удаётся посвятить себе несколько минут, он чувствует такую же необходимость вступить в борьбу за стимул, как и все остальные в нашем современном мире, так как проблема стимуляции требует как разнообразия, так и смысла, как качества, так и количества.

У всех остальных, как я уже говорил, большую часть времени занимает работа ради самой работы, и, если она достаточно захватывающая, борец за стимул (бизнесмен, например) может счесть, что он заработал в течение рабочего дня так много очков, что в свободное время вполне может позволить себе расслабиться и посвятить себя занятию более спокойному. Он может дремать у камина с бокалом лёгкого успокаивающего напитка или ужинать в каком-нибудь тихом ресторанчике. Если он танцует во время ужина, на это стоит посмотреть. Дело в том, что тот, кто работает, чтобы выжить, тоже может пойти вечером потанцевать. На первый взгляд кажется, что в этом есть некое противоречие, но при более детальном рассмотрении оказывается, что между этими двумя танцами существует масса различий. Крупные бизнесмены не принимают участия в конкурсах энергичных бальных танцев или в неистовых и безудержных народных плясках. Их неповоротливое шарканье по полу ночного клуба (небольшое пространство которого оформлено строго в соответствии с требованиями их низкого стимула) не имеет ничего общего с соревновательным духом или неудержимостью. Неквалифицированный рабочий, скорее всего, сможет стать хорошим танцором; опытный бизнесмен наверняка окажется танцором никудышным. В обоих случаях каждый из них достигает баланса, что, разумеется, является целью борьбы за стимул.

Так как данную ситуацию я чересчур упростил, разница между этими двумя типами выглядит очень похожей на отличительный классовый признак, что на самом деле вовсе не так. Есть масса скучающих бизнесменов, страдающих от однообразных офисных заданий, почти таких же монотонных, как упаковка коробок в фабричном цеху. Им также в свободное время придётся искать более стимулирующие формы отдыха. Вместе с тем существует множество работ простых, но интересных и разнообразных. Чем больше повезло с этим рабочему, тем больше он похож вечером на преуспевающего бизнесмена, отдыхающего с лёгким успокаивающим напитком за приятной беседой.

Ещё одним интересным феноменом является страдающая от нехватки стимулов домохозяйка. Окружённая современными средствами экономии труда, она, для того чтобы занять своё время, вынуждена изобретать средства повышения трудовых затрат, и это не так бесполезно, как кажется. По крайней мере, она может выбирать, что ей делать, — в этом-то и заключается огромное преимущество суперплеменного образа жизни. Примитивная племенная жизнь не предоставляла возможности выбора, всё было направлено только на то, чтобы выжить: тебе нужно делать это, это и это, иначе ты умрёшь. Теперь ты можешь делать одно, другое или третье — всё, что хочешь, — до тех пор, пока не осознаешь, что тебе нужно что-то делать, либо нарушить «золотые» правила борьбы за стимул. Вот так и домохозяйке приходится чем-то себя занимать, пока её бельё крутится встиральной машине.

Возможностей для этого более чем достаточно, такая игра может быть привлекательнее всего, но в то же время она может пойти в неверном направлении. Игроку с недостатком стимулов слишком часто кажется, что компенсирующая деятельность, которой он беспрестанно занимается, в действительности довольно бессмысленна. В чём смысл перестановки мебели, коллекционирования почтовых марок или выступления с собакой на

очередной выставке? Что это доказывает? Что даёт? Вот, одна из опасностей борьбы за стимул. Замена настоящей деятельности, направленной на выживание, остаётся заменой независимо от того, как вы к ней относитесь. Разочарование может наступить слишком быстро, и тогда с этим придётся что-то делать.

Есть несколько решений этой проблемы; одно из них, пожалуй, чересчур радикальное. Эта разновидность борьбы за стимул определяется следующим образом: "Выживать, поддавшись искушению". Разочарованный подросток, вместо того, чтобы гонять мяч на поле, может запустить им в оконное стекло. Разочарованная домохозяйка, вместо того чтобы наказывать собаку, может ударить молочника. Разочарованный бизнесмен, вместо того чтобы выругать двигатель собственного автомобиля, может отчитать секретаршу. Последствия такого манёвра поразительны: индивид незамедлительно оказывается вовлечённым в настоящую борьбу за выживание и борется за свою социальную жизнь. В такие моменты наблюдается характерная потеря интереса к передвижению мебели и коллекционированию почтовых марок. После того, как всё становится на свои места, старая и давно забытая деятельность, служившая в качестве замены чего бы там ни было, вновь становится довольно привлекательной.

Менее радикальным вариантом можно считать такой способ: "Поддаться искушению выжить за счёт другого". Одна из существующих здесь форм заключается во вмешательстве в эмоциональную жизнь других людей и создании в ней некоего хаоса, через который (в противном случае) вам пришлось бы пройти самому. Это принцип злых сплетен; он крайне популярен, так как гораздо более безопасен, чем действие прямое. В худшем случае вы потеряете некоторых друзей. Если же сделать всё достаточно умело, может произойти совсем обратное: они станут ещё более дружелюбными. Если вам удалось сломать им жизнь своими махинациями, они, возможно, будут нуждаться в вашей дружбе сильнее, чем когда-либо раньше. Итак, при условии, что вас не уличили в содеянном, эта разновидность может принести двойную пользу: сильное волнение при виде той драмы, которую они переживают, и как следствие — усиление их дружеских чувств.

Ещё одна форма выживания за счёт другого, пожалуй, более безвредна. Она заключается в отождествлении себя с драмой, переживаемой выдуманными героями книг, фильмов, пьес и телевизионных программ. Эта форма пользуется ещё большей популярностью, и, чтобы удовлетворить её непомерные требования, гигантская индустрия растёт не по дням, а по часам. Такой способ не только безопасен и не наносит вреда, но ещё и обходится заметно дешевле. Непосредственная игра в "выживать, поддавшись искушению" может вам стоить дорого, но этот вариант позволит борцу за стимул почувствовать себя оболстителем, насильником, поддаться искушению прелюбодеяния, пережить страшнейший голод, совершить убийство или грабёж — и всё это он сможет сделать, даже не вставая с мягкого и удобного кресла.

2. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции чересчур активной реакцией на стимул нормальный.

Этот принцип борьбы за стимул связан с чрезмерным потворством своим желаниям. Вместо того, чтобы придумать проблему, которой затем придётся найти решение, как в предыдущем случае, вы просто-напросто снова и снова реагируете на стимул, который уже и так есть, несмотря на то, что он уже давно не оказывает на вас никакого воздействия и становится лишь средством для занятия себя чем-либо.

В зоопарках, где публике разрешено кормить зверей, некоторые заскучавшие от безделья

животные будут продолжать есть до тех пор, пока их вес не превысит все допустимые нормы. Они уже съели всё, что полагалось им по рациону, и чувства голода больше не испытывают, но лучше лениво жевать, чем вообще не делать ничего. Они становятся всё толще и толще или заболевают, а иногда и то, и другое. Козлы съедают горы бумаги и стаканчиков из-под мороженого, они едят практически всё, что им предлагают. Страусы поглощают даже острые металлические предметы. Классическим случаем может служить история с одной слонихой. За ней внимательно наблюдали в течение одного дня, и за этот период (помимо своего нормального, достаточно питательного рациона) она проглотила следующие предложенные ей публикой предметы: 1706 земляных орехов, 1330 конфет, 1089 кусков хлеба, 811 пирожных, 198 апельсиновых долек, 17 яблок, 16 клочков бумаги, 7 порций мороженого, 1 гамбургер, 1 шнурок от ботинка и 1 белую женскую кожаную перчатку. В зоопарках зафиксированы случаи, когда медведи умирали от переедания, — таковы жертвы, принесённые борьбе за стимул! Одним из наиболее странных примеров этого феномена можно считать огромного самца гориллы, который обычно ел, затем вызывал рвоту и поглощал всё заново, разыгрывая таким образом собственную версию римского застолья. Ещё дальше зашёл медведь-губач, который извергал пищу обратно более сотни раз, снова и снова поглощая её с характерными для своего вида булькающими и всасывающими звуками.

Если же возможности излишнего потакания в еде ограничены, а занять себя больше нечем, животное всегда может уделять чрезмерное внимание чистоте, продолжая себя мыть и чистить ещё довольно долго даже после того, как перья или мех давно вычищены и блестят. Это также может привести к неприятностям. Мне вспоминается какаду, у которого осталось всего лишь одно перо — жёлтый хохолок, а остальное тело стало голым, как у цыплёнка табака. Это, конечно же, случай крайний, но всё же не единичный. Млекопитающие могут царапать и лизать голые места на своём теле до тех пор, пока не появятся болячки, тем самым обрекая себя на раздражение и всё новое раздираание этих болячек.

Для человека, борющегося за стимул, все неприятные формы проявления этого принципа известны слишком хорошо. В младенчестве это продолжительное сосание пальца, появляющееся в результате слишком ограниченного контакта с матерью. По мере взросления мы можем потакать своим слабостям чрезмерным потреблением пищи, вяло откусывая кусочки шоколада или печенья лишь для того, чтобы скоротать время, в результате чего становимся всё толще и толще, подобно медведям в зверинце. Или же мы можем переусердствовать в уходе за собой, подобно какаду: в этом случае мы, скорее всего, будем грызть ногти или сдирать болячки. Поглощение напитков только для того, чтобы чем-то себя занять, при условии, что напитки сладкие, также может привести к ожирению; если же напитки алкогольные, они могут вызвать зависимость и болезни печени. Курение может быть ещё одним средством убить время, и в нём также скрыта возможность неприятных последствий.

Совершенно очевидно, что борьба за стимул, если она ведётся неверно, таит в себе множество ловушек. Особенность всех этих средств, служащих для того, чтобы убить время, заключается в том, что из-за своей примитивности они не могут быть усовершенствованы. Всё, что можно делать, чтобы хоть как-то продлить их действие, — это повторять их снова и снова. Для наибольшей эффективности к ним следует прибегать довольно продолжительное время, а это чревато неприятностями. Обычно довольно безвредные и используемые для того, чтобы ненадолго убить время, эти средства несут в себе опасность, если станут чрезмерными.

3. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции, изобретая новизнания.

Это — творческий принцип. Если всё уже известное слишком скучно, сообразительное животное должно придумать что-то новое. Например, находящиеся в неволе шимпанзе ухитряются внести новизну в свою жизнь, исследуя новые формы передвижения. Они перекатываются с боку на бок, лениво передвигают ноги и демонстрируют различные гимнастические упражнения. Если им удастся отыскать небольшой кусок верёвки, они зацепят её за крышу клетки, повиснут на ней, держась за оба конца зубами или руками, и будут раскачиваться в воздухе, подобно воздушным гимнастам в цирке.

Многие животные, чтобы избавиться от скуки, используют посетителей. Если они не будут обращать внимания на людей, прогуливающих мимо их клеток, они, в свою очередь, рискуют также остаться без внимания, но если они возбудят их любопытство, посетители уж как-нибудь их да развлекут. То, чего может добиться находчивое животное, поистине потрясает. Если шимпанзе или орангутан плюёт в сторону посетителей, они с визгом отскакивают от клетки, и это помогает скоротать денёк. Слон может облить водой из хобота, морж — обрызгать плавником. Сорока или попугай может привлечь посетителей, распушив пёрышки, а когда они начнут их приглаживать — клюнет в палец. Один лев научился манипулировать аудиторией совершенно замечательным способом. Обычно он мочился (как и коты), направляя струю горизонтально на вертикальную поверхность, тем самым помечая её своим запахом. Как-то он направил струю на один из вертикальных прутьев клетки и обнаружил, что брызги долетели до посетителей и вызвали интересную реакцию: они с криками отскочили назад. Со временем лев не только научился лучше попадать в цель, но и придумал новый трюк. После первой струи, когда первый ряд зрителей отступал, его место сразу же занимали те, кто стояли сзади и хотели получше разглядеть. Вместо того, чтобы выпустить всё за один раз, лев приберегал некоторое количество мочи на второй, и таким образом ему удавалось «порадовать» вновьпришедших.

Можно также клянчить еду (а не отбирать её), что является, конечно, средством не столь сильнодействующим, но всё же позволяющим достичь тех же результатов, и используется это многими животными. Необходимо лишь придумать какой-нибудь особый жест или позу, при виде которых прохожие не могут не поверить в то, что вы голодны. Обезьяны считают, что надо просто вытянуть руку ладошкой вверх, но медведям этого показалось недостаточно, и они проявили больше изобретательности. У каждого из них есть особая манера: один встаёт на задние лапы и машет передней; другой садится, изогнувшись и обхватив задние лапы передними; третий засовывает переднюю лапу в пасть; четвёртый будет кивать или делать подзывающие движения головой. Если медведь сообразительный, ему легко удастся «выдрессировать» посетителей, приучив их реагировать на эти знаки. Проблема заключается в том, что для того, чтобы поддерживать интерес посетителей, придётся время от времени вознаграждать их — есть то, что они бросают. Если на эти уступки не пойти, зрители уйдут, и тогда всё, изобретённое медведем для осуществления социального взаимодействия, окажется напрасным. Последствия этого мы уже обсуждали: придётся прибегнуть к менее удовлетворяющему принципу чрезмерного потворства своим желаниям, что приведёт к лишнему весу и болезням.

Подобных гимнастических упражнений и попрошайничества в естественной среде встретить невозможно. Все это — изобретения, позволяющие приспособиться к особым условиям неволи.

В условиях "людского зверинца" этот творческий принцип доходит до потрясающих крайностей. Я уже отмечал ранее, что разочарование может наступить тогда, когда искусственно выдуманная борьба за стимул, из-за того что возможности её довольно ограничены, часто начинает казаться бессмысленной. Пытаясь избежать этой ограниченности, человек ищет всё более сложные формы выражения, которые становятся настолько всепоглощающими и поднимают индивида на такие высоты познания, что награда уже нет числа.

Здесь мы уходим из сферы пустяков, существующих для того, чтобы чем-то себя занять, и вступаем в чарующие миры искусства, философии и науки. Всё это имеет огромное значение, так как не только позволяет эффективно бороться с недостатком стимулов, но ещё и делает возможным максимальное использование самой потрясающей физической собственности человека — гигантского мозга.

Из-за огромной важности, которую приобрели эти сферы для нашей цивилизации, мы склонны забывать о том, что в определённом смысле они являются не чем иным, как средствами борьбы за стимул. Подобно пряткам или шахматам, они помогают скоротать время между колыбелью и могилой тем, кто достаточно удачлив и может позволить себе вести борьбу не только за элементарное выживание. Я говорю «удачлив» потому, что, как я уже упоминал ранее, огромное преимущество суперплеменных условий заключается в том, что мы относительно свободны в выборе форм нашей деятельности и, когда человеческий мозг может изобрести такие прекрасные занятия, как эти, мы должны считать, что нам повезло оказаться в числе борцов за стимул, а не борцов за выживание. Именно человек-изобретатель является тем, кто ведёт игру изо всех сил. Когда мы штудируем научные труды, слушаем симфонии, читаем поэзию, смотрим балеты или рассматриваем картины, нам остаётся только восхищаться бесконечностью человеческой борьбы за стимул и той невероятной изобретательностью, с которой он её ведёт.

4. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции нормальным реагированием на стимулы субнормальные.

Это принцип переполнения. Если внутреннее побуждение к совершению какой-либо деятельности становится слишком велико, за неимением внешних стимулов, обычно к ней побуждающих, оно может перелиться через край.

Тому, что в природе никогда не вызовет никакого интереса, в унылых условиях зоопарка уделяется слишком много внимания. У обезьян это может принимать форму копрофагии: если им будет нечего жевать, в дело пойдут экскременты; если не будет возможности обходить свою территорию, сойдут и мелкие перебежки по клетке. Животное ходит из стороны в сторону до тех пор, пока, благодаря своим монотонным и бесполезным движениям, не протрёт дорожку на полу клетки — и всё-таки это лучше чем ничего.

За неимением подходящего партнёра животное может спариться практически с любым доступным предметом. К примеру, одинокая гиена ухитрилась спариться со своей круглой миской, опрокинув её на бок и катая туда-сюда под своим телом так, чтобы та ритмично прижималась к половому члену. Живущий в одиночестве енот использовал в качестве «партнёрши» своё лежбище: он собирал солому в тугий пучок, крепко прижимал его к себе и делал характерные движения тазом. Иногда, когда вместе содержатся животные разных видов, заменой партнёра может служить и чужеродный сосед. Кистехвостый дикобраз, живший вместе с древесным дикобразом, постоянно пытался на него взобраться. У этих двух видов мало общего, и их иглы так заметно отличаются, что связь привела не только к

огромному разочарованию самца, но и оказалась для него крайне болезненной. В другой клетке вместе с похожим на кенгуру грызуном — африканским долгоногом жила маленькая обезьяна — беличий саймири, которая была в десять раз меньше него. Бесстрашная крошечная обезьянка прыгала на спину спящего грызуна и пыталась совокупляться. В результате об этих тщетных попытках написали в местной газете. Правда, истолкованы они были совершенно неверно. Там говорилось, что обезьянка очаровательно забавлялась, "катаясь верхом на спине большого животного, подобно маленькому пушистому жуке".

Хотя эти сексуальные примеры и напоминают фетишизм, с этим явлением их не следует путать. Несмотря на случаи "чрезмерной активности", как только в окружающей среде появляется естественный стимул, животное возвращается к нормальному поведению. В упомянутых мной случаях самцы, стоит только появиться самке одного с ними вида, переключают внимание на неё: они не «влюбились» в то, что заменяло им самок, подобно истинным фетишистам, о которых я говорил в предыдущей главе.

Необычные совместные проявления "чрезмерной активности" были замечены у содержащихся вместе самки ленивца и маленькой обыкновенной ночной обезьяны. В природных условиях эта обезьянка устраивает уютную норку в дупле дерева и спит там в течение всего дня. Самка ленивца, если бы родила в естественной среде, носила бы потомство на себе ещё довольно долго. В зоопарке обезьянке не хватало мягкой тёплой постели, а ленивцу — потомства. Проблема же была решена ими искусно и довольно просто: во время сна обезьянка плотно прижималась к телу ленивца.

Этот четвёртый принцип борьбы за стимул работает не столько потому, что кто-то поставлен в чрезвычайные условия, а скорее наоборот — потому что всё слишком спокойно, и, несмотря на множество «ветров», "дующих" в "людском зверинце", человек оказывается в подобных ситуациях довольно часто. То одно, то другое постоянно препятствует выходу эмоций представителя суперплемени. Несмотря на полный материальный достаток, среда часто наносит ущерб массе поведенческих реакций, и в этом случае человек, подобно обитателям зоопарка, вынужден реагировать на субнормальные стимулы независимо от того, насколько они второстепенны.

В сексуальной сфере человек имеет гораздо больше возможностей, чем остальные виды животных, решая проблему отсутствия партнёра путём ипсаци, и это — наиболее распространённое решение, принимаемое человеком. И всё же время от времени наблюдаются случаи зоофилии, то есть акта совокупления человека с животным. Такие случаи редки, но не настолько, насколько это кажется большинству людей. Результаты недавнего исследования, проведённого в Америке, показали, что в этой стране около 17 % мальчиков, выросших на ферме, по крайней мере, раз в жизни испытали оргазм в результате контакта с животными. На самом же деле случаи удовлетворения за счёт более лёгких форм сексуального взаимодействия с животными встречаются гораздо чаще, и в некоторых районах число таких мальчиков достигало 65 %. Обычно предпочтение отдаётся телятам, ослам и овцам, а иногда и некоторым крупным птицам, таким как гуси, утки и куры. У женщин случаи зоофилии встречаются гораздо реже: из 6 тысяч американок только 25 испытали оргазм в результате возбуждения животными, обычно собаками. Для большинства людей всё это кажется противоестественным и отвратительным. Но факт, что такие случаи вообще существуют, говорит о том, что борцы за стимул готовы пойти на всё что угодно, лишь бы избежать бездеятельности. Под эту категорию подпадают и другие формы сексуального поведения, например такие, как случаи гомосексуальности, основанные на принципе "лучше

что-то, чем ничего".

В отсутствие нормального стимула становится достаточным и объект субнормальный. Умиравший от голода человек будет жевать древесину и другие вещества, не содержащие никаких питательных элементов, лишь для того, чтобы хоть что-то жевать. Агрессивно настроенные индивиды за неимением врага, на которого можно напасть, будут остервенело крушить неодушевлённые предметы или калечить собственные тела.

5. Если стимулы слишком слабы, вы можете усилить свои поведенческие реакции, искусственно усиливая выбранные стимулы.

Этот принцип касается создания "супернормальных стимулов". В основе его работы лежит простая предпосылка, заключающаяся в том, что если естественные, нормальные стимулы вызывают нормальные реакции, то супернормальные стимулы должны вызывать реакции супернормальные.

Эта идея широко используется в «зверинце» людском, но в обычном, среди животных, встречается довольно редко. Студенты, изучающие поведение животных, разработали несколько супернормальных стимулов для подопытных животных, но наличие данного феномена ограничивается лишь несколькими примерами, один из которых я и собираюсь описать подробно.

Это результат моего собственного исследования. Некоторое время в большом птичнике на крыше здания кафедры я держал несколько птиц различных видов. В какой-то момент их покой был нарушен ночными визитами хищной совы, пытавшейся напасть через прутья птичника. Чтобы разобраться в этой проблеме, мне пришлось провести несколько ночных дежурств. Пока я был там, сова так и не появилась, и, по правде сказать, о ней больше никто не слышал, но, несмотря на неудачу, я всё же заметил нечто странное — мне бросилось в глаза очень необычное поведение самих обитателей птичника.

Среди живших там птиц были голуби и что-то вроде маленьких ткачиков: так называемые, серые рисовки. Эти ткачики, как правило, сидят на жёрдочке вместе, плотно прижавшись друг к другу. К своему удивлению, я заметил, что ткачики в птичнике друг-друга игнорировали, отдавая предпочтение в качестве соседей по жёрдочке голубям. Рядом с каждым голубем, плотно прижавшись к его толстому телу, сидел крошечный ткачик. Довольные маленькие птички уютно устроились на ночлег, а голуби, хотя поначалу и удивлённые появлением столь странных соседей, были слишком сонными для того, чтобы по этому поводу что-то предпринимать, и, в конце концов, так и заснули, устроившись поудобнее. Я был в полном замешательстве и не знал, как такую странную манеру поведения объяснить. Эти два вида не росли вместе, а значит, о лжеимпринтинге не могло быть и речи, да и ткачики не были выведены в неволе. По всем правилам они должны были устроиться рядом со своими сородичами. Но была и другая проблема: почему из всех видов птиц в качестве партнёров по сну они выбрали именно голубей?

В последующие ночи своего дежурства у птичника мне удалось понаблюдать за поведением, ещё более странным. Прежде чем заснуть, крошечные ткачики часто чистили клювом перья голубей — опять же действие, которое при нормальных обстоятельствах они совершали бы только с особями своего вида. Ещё более странным оказалось то, что они начали играть в чехарду, перепрыгивая через спины своих огромных соседей. Ткачик запрыгивал на спину голубя, затем спрыгивал с неё на другую сторону, опять запрыгивал обратно, и так далее. Но больше всего я был удивлён, когда увидел, как одна из маленьких птичек забралась под голубя и пролезла между его лап. Сонный голубь приподнялся и

установился на что-то, копошась под его круглой грудью. Как только, удобно устроившись, ткачик успокоился, голубь опустился на него. Так они и сидели, голубь и ткачик с розовым клювом, торчащим из-под груди голубя.

Такие необычные взаимоотношения нуждались в объяснении. В поведении голубей ничего странного не было (может быть, за исключением того, что они проявляли необычайную терпимость), а вот поведение ткачиков требовало изучения более тщательного. Я обнаружил, что у них был особый сигнал, сообщающий другим членам вида о том, что они готовы ко сну. Во время бодрствования они держались друг от друга на расстоянии, но когда приходило время собираться на ночлег, один ткачик (по-видимому, тот, которому больше всего хотелось спать) взъерошивал перья и как бы приседал, прижимался к жёрдочке. Это было сигналом для других сородичей, означавшим, что они могут к нему присоединиться и не получают отпора. Второй ткачик подлетал и, взъерошив перья, садился на жёрдочку возле первого, за ним — третий, четвёртый и так далее до тех пор, пока все птицы не оказывались друг с другом рядом на одной жёрдочке. Те, кто прилетал позже, обычно прыгали на одной лапке позади этого ряда и протискивались в середину, занимая более тёплое и удобное местечко. Такое поведение птиц дало мне возможность разрешить мои недоумения.

Взъерошив перья и прижавшись к жёрдочке, ткачики казались больше и круглее, чем когда летали взад-вперёд. Это и было основным сигналом, означавшим: "Присоединяйтесь ко мне на ночлег". Сидящий на жёрдочке голубь был ещё больше и круглее, а значит, так или иначе воспринимался как подающий всё тот же сигнал, только в гораздо большей степени. Кроме того, в отличие от других видов птиц в птичнике, у голубей окрас был такой же серый, как у маленьких ткачиков, а благодаря тому, что они были большими, круглыми и серыми, они подавали ткачикам некий супернормальный сигнал, против которого маленькие птички устоять просто не могли. Будучи изначально запрограммированными на такую комбинацию размера, формы и цвета, ткачики автоматически реагировали на голубей как на супернормальный стимул для устройства на ночлег, предпочитая их сородичам. Загвоздка была лишь в том, что голуби не усаживаются в ряд. Ткачик, прижавшись к голубю и обнаружив, что находится как бы "в конце ряда", прыгает голубю на спину и, не обнаружив "середины ряда", спрыгивает с другой стороны. Голубь настолько большой, что должен был казаться целым "рядом ткачиков", поэтому маленькая птичка и продолжает запрыгивать на него, абсолютно, впрочем, безуспешно. С огромным упорством ткачик пытается как-то устроиться и, наконец, протиснувшись под голубя, находит себе уютное местечко "в середине ряда", между лап большей по размеру птицы.

Как я уже говорил ранее, это один из немногих известных примеров супернормальных стимулов, который, к тому же, был выявлен без проведения специального эксперимента. Другие же, более известные, примеры всегда предполагают создание некоей искусственной ситуации. Кулики-сороки, к примеру, относятся к виду, строящему гнёзда на земле. Если одно из яиц выкатывается из гнезда, его втаскивают обратно характерным движением клюва. Если рядом с гнездом положить другие яйца, птицы затащат туда и их. Если подложенные яйца будут разного размера, птицы отдадут предпочтение наиболее крупным. Они попытаются втащить в гнездо яйца, которые по размеру намного больше их собственных, и опять это говорит о том, что они не могут устоять и реагируют на супернормальный стимул.

Птенцы серебристой чайки, выпрашивая у родителей пищу, бьют клювами в ярко-красное пятно, расположенное у кончика клюва взрослых птиц. Родители отвечают на это прыгиванием для своих питомцев рыбы. Красное пятно является жизненно важным

сигналом: было обнаружено, что птенцы бьют клювом даже в картонные макеты голов родителей. Различные тесты показали, что другие детали головы взрослой птицы им абсолютно неважны: птенцы бьют клювом даже в отдельно взятое красное пятно. Более того, если им дать палку с тремя красными пятнами, они будут клевать её гораздо сильнее, чем реалистично выполненный макет головы родителя, и опять палка с тремя красными пятнами является не чем иным, как супернормальным стимулом.

Есть и другие примеры такого поведения, но этого, пожалуй, вполне достаточно. Понятно, что существует возможность сделать природу более совершенной — и это вызывает у некоторых полное отвращение, но причина проста: каждое животное есть не что иное, как сложная система компромиссов. Противоречивые требования выживания тянут его в разные стороны. Если, к примеру, животное имеет чересчур яркий окрас, его без труда обнаружат хищники; если же окрас не бросается в глаза, ему не удастся привлечь полового партнёра, и так далее. Эта система компромиссов будет находиться в «расслабленном» состоянии только тогда, когда требования к выживанию будут уменьшены искусственным путём. Домашние животные, например, находятся под защитой человека, и бояться своих врагов у них нет необходимости. Ничем не рискуя, они могут сменить свой неприметный окрас на ослепительно белый, пёстрый или на любой яркий цвет, но если их вернуть в естественные условия обитания, они будут настолько бросаться в глаза, что вскоре станут жертвами своих естественных врагов.

Подобно домашним животным, суперплеменной человек также может позволить себе игнорировать ограничения природных стимулов, служащие для выживания. Он может изобретать стимулы, преувеличивать и искажать их в зависимости от своих потребностей. Искусственно увеличивая их силу — создавая супернормальные стимулы, — он может усилить свои реакции до невероятной степени. В своём суперплеменном мире он подобен кулику-сороке, окружённому гигантскими яйцами.

Куда бы вы ни взглянули, везде найдёте признаки супернормальных стимулов. Нам нравятся цветы, поэтому мы разводим самые крупные и наиболее яркие из них. Нам нравятся ритмичные движения человека, поэтому мы изобрели гимнастические упражнения. Нам нравится вкус еды, поэтому мы делаем её ещё более разнообразной и вкусной. Нам нравятся определённые запахи, поэтому мы производим духи с сильными ароматами. Нам нравится спать на удобной поверхности, поэтому мы изобрели супернормальные кровати с пружинами и матрасами.

Можно начать с изучения нашего внешнего вида — одежды и косметических средств. Во многие мужские костюмы вставляют искусственные плечики. В период половой зрелости наблюдается заметная разница в росте плеч у разных полов: у мальчиков они становятся шире, чем у девочек. Это естественный биологический сигнал мужественности, признак взрослого мужчины. Подкладывание плечиков добавляет этой мужественности супернормальный признак, и вовсе не удивительно, что наибольшая тенденция к такого рода преувеличениям существует в самой что ни есть мужской сфере — среди военных, где для большего усиления эффекта добавляются жёсткие эполеты. Увеличение роста также является одним из признаков взросления, особенно у мужчин, поэтому неотъемлемой частью многих мужских костюмов является какой-либо высокий головной убор, создающий впечатление супернормального роста. Мы, вне всяких сомнений, ходили бы на ходулях, если бы это не создавало столько неудобств.

Если мужчины хотят казаться намного моложе, они носят накладки, скрывающие

лысины, вставные зубы, заполняющие стареющие рты, и пояса, удерживающие отвисшие животы. Известно, что молодые руководители, желающие казаться намного взрослее, нередко прибегают к искусственной седине.

У молодой девушки увеличивается грудь и становятся шире бёдра, что говорит о её половом развитии. Излишне подчеркнув эти особенности, она может усилить сигналы своего пола. Она может поднять, обозначить или увеличить грудь множеством различных способов. Затянув талию, она может подчеркнуть ширину бёдер. Она может также увеличить размер ягодиц и бёдер — тенденция, получившая наибольшее распространение во времена турнюров икринолинов.

Другая возрастная перемена, сопровождающая взросление женщины, — это увеличение длины ног по сравнению с остальным телом. Длинные ноги, таким образом, могут означать определённую сексуальность, а особенно длинные ноги делают сексуальную привлекательность ещё больше. Безусловно, сами по себе ноги стать супернормальным стимулом не могут, так как являются чем-то естественным (хотя небольшую услугу могут оказать и высокие каблуки), но искусственное увеличение длины ног часто появляется в эротических изображениях женщин. В результате исследования изображений красоток оказалось, что ноги девушек обычно рисуют неестественно длинными, иногда почти в полтора раза длиннее, чем у моделей, для этих изображений позирующих. Очень короткие юбки считаются сексуально привлекательными не только благодаря демонстрации обнажённой плоти, но и благодаря иллюзии более длинных ног, возникающей по контрасту с длинными юбками.

Огромное множество супернормальных стимулов можно наблюдать в мире женской косметики. Чистая гладкая кожа всегда сексуально привлекательна. Её гладкость можно увеличить, прибегнув к помощи пудры и кремов. Во времена, когда было важно подчеркнуть, что женщине не приходится трудиться на солнцепёке, косметика оказывала ей огромную услугу, придавая коже абсолютную белизну. Когда условия изменились и для женщины стало важным подчеркнуть, что она может позволить себе удовольствие погреться на солнышке, загорелая кожа приобрела огромную значимость. И опять под рукой оказались косметические средства, придающие коже оттенок загара. Когда-то в прошлом для женщины было важно продемонстрировать своё здоровье, и тогда в ход шло невероятное количество румян. Ещё одной отличительной чертой кожи женщины является то, что её волосистой покров гораздо беднее, чем у мужчин. И вновь супернормального эффекта здесь можно добиться, прибегая к различным формам депиляции, удаляя с помощью бритвы или воска крошечные волоски на ногах или же болезненно выщипывая растительность на лице. Брови у мужчин обычно намного гуще, чем у женщин, поэтому и здесь супернормальной женственности можно достичь при помощи выщипывания. Добавьте ко всему этому супернормальную косметику для глаз, губ и ногтей, духи, а иногда и румяна для сосков, и станет совершенно очевидно, насколько старательно мы используем супернормальный принцип борьбы за стимул.

В предыдущей главе мы уже говорили о том, до каких размеров можно увеличить мужской половой член, сделав его супернормальным фаллическим символом. В обычной одежде ему до сих пор не очень-то удавалось показать себя, за исключением, впрочем, краткого момента славы в эпоху гольфиков. Сегодня нам приходится довольствоваться лишь супернормальными кисточками на меховой сумке шотландского горца, висящей в области лобка.

Странный мир афродизиakov полностью ориентирован на супернормальные сексуальные стимулы. В течение многих веков и во многих культурах стареющие мужчины прибегали к различным искусственным средствам, пытаясь увеличить свою потенцию. Перечень афродизиakov насчитывает более 900 различных наименований, включая такие как горб верблюда, экскременты крокодила, сперма оленя, гусиный язык, суп из зайчатины, львиный жир и гениталии лебедя. Несомненно, многие из этих вспомогательных средств сослужили свою службу, но не из-за химических свойств, а из-за того, что за них пришлось заплатить непомерно высокую цену. На Востоке размолотый в порошок рог носорога ценился в качестве средства, оказывающего супернормальное сексуальное воздействие, настолько высоко, что некоторым видам носорогов грозило вымирание. Не все афродизиак, впрочем, следовало употреблять внутрь: одни нужно было втирать в кожу, другие курить, нюхать или носить на теле. Кажется, что всё, начиная от ароматизированных ванн и заканчивая нюхательными порошками, было направлено на то, чтобы сделать стимулы более сильными.

Современная фармакология ориентирована на удовлетворение сексуальных потребностей в меньшей степени, но, несмотря на это, она всё-таки переполнена супернормальными стимулами различного рода. Здесь есть и снотворные таблетки для супернормального сна, и различные стимуляторы нервной системы для супернормальной активности, и слабительное для супернормального испражнения, и туалетные принадлежности для супернормальной чистоты тела, и, наконец, зубная паста для супернормальной улыбки. Благодаря человеческой изобретательности вряд ли найдётся какая-либо естественная деятельность, для которой не было бы придумано хоть какого-то искусственного стимулятора.

Мир коммерческой рекламы есть не что иное, как кипящая масса супернормальных стимулов, каждый из которых пытается превзойти все остальные. С появлением конкурирующих фирм, продающих практически одинаковые товары, супернормальная борьба за стимул приобрела огромное значение. Каждый товар должен быть представлен в более стимулирующем виде, чем конкурирующий с ним товар другого производителя, а это требует предельной концентрации внимания покупателей на особенностях его формы и цвета.

Важной чертой супернормального стимула является то, что он не подразумевает преувеличения всех составляющих того нормального стимула, на котором основан. Кулик-сорока реагировал на подложенное ему супернормальное яйцо только с точки зрения его размера; по форме, цвету и фактуре от нормального яйца оно ничем не отличалось. Эксперимент же с птенцами чаек продвинулся ещё на шаг вперёд. В нём жизненно важные красные пятна были преувеличены, а другие (менее значимые) отличительные особенности родителей отсутствовали. Таким образом, налицо был двойственный процесс: усиление важных стимулов и в то же время исключение менее важных. В процессе проведения эксперимента это было сделано лишь с целью демонстрации того, что для появления необходимой реакции вполне достаточно красных пятен. С другой стороны, такой шаг, при помощи которого отсекалось всё ненужное, должен был также способствовать большей концентрации внимания на красных пятнах.

Во многих супернормальных стимулах человека этот двойственный процесс применяется необычайно эффективно. Его можно выделить в качестве дополнительного, второстепенного принципа борьбы за стимул. Суть его заключается в том, что при

искусственном усилении выбранных стимулов для возведения их в ранг супернормальных можно достичь ещё большего эффекта, исключая остальные стимулы, несущественные. При одновременном создании субнормальных стимулов супернормальные стимулы кажутся намного сильнее. Это принцип экстремизма стимулов.

Если мы хотим развлечь себя книгами, пьесами, фильмами или песнями, мы автоматически посвящаем себя этому. Самую суть этого процесса мы называем «инсценировкой». Повседневные действия, произведённые так, как если бы они происходили в реальной жизни, были бы недостаточно увлекательными, — их необходимо преувеличить. Работа принципа экстремизма стимулов подтверждает, что незначительные детали убираются, а значительные раздуваются до невероятных размеров. Даже в наиболее реалистичных школах актёрского мастерства или (если уж на то пошло) в документальных фильмах и книгах всё ещё действует негативный процесс: всё, что неважно, сокращается, а значит, в ход идёт непрямая форма преувеличения. В более стилизованных представлениях, например в опере, прямые формы преувеличения имеют большее значение, и поэтому очень интересно наблюдать, насколько далеки от реальности могут быть голоса, костюмы, жесты, действия и сюжеты и, несмотря на это, они всё же оказывают сильнейшее воздействие на человеческий мозг. Если это кажется странным, стоит вспомнить эксперимент с чайками: птенцы были готовы реагировать на макеты родителей, состоящие из чего-то, слишком отдалённо напоминающего взрослую чайку, — из палки с тремя красными пятнами. Наша реакция на в высшей степени стилизованные обряды оперы, пожалуй, не менеестранна.

Яркой иллюстрацией этого же принципа служат детские игрушки и куклы. Например, в лице тряпичной куклы некоторые черты преувеличены, а другие отсутствуют вообще. Глаза становятся огромными чёрными пятнами, в то время как брови просто исчезают. Рот растянут в широченной ухмылке, в то время как нос уменьшен до двух маленьких точек. Входя в магазин игрушек, вы попадаете в мир контраста супернормальных и субнормальных стимулов. Более реалистично выглядят лишь игрушки для детей старшего возраста — в них столь разительных контрастов нет.

То же самое можно сказать и о рисунках самих детей. В изображениях человеческого тела черты, которые они считают наиболее существенными, всегда увеличены; те же, которые для них неважны, обычно уменьшены или отсутствуют вообще. Как правило, наиболее непропорционально увеличенными бывают голова, глаза и рот. Это как раз те части тела, которые для маленького ребёнка имеют самое большое значение, так как служат для визуального восприятия и общения. Уши же никакой особой выразительностью не обладают, поэтому они сравнительно неважны, а, следовательно, зачастую просто упускаются.

Зрительный экстремизм такого рода очень распространён и в искусстве первобытных людей. Размеры голов, глаз и ртов обычно супернормальны по сравнению с размерами тела, а другие черты, как и в детских рисунках, уменьшены. Тем не менее, в разных случаях для преувеличения выбираются различные стимулы. Если изображается бегущий человек, необычно длинными становятся его ноги. Если человек просто стоит и ничего не делает ни ногами, ни руками, они могут быть изображены в виде неких обрубков или же отсутствовать вообще. Если статуэтка доисторического периода должна была демонстрировать плодовитость, её черты, говорящие о воспроизведении потомства, становились супернормальными, а всему остальному ни малейшего внимания не уделялось. У такой фигурки огромных размеров живот, невероятно выступающие ягодицы, широкие бёдра и

большая грудь, но в то же время могут отсутствовать ноги, руки, шея или голова.

Графические манипуляции такого рода часто воспринимаются как некое уродство — как будто красоте человеческого тела нанесён ущерб и она искажена со злым умыслом. Ирония же заключается в том, что, если бы критики обратили внимание на собственное тело, они обнаружили бы, что оно не совсем «совершенно». Вне всяких сомнений, они не меньше обременены «деформирующими» супернормальными и субнормальными принципами, чем дети или первобытные художники.

Притягательность экстремизма стимулов в искусстве определяется тем, как эти преувеличения варьируются в зависимости от случая и места, а также тем, как при помощи модификаций образуются новые формы гармонии и равновесия. В современном мире такого рода зрительные преувеличения наиболее часто встречаются в рисованных мультипликационных фильмах, а некую особую их форму следует искать в карикатурных изображениях. Профессиональный карикатурист берёт естественно преувеличенные черты лица своей жертвы и делает эти (и без того существующие) преувеличения ещё большими, уменьшая при этом то, что внимания не привлекает. К примеру, большой нос можно увеличить до такой степени, что, в конце концов, его размер окажется вдвое или даже втрое больше настоящего, причём, несмотря на это, лицо станет ещё более узнаваемым. Дело в том, что мы опознаём отдельно взятые лица, сопоставляя их в сознании с неким идеализированным «типичным» человеческим лицом. Если у какого-то конкретного лица есть некие определённые атрибуты, которые сильнее или слабее, больше или меньше, длиннее или короче, темнее или светлее, чем у того лица, которое мы считаем «типичным», они оказываются тем, что мы запоминаем лучше всего. Чтобы нарисовать хорошую карикатуру, художник должен интуитивно чувствовать, какие именно черты являются для нас отличительными, а затем супернормализовать наиболее сильные из них и субнормализовать слабые. В основном это практически тот же принцип, который применяется в рисунках детей и первобытных людей, за тем лишь исключением, что внимание карикатуриста прежде всего концентрируется на индивидуальных особенностях.

Для всех видов творчества, связанных со зрительным восприятием, на протяжении практически всей их истории был характерен экстремизм стимулов. Супернормальные и субнормальные модификации в изобилии присутствуют почти во всех формах раннего искусства, но с течением времени в европейском искусстве стал всё более доминировать реализм. На художников и скульпторов легла нелёгкая задача — изображать внешний мир настолько точно, насколько это возможно, и только когда в XIX веке технике (благодаря изобретению фотографии) удалось взять эту нелёгкую ношу на себя, художники, наконец, смогли вернуться к более свободной манипуляции темами. Сначала их реакция была очень медленной, и, хотя цепи были разорваны ещё в XIX веке, лишь в XX от них удалось избавиться окончательно. По мере того, как экстремизм стимулов стал заявлять о себе всё громче, одна за другой прокатились волны протеста, и вновь воцарилось правило: "Усиливай нужное иотсекай лишнее".

Когда современные художники стали использовать подобного рода манипуляции в изображении человеческого лица, это вызвало бурю недовольства. Такие картины отказывались признавать, считая их упадническим безумием, как будто они являлись отображением некой новой болезни XX века, а не возвратом к одному из основных принципов искусства — желанию вести борьбу за стимул. Мелодраматические преувеличения человеческого поведения в театральных постановках, балетах и операх, а

также усиленные до крайности человеческие эмоции, выраженные в песнях и стихах, были с радостью приняты, но для принятия такого же экстремизма стимулов в видах творчества, связанных лишь со зрительным восприятием, потребовалось некоторое время. Когда стали появляться абстрактные картины, люди, готовые в полной мере наслаждаться полной абстракцией любого музыкального действия, отзывались о них как об абсолютно бессмысленных, но ведь музыку никто и никогда не запикивал в эстетическую "смирительную рубашку" и не заставлял её отображать лишь естественные звуки!

Я определил супернормальный стимул как искусственное преувеличение стимула естественного, но это может быть применимо и к стимулу изобретённому. Позвольте в качестве примера привести два показательных случая. Вне всяких сомнений, розовые губки красивой девушки есть не что иное, как абсолютно естественный биологический стимул. Если она специально выделяет их, крася более яркой губной помадой, она, несомненно, преобразует их в стимул супернормальный. Здесь всё просто, и это как раз один из тех примеров, на которых до сих пор было сконцентрировано наше внимание.

А как насчёт нового блестящего мотоцикла? Он может быть фактором не менее стимулирующим, хотя сам по себе является не чем иным, как стимулом, искусственно изобретённым. Такой естественной биологической модели, с которой его можно было бы сравнить, чтобы понять, был ли он супернормализован или нет, не существует. И всё же, если мы посмотрим на различные мотоциклы, мы с лёгкостью выделим те, которые, на наш взгляд, обладают некоторыми супернормальными качествами: они больше по размеру и впечатляют гораздо сильнее, чем все остальные. На самом деле производители мотоциклов не менее ориентированы на создание супернормальных стимулов, чем производители губной помады. Ситуация же с мотоциклами подвержена изменениям больше, так как никакой естественной биологической основы, которую следует учитывать, здесь нет, но по существу процесс ничем не отличается. Как только изобретается новый стимул, он сам вырабатывает свою основу. На любой момент истории мотоциклов можно сделать эскиз того мотоцикла, который был типичен, наиболее распространён, а, следовательно, и «нормален» для того или иного периода. Вместе с тем можно сделать эскиз необычайно роскошного и дорогого мотоцикла, который в то или иное время был транспортным средством супернормальным. Единственное отличие между этим примером и примером с губной помадой заключается в том, что "нормальная основа", от которой зависит существование мотоцикла, изменяется с развитием технического прогресса, в то время как естественно розовые губы остаются всё теми же естественно розовыми губами.

Итак, мы видим, что супернормальный принцип не только широко применим, но и затрагивает практически все наши стремления. Освобождённые от проблем, связанных с выживанием, мы выжимаем последнюю каплю стимулов из всего, что только попадает под руку. В результате иногда созданные нами же стимулы мы оказываемся неспособными «переварить». Загвоздка при наделении стимулов большей мощью заключается в том, что мы, будучи вынужденными реагировать на них ещё сильнее, рискуем полностью израсходовать свои силы. Мы измучены и начинаем соглашаться со словами Шекспира:

...Раскрасить розу, злато позлатить,
Обрызгать ароматами фиалку...
Напрасный это и пустой излишек.

Но в то же время мы вынуждены признать и правоту Оскара Уайлда, сказавшего, что "только крайность ведёт к успеху". Итак, что же мы делаем? Всё очень просто — мы пускаем в ход ещё один принцип борьбы за стимул. Его суть заключается в следующем: так как супернормальные стимулы настолько сильны, что, пытаясь реагировать на них, мы можем израсходовать все силы, нам следует время от времени менять элементы, выбираемые для усиления. Другими словами, мы меняем характер перемен. Обычно переключения такого рода крайне драматичны, так как происходит глобальное изменение всего ранее намеченного курса, и всё же это не означает, что следование конкретному курсу в борьбе за стимул прекращается. Вовсе нет, изменяется лишь расстановка супернормальных акцентов, и, пожалуй, самый яркий пример работы этого принципа — мирмодной одежды и аксессуаров.

В женской одежде, где сексуальность стоит на первом месте, этот принцип положил начало тому, что профессионалы в области моды называют "законом смены эрогенных зон". Сама по себе эрогенная зона — это область тела, наделённая нервными окончаниями, реагирующими на прикосновение сексуальным возбуждением. Основными считаются область половых органов, грудь, рот, мочки ушей, ягодицы и бёдра; иногда к этому списку добавляются шея, подмышки и пупок. Женская мода направлена, разумеется, не на осязание, а на демонстрацию (или закрытие) этих чувствительных областей. В крайних случаях все эти области могут быть либо открыты, либо, наоборот, закрыты, как у арабских женщин в национальных одеждах. Тем не менее, в большинстве суперплеменных сообществ, как правило, одни области демонстрируются, в то время как другие остаются закрытыми. В качестве альтернативы можно, будучи одетой, подчеркнуть одни зоны, оставив другие без внимания.

Закон смены эрогенных зон заключается в том, что, по мере того, как проходит время и меняется мода, концентрация внимания на одной области сменяется концентрацией внимания на другой. Если современная женщина подчёркивает одну зону слишком долго, её привлекательность теряется, а значит, для того чтобы вновь вызвать к ней интерес, необходим новый супернормальный шок.

В последнее время две основные зоны — грудь и ягодицы, — в большинстве случаев оставаясь сокрытыми, всё же подчёркивались множеством различных способов. Например, для увеличения этих форм подкладывают что-либо в нужных местах; чтобы подчеркнуть формы, носят облегающую одежду. Иногда же, оставляя эти области под покровом тени, стараются обнажить другие участки плоти настолько, насколько это возможно. Когда дело касается демонстрации груди, вырезы могут начинаться от пупка, но длина платьев при этом значительно увеличивается. Когда зона интереса меняется и юбки становятся короче, поднимается линия шеи. Во времена популярности голых талий и пупков другие зоны, как правило, тщательно прикрывают, вплоть до того, что начинают носить очень длинные брюки.

Для дизайнеров модной одежды огромная проблема заключается в том, что их супернормальные стимулы связаны с основными биологическими особенностями. Тот факт, что существует лишь несколько наиболее важных зон, создаёт строгие ограничения и вынуждает дизайнеров прибегать к опасно повторяющимся циклам, и с этой трудной задачей им удаётся справиться только благодаря своей выдающейся изобретательности. Впрочем, всегда можно манипулировать зонами головы: мочки ушей можно подчеркнуть серёжками, шею — шейным платком, лицо — косметикой. Закон смены эрогенных зон действует и здесь, так как, когда в моду входит особенно яркий макияж глаз, губы становятся бледнее и

очерченными менее чётко.

Циклы мужской моды следуют курсом практически противоположным. Мужчина в последнее время ориентирован, скорее, на демонстрацию своего положения, чем на подчёркивание сексуальности. Высокое положение означает возможность иметь досуг, а наиболее характерным костюмом для досуга является спортивная одежда. Специалисты, изучающие историю моды, обнаружили, что практически всю одежду современного мужчины можно классифицировать как "одежду, в прошлом спортивную". Такое происхождение можно проследить даже у костюмов наиболее официальных.

Вот, как работает эта система. В любой конкретный момент истории существовал некий многофункциональный костюм, подходящий для элитного вида спорта, считавшегося популярным на тот момент. Ношение такого костюма означало, что у вас достаточно времени и средств для занятий этим видом спорта. Такую демонстрацию статуса можно супернормализовать, если использовать этот костюм в качестве одежды повседневной, даже не имея к данному виду спорта никакого отношения. Сигналы, испускаемые спортивной одеждой, говорят: "У меня достаточно свободного времени"; почти то же самое они могут означать и тогда, когда человек никакого отношения к спорту не имеет, так как позволить себе им заниматься не может. Через некоторое время, когда такая одежда становится общепринятым повседневным костюмом, она теряет своё воздействие. Тогда на смену этому виду спорта должен придти новый, с его новым, не менее необычным костюмом.

В XIX веке средством для демонстрации высокого положения английских джентльменов была охота. Специально для таких случаев была разработана практичная одежда: пальто обрезалось спереди, и таким образом сзади получалось некое подобие фрака. Джентльмены отказались от больших мягких шляп и начали носить жёсткие цилиндры (послужившие прототипом защитных касок). Этот костюм получил широкое распространение, как только приобрёл статус принадлежности к элитному виду досуга. Сначала в качестве повседневной одежды этот несколько модифицированный охотничий костюм стали использовать молодые люди знатного происхождения (молодые жизнелюбы того времени). Это воспринималось как верх дерзости. Мало-помалу эта тенденция получила широкое распространение (молодые жизнелюбы повзрослели), и к середине XIX века фрак и цилиндр стали обычной повседневной одеждой.

Члены общества, желающие продемонстрировать сигналы, свидетельствующие об их способности позволить себе супернормальный отдых, почувствовали необходимость заменить цилиндр и фрак, ставшие общепринятыми и традиционными, на что-то новое. Элитными видами спорта оказались стрельба, рыбная ловля и гольф. Элита стала носить котелки и пиджачные костюмы в клетку, мягкие спортивные шапочки переросли в фетровые шляпы. С наступлением XX века пиджачный костюм приобрёл статус деловой одежды и стал более тёмных расцветок. "Привычный костюм", состоящий из цилиндра и фрака, стали использовать только для особых случаев, например, для свадебных торжеств. Он мог служить и в качестве вечернего наряда, но здесь его практически уже догнал пиджачный костюм, отобрав длинные фалды для создания смокинга.

Как только пиджачный костюм утратил свою дерзость, его тоже постарались заменить чем-то, имеющим большее отношение к спорту. Охота для этого уже не годилась, а вот верховая езда всё ещё была в почёте — и вот мы опять "на коне". Вскоре короткая куртка наездника стала известна как "спортивная куртка". Забавно, что, как только её стали так называть, свою истинно спортивную функцию она сразу же утратила. Она превратилась в

новую повседневную одежду, каковой остаётся и по сей день, хотя постепенно начала проникать и в мир деловых людей. В кругах наиболее дерзких модников (под видом особого рода смокинга) она проникла даже в святая святых — неофициальные вечерние приёмы.

Вместе со спортивной курткой в повседневную жизнь постепенно входил и трикотажный джемпер с воротом «поло». Поло было ещё одним элитным видом спорта, и ношение джемпера с высоким воротником, считавшегося принадлежностью этой игры, мгновенно придавало его счастливому обладателю определённый статус. Но и эта столь характерная деталь одежды свою дерзкую привлекательность уже потеряла: её шёлковый двойник был недавно впервые надет со смокингом. Магазинам тотчас же пришлось пережить нашествие молодых людей, требующих этот самый последний удар по формальности. Возможно, такой джемпер и утратил своё воздействие в качестве повседневной одежды, но как одежда вечерняя он всё ещё был способен шокировать, а значит, расширялась сфера его распространения.

В течение последних пятидесяти лет встречались и другие аналогичные случаи. Блейзеры яхтсменов с латунными пуговицами носили те, кто никогда не ступал на борт яхты; лыжные костюмы носили люди, никогда не видевшие покрытой снегом горы. До тех пор, пока какой-нибудь вид спорта будет престижным и дорогостоящим, его будут грабить, лишая костюмных сигналов.

В течение XX столетия престижные виды спорта до определённой степени заменила традиция ездить в более тёплые климатические условия. Это началось со всеобщего увлечения Французской Ривьерой. Приезжающие туда туристы начинали носить свитера и рубашки, подобные тем, что носили местные рыбаки. Вернувшись домой, они надевали модифицированные модели этих же свитеров и рубашек, демонстрируя тем самым возможность позволить себе такой дорогостоящий отдых. На рынке сразу же появилась новая линия повседневной одежды.

В Америке у состоятельных мужчин, занимающих высокое положение, стало модным иметь ранчо, где они одевались в модифицированную ковбойскую одежду. Тотчас же многие молодые городские жители, ранчо не имевшие, появились на улицах в ковбойских костюмах (ещё более модифицированных). Можно, конечно, полагать, что на них оказали влияние вестерны, но в это не очень-то верится, так как в этом случае такой костюм по-прежнему оставался бы маскарадным, а вот если современные настоящие мужчины, занимающие высокое положение, носят его во время отдыха, тогда всё в порядке и вскоре он получит широкое распространение.

Вам может показаться, что ни один из этих примеров не объясняет эксцентричности в одежде юноши-подростка, который не считается с условностями и носит галстуки, длинные волосы, шейные платки, разноцветные шарфы, браслеты, ботинки с пряжками, брюки-клёш и рубашки с кружевными манжетами. Из какого вида спорта он всё это взял? Если говорить о девочке-подростке с её коротенькой юбкой, то здесь всё понятно: помимо того, что она переместила свою эрогенную зону на бёдра, она лишь "вырвала лист эмансипации" из мужской книги моды и украла спортивный костюм, чтобы носить его каждый день. Теннисная юбка 30-х годов и юбка для катания на коньках 40-х годов XX века были уже практически готовыми мини-юбками; для превращения в повседневную одежду дерзкому дизайнеру оставалось лишь слегка их модифицировать. Ну а разодетый молодой человек? Что же он-то такое делает? Принимая во внимание недавно заявившую о себе молодёжную субкультуру, ответ, кажется, заключается в том, что появилась необходимость создания

нового, гармонирующего с ней костюма, который имел бы как можно меньше общего со столь ненавистной субкультурой взрослых. Статус в молодёжной субкультуре с деньгами практически не связан, но зато имеет много общего с сексуальной привлекательностью и половой зрелостью. Это вовсе не означает, что в одежде молодых людей появилось много деталей женской одежды потому, что они стали женоподобными (расхожее мнение старших); скорее, это говорит о том, что они более ориентированы на демонстрацию своей сексуальной привлекательности. В недавнем прошлом внимание этому уделяли в основном женщины, но сейчас это касается обоих полов. На самом деле это можно считать возвратом к мужской манере одеваться, существовавшей ещё до XVIII века. Мы можем стать свидетелями возвращения и усовершенствованной косметики для мужчин. Трудно сказать, как долго продлится этот этап, потому что всё это постепенно начнут перенимать и мужчины взрослые, которых и так уже раздражают молодые люди, выставляющие свою сексуальность напоказ. Возвратом к демонстрации качеств самца молодые люди, принадлежащие к молодёжной субкультуре, нанесли удар по самому больному месту: ведь сексуальная потенция у мужчин сильнее всего в 16–17 лет. Отказавшись от одежды, говорящей об элитном отдыхе, и заменив её одеждой, говорящей о сексе, они выбрали идеальное оружие, и всё же — молодёжь взрослеет. Было бы интересно посмотреть, что будет лет через двадцать, когда появится новая молодёжная субкультура.

Значит, практически всё, что мы носим сегодня, есть не что иное, как результат принципа борьбы за стимул, заключающегося в характере перемен, направленных на то, чтобы вызвать шок от внезапной новизны. То, что дерзко сегодня, становится обычным завтра и приевшимся послезавтра, и мы быстро забываем, откуда это взялось. Кто из мужчин, облачаясь во фраки и цилиндры, осознаёт, что надевает костюм сквайра конца XVIII века, отправлявшегося на охоту? Сколько бизнесменов, одетых в тёмные пиджачные пары, осознают, что подражают одежде некоего спортсмена начала XIX века? А сколько молодых людей, одетых в спортивные куртки, считают себя наездниками? Сколько юношей, одетых в рубашки с открытым воротом и широкие вязаные свитера, считают себя средиземноморскими рыбаками? И сколько девушек в мини-юбках считают себя теннисистками или фигуристками?

Шок проходит, новый стиль быстро усваивается, и тогда на место одного стимула должен придти другой. Но мы можем быть полностью уверены: каким бы дерзким ни было сегодняшнее нововведение в мире моды, завтра оно станет респектабельным, а затем из моды выйдет, превратившись в напыщенную формальность, так как на его место придёт нечто новое и мятежное. Только постоянно сменяясь, крайности в мире моды, эти супернормальные стимулы дизайна, могут добиться влияния на массы. Возможно, необходимость есть не что иное, как мать изобретения, но, если говорить о супернормальных стимулах, затрагивающих мир моды, будет верным и то, что новизна есть не что иное, как мать необходимости.

Итак, мы рассмотрели пять принципов борьбы за стимул, которые связаны с усилением поведенческих реакций индивида. Иногда же появляется необходимость в тенденции совершенно противоположной. Когда это происходит, вступает в силу шестой и последний принцип.

6. Если стимулы слишком сильны, вы можете ослабить свои поведенческие реакции, снижая способность реагировать на эмоции, поступающие извне.

Этот принцип связан с "отсечением лишнего". Для некоторых животных в зоопарке

заклучение оказывается пугающим и приводит к стрессам, особенно когда они только что прибыли, переехали в новую клетку или же оказываются в одной клетке вместе с враждебно настроенными или неподходящими соседями. Находясь в возбуждённом состоянии, животные могут страдать от переизбытка стимулов. Когда это происходит, и они не в состоянии ни сбежать, ни спрятаться, им необходимо выключить стимулы, поступающие извне. Они могут сделать это, просто забравшись в угол и закрыв глаза. Это, по крайней мере, даёт возможность избавиться от стимулов визуальных. Чрезмерный, слишком продолжительный сон (средство, используемое как животными, так и людьми) также годится как некая особая форма отсечения, но животные не имеют возможности вечно сидеть в углу или спать.

Бодрствуя, они некоторым образом могут снять напряжение, прибегнув к «стереотипам» — маленьким уловкам (повторяющимся подёргиваниям, раскачиваниям, прыжкам, поворотам), которые, благодаря постоянным повторам, стали ещё и неким успокоительным средством. Дело в том, что для животного, страдающего от переизбытка стимулов, окружающая среда кажется настолько странной и пугающей, что любое, даже самое бессмысленное действие (если только оно давно знакомо) будет действовать успокаивающе — как будто в толпе встретился старый друг. Такие стереотипы можно наблюдать в любом вольере: огромные слоны ритмично покачиваются взад-вперёд; молодой шимпанзе раскачивается из стороны в сторону; белка бегает по кругу, подобно гонщику по вертикали; тигр трётся носом о решётку до тех пор, пока не обдирает его до крови.

Если некоторые модели поведения, связанные с переизбытком стимулов, время от времени наблюдаются у животных, страдающих от скуки, в этом нет ничего удивительного, так как стресс, вызванный крайней нехваткой стимулов, в известном смысле ничем не отличается от стресса, вызванного их переизбытком. Обе эти крайности неприятны, и связанный с ними дискомфорт вызывает стереотипную реакцию, так как животное отчаянно пытается избавиться от них и вернуться к стимулам умеренным — «золотой» середине, которая и есть цель борьбы за стимул.

Если обитатель "людского зверинца" начинает испытывать переизбыток стимулов, он также прибегает к принципу "отсечения лишнего". Когда различные принципы громогласно заявляют о себе и начинают конфликтовать друг с другом, ситуация становится невыносимой. Если мы в состоянии убежать и спрятаться, тогда всё в порядке, но наши обязательства по отношению к жизни в суперплемени этого сделать обычно не позволяют. Мы можем закрыть глаза и заткнуть уши, но здесь нужно нечто большее, чем беруши и повязка на глаза.

В крайнем случае, мы прибегаем к искусственным средствам: принимаем успокоительные таблетки, снотворное (иногда так много, что уходим от проблем навсегда), чрезмерное количество алкоголя и различные наркотические вещества. Этот вид борьбы за стимул можно назвать "химическим сном". Для того чтобы ответить на вопрос: "Почему именно так?", стоит подробнее коснуться сна естественного.

Огромная ценность нормального ночного сна заключается в том, что он даёт нам возможность разобраться в хаосе прошедшего дня и разложить всё по полочкам. Представьте офис, куда за день приходят горы документов, бумаг и писем. Столы завалены ими доверху, и работники не могут справиться с потоком материалов и информации. В течение дня им не хватает времени, чтобы всё это разобрать; они отправляются домой, оставив в офисе полный беспорядок. На следующее утро поток документов возобновится с новой силой, и ситуация

мгновенно выйдет из-под контроля.

Если в течение дня мы страдаем от переизбытка стимулов в результате того, что наш мозг получает слишком много новой информации (большой частью противоречивой и трудно поддающейся классификации), мы ложимся спать в состоянии, похожем на то, в каком был оставлен в конце рабочего дня только что упомянутый офис. Но нам повезло больше, чем перегруженным работой сотрудникам: ночью в «офис», находящийся в нашей черепной коробке, кто-то приходит, всё разбирает и аккуратно раскладывает по полочкам, готовя его к натиску следующего дня. Этот процесс, происходящий в мозгу человека, мы и называем «сном». Во время сна мы можем отдохнуть физически; практически так же мы можем отдохнуть, если просто пролежим всю ночь. Но, бодрствуя, мы не будем видеть сновидения, следовательно, основной функцией сна является сновидение, а не отдых наших уставших членов. Мы спим для того, чтобы видеть сновидения, и видим их большую часть ночи. Новая информация укладывается в нашей голове, и мы просыпаемся с отдохнувшим мозгом, готовые начать ещё один трудный день.

Если дневная жизнь становится слишком напряжённой и мы испытываем слишком сильный переизбыток стимулов, обычный механизм сновидений подвергается серьёзным испытаниям. Это приводит к пристрастию к наркотикам, а также грозит опасностями, связанными с "химическим сном". Мы тщетно надеемся, что наркотики или лекарства создадут некое подобие сновидений. Но они, хотя и могут эффективно способствовать отключению от информации, хаотично поступающей извне, как правило, ничего общего с позитивной функцией сновидения — сортировкой и размещением информации — не имеют. Когда их действие проходит, временное обманчивое облегчение исчезает, а проблема остаётся. Таким образом, это средство обречено разочаровывать, а в придачу ко всему ещё и вызывать зависимость.

Возможен ещё один вариант — это стремление к так называемому сну-медитации, где похожее на сон состояние достигается благодаря специальным занятиям, таким как йога и тому подобное. Все состояния, похожие на транс или ступор, которые достигаются благодаря йоге, гипнозу и некоторым магическим и религиозным ритуалам, имеют общие свойства. Ритмичные повторения слов или движений приводят к состоянию отстранённости от нормальных внешних стимулов, что может уменьшить тот огромный и зачастую противоречивый поток информации, от которого страдает чрезмерно стимулированный индивид. Следовательно, такие состояния похожи на различные формы "химического сна", но пока о том, какую пользу они могут приносить, практически ничего не известно.

Если человеку не удастся избежать продолжительного переизбытка стимулов, он рискует заболеть умственно или физически. Вызванные стрессом заболевания или нервные расстройства, если повезёт, могут сами по себе служить лекарством. Из-за своей беспомощности больной вынужден отключиться от всего, поступающего к нему извне, и его постель становится его убежищем.

Тот, кто знает свою подверженность переизбытку стимулов, часто вырабатывает предупреждающий сигнал: могут разболеться старые травмы, распухнуть миндалины, занять больной зуб, появиться сыпь или возобновиться головная боль, могут появиться лёгкие судороги. У многих людей есть такие слабые места, которые, скорее, старые друзья, чем враги, так как они предупреждают о перенапряжении и сигнализируют, что во избежание чего-то худшего пора остановиться. Если, как часто бывает, людей убеждают в необходимости излечиться от этих незначительных недомоганий, им не следует бояться того,

что они лишатся заблаговременного предупреждения, — можно гарантировать, что вскоре место излеченного старого займёт какой-нибудь новый подобный симптом. В медицине такое явление носит название "меняющийся синдром".

Причину страданий членов суперплемени от такого перегруженного состояния понять довольно легко. Как вид мы изначально были крайне активны и из-за своих особых потребностей к выживанию пытались узнать как можно больше — нашим охотящимся предкам досталась непростая роль. Сейчас же, несмотря на то, что окружающая среда практически находится под контролем, мы всё ещё обременены нашей древней системой, заставляющей нас быть крайне деятельными и не менее любопытными. И хотя мы уже достигли той стадии, когда, казалось бы, можно позволять себе почаще прилечь и подольше отдохнуть, так нет же — мы не можем, вместо этого мы вынуждены вести борьбу за стимул! Поскольку эта борьба — дело для нас новое, мы ведём её ещё не очень умело: то заходим слишком далеко, то делаем недостаточно, а это значит, что как только мы чувствуем переизбыток стимулов и активности или их недостаток, то сразу же пытаемся избавиться от любой из этих крайностей и заняться чем-то, что должно опять привести нас к «золотой» середине оптимальных стимулов и оптимальной активности. Наиболее удачливые оказываются в состоянии сохранять равновесие; остальных же заносит то в одну, то в другую сторону.

В определённой степени нас выручает то, что мы медленно приспосабливаемся. Мирно и спокойно живущий сельский житель привыкает к своему образу жизни. Если бы занятой горожанин внезапно попал в этот мир тишины и спокойствия, ему вскоре стало бы невыносимо скучно. Если бы сельский житель оказался в центре суматошной и хаотичной городской жизни, очень скоро она показалась бы ему полной стрессов. Если вы — житель города, то вам хорошо бы провести выходные на природе (это действует как дестимулятор), а если вы живёте в сельской местности, то для стимуляции совсем неплохо побыть денёк в городе — это удовлетворяет принципу равновесия в борьбе за стимул. Но стоит задержаться в непривычной среде подольше — и баланс будет потерян.

Интересно, что мы испытываем гораздо меньше сочувствия к человеку, которому не удалось приспособиться к низкой степени деятельности, чем к тому, кто не смог привыкнуть к высокой. Скучающий и бездеятельный человек раздражает нас больше, чем беспокойный и обременённый заботами. Оба не смогли разумно повести борьбу за стимул, оба, скорее всего, станут раздражительными и озлобятся, но мы больше склонны простить того, кто перенапрягся. Причина заключается в том, что именно повышение уровня на, казалось бы, недостижимую высоту способствует, среди прочего, нашему культурному прогрессу. Именно те, кто вновь и вновь пытается познать то, что нас окружает, станут величайшими новаторами и изменят мир, в котором мы живём. Тем, кто в борьбе за стимул лучше сохраняет равновесие и добивается большего успеха, безусловно, тоже удастся что-то открыть, но, скорее всего, это будут новые вариации на старые темы, а не кардинально новые принципы. Впрочем, эти индивиды будут более счастливы и лучше приспособлены к жизни.

Может быть, вы помните, что в самом начале я упомянул, что ставки в игре необычайно высоки: мы ставим на кон своё счастье, а иногда и рассудок. Из этого следует, что чересчур любознательные новаторы должны быть относительно несчастны и даже иметь склонность к психическим заболеваниям. Принимая во внимание цель борьбы за стимул, мы можем предсказать, что, несмотря на их величайшие достижения, жизнь таких мужчин и женщин зачастую очень непроста и беспокойна. В подтверждение этого у истории есть масса

примеров. Упрямство и беспокойное поведение таких людей требует от нас особого терпения. Мы интуитивно чувствуем, что это — неизбежные последствия той неуравновешенности, с которой они ведут борьбу за стимул, но в следующей главе мы увидим, что далеко не всегда оказываемся столь понимающими.

Глава 7

ВЗРОСЛЫЙ РЕБЁНОК

Детские игры во многом похожи на борьбу взрослых за стимул. Родители ребёнка берут на себя заботу о его выживании, и поэтому у него остаётся масса неизрасходованной энергии, сжиганию которой и способствуют игры.

Но есть здесь и некоторые различия. Как мы уже знаем, у взрослых существуют различные способы ведения борьбы за стимул, один из которых заключается в изобретении новых моделей поведения. В игре этот элемент гораздо сильнее; для растущего ребёнка практически любое производимое им действие есть не что иное, как новое изобретение. Наивность ребёнка, недостаточное знание окружающей среды заставляют его включиться в бесконечный новаторский процесс. Для ребёнка всё новое, каждый этап игры несёт какие-нибудь открытия: познание самого себя, своих способностей и возможностей, а также обретение новых сведений об окружающем мире. Вовсе не обязательно, что целью игры станет развитие изобретательности, но всё же это — одна из основных её черт и наиболее ценная награда за победу.

Исследования и изобретения детства обычно незначительны и мимолётны. Сами по себе они мало что значат, но если с течением времени удаётся сохранить способность удивляться, любознательность, желание искать, находить и познавать, с тем чтобы вести более зрелую борьбу за стимул, оставляющую в тени менее стоящие альтернативы, тогда можно считать, что выиграна одна из важнейших битв — битва за творчество.

Многие ломают голову над секретом творчества — я же придерживаюсь той точки зрения, что в своей основе это не что иное, как распространение важных качеств ребёнка на взрослую жизнь. Ребёнок задаёт новые вопросы, взрослый отвечает на старые, взрослый ребёнок находит ответы на новые вопросы. Ребёнок изобретателен, взрослый продуктивен, взрослый ребёнок продуктивен в своей изобретательности. Ребёнок открывает для себя окружающий мир, взрослый его формирует; взрослый ребёнок формирует свои открытия, упорядочивает и подкрепляет их доказательствами — он творит.

Этот феномен стоит изучить более подробно. Если молодого шимпанзе или ребёнка поместить в комнату, где есть одна-единственная знакомая ему игрушка, он, поиграв какое-то время, потеряет к ней всякий интерес. Если ему дать, скажем, пять знакомых игрушек, он будет играть то здесь, то там, перемещаясь от одной игрушки к другой. К тому моменту, когда он вернётся к первой, она опять покажется ему новой и на какое-то время достойной внимания. Если же ему предложить незнакомую, абсолютно новую игрушку, она сразу же поглотит всё его внимание и вызовет сильное эмоциональное возбуждение.

Реакция на новую игрушку и есть первый основной элемент творчества, но это лишь одна стадия процесса. Сильное желание человека, как представителя вида, делать открытия заставляет нас исследовать новую игрушку и подвергать её всем испытаниям, какие только приходят в голову. Как только мы заканчиваем наши исследования, незнакомая игрушка становится знакомой, и тут вступает в силу наша изобретательность, которая и помогает использовать эту игрушку (или то, что мы узнали благодаря ей) для постановки и решения новых проблем. Если путём сопоставления опыта, полученного от различных игрушек, мы смогли увидеть нечто большее, чем то, с чего начали, наш подход можно назвать творческим.

Если молодого шимпанзе поместить в комнату, где есть, ну, скажем, обычный стул, он, прежде всего, начнёт исследовать этот предмет: дотрагиваться до него, бить по нему, кусать, обнюхивать и залезать на него. Через некоторое время все эти беспорядочные действия станут более структурированными. К примеру, он может начать прыгать через стул, используя его в качестве гимнастического снаряда: он «изобрёл» гимнастического коня и «придумал» новое гимнастическое упражнение. Он умел перепрыгивать через различные предметы и раньше, но делал это несколько иначе. Сопоставив уже имеющийся опыт с тем, что он получил в результате исследования новой игрушки, шимпанзе придумывает новые, ритмичные прыжки. Если впоследствии ему дать нечто более сложное, он воспользуется ранее приобретённым опытом, привнеся в него некий новый элемент.

На первый взгляд процесс развития кажется очень простым, но он не всегда позволяет добиться того, чего от него ожидалось изначально. В детстве все мы проходим через эти стадии исследования, изобретения и созидания, но, став взрослым, каждый из нас творческого уровня достигает различного. В худшем случае, если требования окружающей среды слишком жестокие, мы ограничиваем круг своей деятельности лишь тем, что нам хорошо известно. Мы не рискуем проводить новые эксперименты, у нас просто нет на это ни сил, ни времени. Если окружающая среда кажется нам таящей чересчур много опасностей, мы предпочитаем уверенность разочарованиям: мы возвращаемся к тем безопасным, проверенным и знакомым занятиям, которым доверяем. Ситуация вокруг нас должна так или иначе измениться, прежде чем мы рискнём делать новые открытия.

Исследование включает в себя элемент неопределённости, а неопределённость пугает. Только две вещи могут помочь нам преодолеть эти страхи — две противоположности: одна — катастрофа, а другая — повышенное чувство защищённости. К примеру, самка крысы с огромным потомством, которое ей необходимо вырастить, находится в крайне сложной ситуации. Для того, чтобы прокормить, умыть и защитить своих детей, ей приходится работать не переставая, у неё практически не остаётся времени на исследования. Если произойдёт катастрофа (кто-нибудь разрушит нору, или случится наводнение), она будет вынуждена панически искать что-то новое. Если же, наоборот, её дети благополучно растут и ей удалось запасти много еды, давление ослабевает и, чувствуя себя более защищённой, она может посвятить познанию окружающей среды больше времени и сил.

Из всего этого следует, что существуют два вида познания: паническое и защищённое. То же относится и к человеку: во время хаоса и потрясений войны человеческое общество для преодоления последствий катастрофы, скорее всего, будет вынуждено прибегнуть к изобретательности, и, наоборот, благополучное и процветающее общество может быть в высшей степени склонно к открытиям благодаря сильному и всевозрастающему чувству защищённости. Минимальную же потребность в открытиях будет испытывать только то общество, которому едва удаётся сводить концы с концами, а может быть, оно такой потребности небудет ощущать и вовсе.

Вернувшись к истории нашего вида, несложно заметить, как эти два типа открытий способствовали прогрессу человечества. Когда наши древние предки оставили удобства, связанные со сбором фруктов и жизнью в лесу, и переселились на открытую местность, они столкнулись с серьёзными трудностями. Сложные требования новой окружающей среды поставили их перед выбором — исследовать или умереть. Это давление слегка уменьшилось только тогда, когда они превратились в опытных сплочённых охотников, и опять они оказались на той стадии, когда еле-еле сводили концы с концами. В результате они

находились в таком состоянии довольно долго — тысячи и тысячи лет; техническое развитие шло крайне медленно (например, на элементарное усовершенствование таких вещей, как домашняя утварь и оружие, потребовались сотни лет).

Ситуация улучшилась тогда, когда постепенно появилось примитивное сельское хозяйство, а окружающая среда стала более контролируемой. Там, где в этом удалось добиться большего успеха, строились города, и общество шагнуло в сферу новой, возросшей социальной защищённости. Вместе с этим пришло и стремление к другому виду познания — защищённому, а это, в свою очередь, привело к ещё более поразительным результатам, большей защищённости и большему числу открытий.

К сожалению, дело на этом не кончилось. История восхождения человека к цивилизации могла бы быть более радужной, но, к несчастью, события слишком стремительно сменяли друг-друга, маятник успехов и катастроф стал раскачиваться с безумной скоростью. Так как наши начинания абсолютно не соответствовали нашим возможностям, мы злоупотребляли великолепными социальными улучшениями и сложными разработками, как только появлялась возможность их использования. Неспособность разумно обращаться с суперстатусом и супервластью, навязанными нашим суперплеменным устройством общества, привела к новым, более неожиданным и более сложным катастрофам, чем когда-либо. Как только суперплемя подошло к фазе всеобщего процветания, когда защищённое познание стало работать в полную силу и развились прекрасные новые формы творчества, сразу что-то пошло не так. Завоеватели, тираны и агрессоры разрушили тонкие механизмы новых сложных социальных структур, и необходимость в паническом познании вновь вернулась. Для каждого конструктивного изобретения появлялся его деструктивный двойник, и этот маятник колебался то в одну, то в другую сторону на протяжении тысяч лет. Впрочем, это продолжается и по сей день: именно ужасы атомного оружия привели нас к победе над атомной энергией, и именно победа в биологических исследованиях может привести нас к ужасам войны с применением биологического оружия.

Между этими двумя крайностями всё ещё находятся миллионы людей, живущих неприхотливой жизнью, занимающихся сельским хозяйством и, подобно нашим древним предкам, возделывающих землю. Кое-где ещё есть и «первобытные» охотники: остановившись на стадии "сведения концов с концами", они, как правило, тягой к открытиям не отличаются. Подобно сохранившимся большим обезьянам — шимпанзе, гориллам и орангутанам, — они имеют потенциал для изобретений и исследований, но у них нет в этом никакой осязаемой потребности. В результате экспериментов с шимпанзе, находящимися в неволе, оказалось, что при определённых обстоятельствах они способны очень быстро развивать свой исследовательский потенциал: они могут управлять различными механизмами, рисовать картины и решать всевозможные экспериментальные задачи; но, находясь в естественной среде, они не строят даже простейших укрытий от дождя. Для них, а также для сообществ людей, живущих более примитивной жизнью, существование лишь для "сведения концов с концами" — не слишком сложное и не слишком простое — притупляет желание делать открытия. Для остальных же из нас одна крайность перетекает в другую, и мы, ведомые то переизбытком паники, то переизбытком защищённости, не прекращаем своих исследований.

Время от времени среди нас находятся те, кто, с завистью посмотрев в прошлое, на "простую жизнь" первобытных сообществ, жалеет о том, что мы когда-то покинули наш

доисторический лес. Иногда даже предпринимаются серьёзные попытки для воплощения таких мыслей в действие. Симпатизируя этим проектам, мы должны понимать, что они сопряжены с массой трудностей. Прежде всего, псевдопримитивные сообщества, которые в последнее время стали появляться в Северной Америке и других странах, изначально слабы, так как образованы искусственным путём. Они состоят из индивидов, испробовавших как прелести, так и ужасы существования в суперплемени. В течение всей жизни они находились в условиях высокого уровня умственной деятельности и в определённом смысле потеряли свою социальную «невинность» (а потеря невинности, как известно, процесс необратимый).

На первый взгляд может показаться, что у неопримитивного человека всё идёт хорошо, но это обманчиво. На самом же деле уже изначально возврат к простому образу жизни бросает вызов бывшему обитателю "людского зверинца". В теории его новая роль может быть очень проста, на практике же оказывается, что она сопряжена со множеством новых проблем. Создание псевдопримитивного сообщества группой бывших жителей города на самом деле есть не что иное, как серьёзный исследовательский поступок. Именно это, а не формальный возврат к простоте делает подобный проект столь привлекательным. Но что же происходит, когда первоначальный вызов принят и трудности преодолены? Будь то сельская община, живущая в отдалённых районах, или группа, обитающая в пещерах, или же самоизолировавшаяся псевдопримитивная группа, находящаяся где-то в черте города, — ответ один и тот же: наступает разочарование, так как монотонность проникает в мозг, который уже привык к более высокому суперплеменному уровню, и, следовательно, группа либо распадается, либо начинает действовать. Если новая деятельность позволяет добиться успеха, сообщество вскоре обнаружит, что оно становится организованным, число его членов увеличивается, и в мгновение ока оно снова вернётся к суперплеменной "мышинной возне".

В конце XX века довольно трудно оставаться естественным примитивным сообществом, подобным эскимосам. Псевдопримитивные сообщества мы в расчёт не берём; даже стойкие европейские цыгане постепенно становятся жертвами беспрестанно разрастающегося "людского зверинца".

Трагедия тех, кто хочет решить свои проблемы возвратом к простой жизни (даже если им как-то удастся «разгрузить» свой в высшей степени возбуждённый мозг), заключается в том, что в своих маленьких мятежных сообществах такие индивиды по-прежнему останутся крайне уязвимыми: "людской зверинец" вряд ли оставит их в покое. Их либо будут использовать в качестве местной достопримечательности и показывать туристам, как поступают сегодня с настоящими примитивными сообществами, либо (если они станут раздражающим фактором) на них будут давить и добьются распада. От суперплеменного чудовища не спастись, и поэтому нам стоит попробовать извлечь из этого максимальную выгоду.

Если уж мы приговорены к сложному существованию в социуме (а это, кажется, так и есть), тогда вся хитрость состоит в том, чтобы мы могли использовать его и не позволять ему использовать нас. Если мы знаем, что вынуждены вести борьбу за стимул, очень важно выбрать наиболее эффективный подход, который принесёт нам большую выгоду. Как я уже говорил ранее, лучше всего сделать это, отдав приоритет принципу изобретений и исследований, но не случайно (как это делают те, кто пытается убежать от социума и очень скоро оказывается в тупике), а намеренно, направляя свою изобретательность на самую суть нашего суперплеменного существования.

Учитывая, что каждый член суперплемени волен сам выбирать, как вести борьбу за

стимул, остаётся спросить, почему бы ему почаше не выбирать какое-нибудь изобретательное решение? Имея огромный неиспользованный исследовательский потенциал мозга и опыт изобретательности, полученный ещё в детстве, теоретически он должен отдать предпочтение решению именно этому. В любом процветающем суперплеменном городе все жители должны быть потенциальными «изобретателями». Почему же тогда активно занимаются творчеством из них лишь очень немногие, в то время как остальные удовлетворяются тем, что наслаждаются заимствованными изобретениями, смотря их по телевизору, или же довольствуются тем, что играют в простые игры и занимаются теми видами спорта, где возможность проявить свою изобретательность сильно ограничена? Оказывается, у них есть всё необходимое для того, чтобы стать взрослыми детьми. Суперплемя, подобно гигантскому родителю, защищает их и заботится о них, так почему же не все они проявляют большее и по-детски искреннее любопытство?

Отчасти ответ заключается в том, что дети зависят от взрослых. Животные-вожаки неизбежно пытаются контролировать поведение подчинённых, и как бы сильно взрослые своих детей ни любили, они всё равно видят в них растущую угрозу своему превосходству. Они знают, что с наступлением старости им придётся уступить дорогу, и делают всё что могут, только бы это оттянуть. Таким образом, существует сильная тенденция к подавлению изобретательности у молодых членов общества. Признание ценности их "свежего взгляда" работает против них, да и сама борьба за это признание требует серьёзных усилий. Когда новое поколение достигает момента, позволяющего ему в полной мере проявить свою изобретательность и способность быть "взрослыми детьми", оно уже обременено тяжким ощущением подчинения. Сопrotивляясь этому изо всех сил, оно, в свою очередь, оказывается перед угрозой, которую представляет собой следующее молодое поколение, и тогда процесс подавления повторяется вновь.

Только немногие индивиды, чьё детство было совершенно необычным с этой точки зрения, смогут, будучи взрослыми, достичь высокого творческого уровня. Сколь же необычным должно быть такое детство? Оно должно либо проходить под таким сильным давлением, что взрослеющий ребёнок восстаёт против традиций старших (многие из наших величайших творческих дарований были так называемыми "трудными подростками", либо он не должен чувствовать на себе никакого давления вовсе, а испытывать лишь ощущение того, что тяжёлая подчиняющая рука слегка касается его плеча. Если ребёнка серьёзно наказывать за изобретательность (которая в принципе мятежна уже по своей природе), он может провести всю оставшуюся жизнь, пытаясь наверстать потерянное время. Если же ребёнка за изобретательность поощряют, он может никогда её не потерять, независимо от давления, которое будут оказывать на него в последующие годы. Оба этих типа могут внести большой вклад в развитие общества, но творчество второго, скорее всего, будет меньше страдать от навязчивых ограничений.

Разумеется, наказание и поощрение большинства детей за их изобретательность относительно пропорциональны, и, войдя во взрослую жизнь, эти дети обладают как умеренными творческими способностями, так и умеренной способностью подчиняться: они становятся "взрослыми взрослыми". Они склонны скорее читать газеты, чем попадать на их страницы. Их отношение к "взрослым детям" двойственно: с одной стороны, они аплодируют им за то, что те дают столь необходимые им новшества, но, с другой стороны, они им завидуют. Творческий человек, таким образом, оказывается не только в замешательстве (так как общество его то восхваляет, то прокликает), но и испытывает

постоянные сомнения по поводу своего признания.

Современная система образования сделала значительные шаги в сторону поощрения изобретательности, но ей придётся пройти ещё очень долгий путь, прежде, чем она сможет полностью избавиться от желания подавить творческий дух. Академики старшего возраста неизбежно будут видеть в молодых способных студентах некую угрозу, и, для того, чтобы преодолеть это, учителям потребуется огромное самообладание. Система разработана с тем, чтобы упростить эту задачу, но природа лидера всё усложняет. Принимая во внимание обстоятельства, можно только поражаться тому, что учителям вообще удаётся себя контролировать. Впрочем, между тем, что происходит в школах, и тем, что происходит в университетах, есть некоторая разница. В большинстве школ учителя неприкрыто демонстрируют своё превосходство над учениками, как социальное, так и интеллектуальное. Учитель использует свой более обширный опыт для подавления более развитой изобретательности учеников. Возможно, его мозг стал более заостренным, чем их, но он скрывает этот недостаток, оперируя огромным количеством «неопровержимых» фактов. Дискуссии здесь недопустимы, остаются только указания. (Эта ситуация улучшается, и, безусловно, есть свои исключения, но в общем и целом такая тенденция всё ещё существует.)

В университете всё меняется: здесь имеется гораздо больше фактов, которые следует донести до слушателей, но они уже не столь «неопровержимы». Теперь ожидается, что студент поставит их под сомнение, попытается в них разобраться и, в конце концов, у него появятся собственные новые идеи.

Но на обеих стадиях (будь то школа или университет) есть ещё что-то, не лежащее на поверхности, с поощрением интеллектуального развития практически ничего общего не имеющее, но зато очень сильно связанное с обучением суперплеменной идентичности. Чтобы лучше в этом разобраться, следует взглянуть на то, что происходит в более простых племенных сообществах. Во многих культурах дети, достигшие половой зрелости, должны пройти через впечатляющие обряды инициации. Их забирают у родителей и собирают в группы. Затем они должны пройти суровые испытания, зачастую состоящие из истязаний и нанесения увечий. Это могут быть операции на половых органах или же нанесение ран, ожогов, ударов хлыстом, муравьиные укусы, но в то же время их посвящают в тайны племени. Когда ритуалы завершаются, они становятся взрослыми членами общества.

Прежде, чем мы остановимся на связи этих ритуалов с ритуалами современного образования, важно понять смысл этих двух одинаково пагубных видов деятельности. Во-первых, они изолируют взрослеющего ребёнка от его родителей. Раньше, когда с ним что-то случалось, он всегда мог прибежать к ним и найти поддержку. Теперь впервые ребёнок должен терпеть боль и страх в ситуации, когда позвать на помощь родителей он не может. (Обряды инициации обычно совершаются старейшинами в строгой секретности, остальные члены племени к ним не допускаются.) Это способствует подавлению у ребёнка ощущения зависимости от родителей и переключает его преданность домашнему очагу на преданность всему племенному сообществу в целом. Усиливает этот процесс и тот факт, что одновременно ему раскрывают секреты племени, создавая тем самым основу новой личности, принадлежащей племени. Во-вторых, сила эмоциональных переживаний, сопровождающая посвящение, способствует тому, что учение племени навсегда врежется ребёнку в память. Подобно тому, как мы не можем забыть детали какого-нибудь травматического случая (например, падения с мотоцикла), так и посвящённый в тайну новичок запомнит на всю жизнь секреты, которые открылись ему в тот страшный момент.

Инициация в определённом смысле и положила начало обучению с нанесением увечий. В третьих, молодому взрослому становится совершенно ясно, что, несмотря на его вступление в ряды старших, он всё же исполняет роль подчинённого, а ощущение власти старейшин, которую он почувствовал на себе во время посвящения, надолго врежется в его память.

Современные школы и университеты, может, и не мучают своих студентов муравьиными укусами, но нынешняя система образования имеет поразительное сходство с древними племенными обрядами инициации. Для начала детей забирают у родителей и передают в руки "суперплеменных старейшин", которые посвящают их в «тайны» суперплемени. Во многих странах молодых людей заставляют носить униформу, для того, чтобы обособить их от остальных и усилить преданность. Их также могут поощрять на участие в некоторых ритуалах, таких, например, как пение школьных или университетских гимнов. Суровые испытания племенного обряда инициации больше не оставляют шрамов на теле (шрамы немецких дуэлянтов в моду так и не вошли), но физические испытания, наносящие менее серьёзные увечья, до недавнего времени сохранялись практически повсеместно (по крайней мере, в школах) в виде вдалбливания знаний ремнём. Подобно ритуальным увечьям, наносимым половым органам, эта форма наказания всегда имела некий сексуальный оттенок и не может быть отделена от феномена секса ради статуса. Если жестокие испытания не исходят от учителя, ученики старших классов зачастую берут на себя роль "старейшин племени" и подвергают новичков различным истязаниям собственного изобретения. В одной из школ, например, новички проходят "травяное посвящение": им под одежду запихивают охапки травы. В другой школе они проходят "каменное посвящение": их кладут на огромный камень и как следует отшлёпывают. Ещё в одной из школ новичков заставляют бежать по длинному коридору, по обеим сторонам которого стоят старшие ученики и толкают их, а в другой они проходят "земное посвящение": их держат за руки и за ноги и бьют о землю столько раз, сколько им лет. В качестве альтернативы в тот день, когда новый ученик впервые надевает школьную форму, каждый ученик старших классов может ущипнуть его столько раз, сколько на нём новых предметов одежды. В редких случаях эти испытания разрабатываются гораздо тщательнее и могут в полной мере походить на племенной обряд инициации. И даже сегодня такие действия иногда приводят к смертельному исходу.

В отличие от примитивного племени здесь ничто не может помешать мальчику, подвергающемуся истязаниям, пожаловаться родителям, но этого практически никогда не происходит, так как тем самым мальчик может себя опозорить. Многие родители даже не знают о том, что их дети проходят через тяжкие испытания: практика древних по отчуждению ребёнка от домашнего очага творит свои непостижимые чудеса.

Несмотря на то, что эти неофициальные обряды инициации продолжают кое-где существовать, официальное наказание розгами, применявшееся учителями, благодаря давлению общественного мнения и изменившейся позиции некоторых учителей недавно было отменено.

Но если официальное испытание в виде физического насилия постепенно исчезает, то в виде альтернативы всегда остаётся испытание моральное. В настоящее время практически повсюду в современной системе образования существует одна могущественная и впечатляющая форма суперплеменной церемонии посвящения, известная как экзамены. Они проводятся в строгой и серьёзной ритуальной атмосфере, когда ученики отрезаны от любой помощи извне. Как и в ритуалах племени им никто не может помочь; они должны перенести

все страдания самостоятельно. Они могут пользоваться справочниками или же обсуждать сложную проблему в любой момент, но только не во время закрытых ритуалов ужасных экзаменов. Условия испытания ожесточаются ещё и ограничением во времени и тем, что экзамены по различным предметам проводятся практически одновременно и в очень сжатые сроки — от нескольких дней до нескольких недель. Глобальной целью этих мер является создание немалых моральных мучений, что снова возвращает нас к атмосфере примитивных племенных обрядов инициации.

Когда университетские выпускные экзамены позади, к студентам, успешно прошедшим испытания, начинают относиться как к особым членам взрослой группы суперплемени. Они надевают мантии, специально разработанные для таких случаев, и принимают участие в следующем ритуале, носящем название "церемония присвоения учёной степени", которая проходит в присутствии старейшин-академиков, одетых в мантии, ещё более впечатляющие.

Университетская фаза жизни студента обычно длится не один год, что для обряда инициации можно считать сроком довольно долгим. Для некоторых этот срок становится долгим непереносимо. Изоляция от родительской поддержки и успокаивающей домашней обстановки, а также пугающие требования экзаменационных испытаний зачастую оказываются для молодого человека серьёзным стрессовым фактором. В британских университетах почти двадцать процентов учащихся прибегают к помощи психоаналитика. Для некоторых ситуация становится невыносимой, и тогда совершаются самоубийства, уровень которых в университетах необычайно высок — в три, а иногда и в шесть раз выше среднего у этой же возрастной группы. В университетах Оксфорда и Кеймбриджа уровень самоубийств выше в семь-десять раз.

Совершенно очевидно, что все испытания, упомянутые мною выше, с поощрением и увеличением детской игривости, изобретательности и творчества не имеют ничего общего. Подобно обрядам инициации примитивных племён, они направлены скорее на воспитание суперплеменной личности и в таком случае играют важную связующую роль, но в то же время с творческим развитием этой самой личности их соотносить нельзя.

Одним из оправданий ритуальных испытаний в системе современного образования может служить то, что они гарантируют усвоение студентами огромного количества фактов. Действительно, взрослому человеку (для проявления своей изобретательности) сегодня необходимо владеть детальными знаниями и обладать навыками специалиста, а экзаменационные церемонии исключают мошенничество. Кроме того, можно утверждать, что студентов следует намеренно ставить в стрессовые ситуации для проверки выносливости. Проблемы взрослой жизни связаны со стрессом, и если студент ломается под натиском испытаний в системе образования, можно предположить, что он не вынесет и трудностей, с которыми столкнётся после окончания университета. Эти доказательства кажутся достаточно убедительными, но от ощущения разрушения творческого потенциала под тяжёлой пятой ритуалов системы образования всё же никуда не деться. Нельзя отрицать, что современная система образования значительно продвинулась вперёд, также верно и то, что те, кто пережил её тяготы, получили огромную пищу для дальнейших исследований.

В настоящее время в суперплеменах гораздо больше "взрослых детей", чем когда-либо, и всё же во многих сферах ещё сохраняется тяжёлая атмосфера эмоционального сопротивления радикально новым, творческим идеям. Господствующие личности поощряют незначительную изобретательность, проявляющуюся в форме новых вариаций на старые темы, но оказывают сопротивление той изобретательности, благодаря которой могут быть

раскрыты темы абсолютно новые. В качестве примера: просто поразительно, как мы снова и снова пытаемся усовершенствовать что-то примитивное, например двигатель современных автомобилей. Вероятно, к началу следующего века его будут считать таким же устаревшим, как лошадь или телегу. Мнение о том, что это всего лишь вероятность, а не абсолют, обязано своим существованием тому, что в настоящий момент все лучшие умы в этой области, вместо того, чтобы искать нечто абсолютно новое, полностью поглощены проблемой менее значительных изобретений: как добиться хотя бы малейших улучшений в работе уже существующих механизмов?

Тенденция к недалёковидности, наблюдающаяся в поведении взрослого исследователя, свидетельствует о незащищённости мирно живущего общества. Возможно, по мере нашего продвижения по атомному веку мы достигнем таких вершин суперплеменной защищённости или же коснёмся таких глубин суперплеменной паники, что у нас появится большая тяга к исследованиям, дух творчества проснётся в нас с новой силой и мы станем более изобретательны.

Эта борьба, впрочем, будет нелёгкой, и недавние события в университетах всего мира это лишь подтверждают. Усовершенствованные системы образования уже показали свою эффективность настолько, что многие студенты, прежде чем согласиться, ставят под сомнение всё, что говорят им взрослые. Общество оказалось не готово к такому повороту событий, было застигнуто врасплох. В результате оно приходит в ярость, когда группы студентов начинают выражать бурный протест. Занимающиеся образованием органы власти охватывает ужас: какая неблагодарность, что же не так?

Если быть до конца честным, ответ на этот вопрос найти не так уж сложно: он заключён в официальных доктринах этих же самых органов власти. Как только они встают перед угрозой переворота, им следует задуматься о том, что они сами и были его причиной, они буквально его требовали. "Думайте самостоятельно, — говорили они, — будьте находчивы, будьте активны и изобретательны." И тут же противоречили самим себе, добавляя: "Но делайте всё это, соблюдая наши условия, так, как мы говорим вам, и, помимо всего прочего, следуйте нашим традициям".

Даже для дряхлеющей власти должно быть очевидно, что чем больше будут следовать первому, тем больше будут игнорировать второе. К сожалению, человек обладает удивительной способностью не замечать очевидных вещей, если они не являются хоть сколько-нибудь привлекательными, а именно эта способность и является причиной многих трудностей, имеющих в настоящий момент. Требуя повышенной находчивости и изобретательности, власти не учли силу реакции, и она быстро вышла из-под контроля. Кажется, они не понимали, что поощряют то, что и так имеет сильную биологическую поддержку. Они ошибочно считали находчивость и чувство творческой ответственности качествами, чуждыми мозгу молодого человека, тогда как на самом деле они были в нём скрыты всё время и только ждали момента, когда смогут проявить себя в полной мере.

Как я уже отмечал, старые системы образования сделали всё возможное, чтобы эти качества подавить, требуя жёсткого повиновения правилам, установленным взрослыми. Они стремились к тому, чтобы ученики, подобно попугаям, повторяли вдалбливаемые им догмы. Изобретательности приходилось постоянно вести борьбу за выживание, и поэтому проявлялась она только у некоторых (исключительных) индивидов. Когда ей всё-таки удалось вырваться на поверхность, её ценность для общества была неоспоримой, и это, в конце концов, привело к тому, что сейчас она активно поощряется современной

образовательной системой. Подойдя к этому вопросу рационально, власти поняли, что изобретательность и творчество приносят огромную пользу социальному прогрессу. В то же время глубоко укоренившееся желание этих суперплеменных органов удерживать социальный порядок в тисках своей власти всё ещё существовало, заставляя сопротивляться той тенденции, в поддержку которой они сами же и выступали. Они ещё более рьяно отстаивали свои взгляды, придавая обществу форму, гарантирующую сопротивление тем новым волнам изобретательности, которым сами же и дали волю, — конфликт был неизбежен.

Первоначально власти относились к возрастающему экспериментированию терпимо, как к некоей забаве. Они сохраняли дистанцию, внимательно следя за всё более смелыми нападками молодого поколения на общепринятые традиции в искусстве, литературе, музыке, развлечениях, а также на социальные устои, но, когда эта тенденция стала распространяться на сферы более опасные (такие как политика и международные отношения), их терпению пришёл конец.

Как только отдельные эксцентричные головы превратились в огромную недовольную толпу, власти поспешно прибегли к своему наиболее примитивному способу реагирования — атаке. Вместо привычного терпеливого поглаживания по голове молодой интеллектualan ощутил удар полицейской дубинки. Живые умы, которые общество так заботливо воспитывало, вскоре начали страдать, но не от переутомления, а от силового воздействия.

Мораль для властей очевидна: не давай свободы творчеству, если не ожидаешь, что люди ею воспользуются. Молодой человек — не глупое, ленивое создание, которое нужно подталкивать к творчеству; по сути своей это личность творческая, которая в прошлом лишь казалась ленивой из-за оказываемого на неё давления сверху.

В ответ власти говорят, что инакомыслящие студенты склонны не к позитивным новшествам, а к негативным разрушениям. Однако здесь стоит заметить, что эти два процесса имеют много общего и что одно перерастает в другое только тогда, когда все остальные пути закрыты.

Секрет заключается в создании такой социальной среды, которая прежде всего была бы способна впитать всю поощряемую изобретательность и новизну. Так как суперплемена постоянно увеличиваются в размерах, а в "людском зверинце" становится всё меньше места и всё больше обитателей, требуется тщательное планирование и богатое воображение, и, помимо всего прочего, со стороны политиков, руководителей и градостроителей требуется более глобальное понимание сути биологических потребностей людей, чем то, которое было в недавнем прошлом.

Чем пристальнее мы смотрим на сложившуюся ситуацию, тем лучше понимаем, насколько она тревожна. Исполненные благих намерений реформаторы и организаторы, не покладая рук, работают над тем, что, на их взгляд, является улучшенными жилищными условиями, и при этом не сомневаются в правильности своих действий ни на секунду. Кто станет отрицать необходимость постройки большего числа домов, квартир, больниц, школ или обеспечения большим количеством пищи? А с тем, что все эти новые удобства в той или иной степени похожи друг на друга, ничего не поделаешь: человеческое население растёт очень быстро, и, чтобы эти удобства улучшить, просто не хватает ни времени, ни места. Загвоздка в том, что, пока новые школы переполняются учениками, полными решимости проявить свою изобретательность и всё изменить, наступает необходимость в других новых усовершенствованиях. При этом что-то абсолютно новое становится практически

невозможным. Из-за всевозрастающей и однообразной монотонности эти усовершенствования неизбежно приводят ко всеобщему стремлению прибегнуть к более тривиальным способам борьбы за стимул. Если мы не будем достаточно осторожны, "людской зверинец" вскоре станет напоминать зверинец Викторианской Эпохи, с крошечными клетками, переполненными мечущимися по ним пленниками.

Некоторые фантасты придерживаются в этом отношении взглядов довольно пессимистических. Описывая будущее, они изображают жизнь, где люди становятся всё более и более единообразными, где все усовершенствования практически остановились на мёртвой точке. Все носят одинаковую серую одежду, повсюду царит автоматизация. Если новые изобретения всё же появляются, они служат лишь для того, чтобы ещё сильнее зажать тиски вокруг человеческого мозга.

Можно возразить, что такая картина говорит лишь о недостатке воображения писателей, но на самом деле это не совсем так. До определённой степени они просто преувеличивают тенденцию, которая наблюдается в современных условиях. Это реакция писателей на непрекращающийся рост того, что называется "тюрьмой проектировщика". Проблема такова, что, по мере того, как новые разработки в медицине, гигиене, жилищном строительстве и производстве пищевых продуктов дают возможность эффективно впихнуть всё больше и больше людей в заданное пространство, творческие элементы в обществе всё больше и больше отклоняются от своей цели: от решения проблемы качества — к проблеме количества. Пальма первенства отдаётся тем изобретениям, которые допускают дальнейший рост повторяющейся посредственности; стимулирующей гетерогенности предпочитают рациональную гомогенность.

Как сказал один из мятежных проектировщиков, прямая дорожка между двумя зданиями может быть наиболее эффективным (и самым дешёвым) решением, но это вовсе не означает, что это — самая лучшая дорожка с точки зрения удовлетворения потребностей человека. Человеку необходима некая область пространства для жизни, которая обладает уникальными чертами, неожиданностями, причудливыми вещами, достопримечательностями и отличительными особенностями в архитектуре. Без всего этого пространство не имеет никакого значения. Абсолютно симметричные, правильной формы модели хороши для сооружения крыш или для блоков массового производства, предназначенных для постройки домов, но использование подобных моделей в ландшафте полностью противоречит человеческой природе. Почему так приятно бродить по извилистой загородной дорожке? Почему дети предпочитают играть на мусорных свалках или в заброшенных зданиях, а не на безукоризненно чистых, с выдержанными геометрическими пропорциями детских площадках? Существующая в настоящее время тенденция к простоте дизайна может легко выйти из-под контроля и использоваться как оправдание недостатка воображения. Постройки, представляющие минимальную эстетическую ценность, вызывают положительные эмоции только в контрасте с другими, более сложными строениями. Когда же они начинают доминировать, результат может быть крайне опасным. Современная архитектура, создаваемая проектировщиками "людского зверинца", уже в течение некоторого времени придерживается именно этого курса. Реакцией на жилищные потребности быстро растущего суперплеменного населения стало появление во многих городах огромных высотных домов, состоящих из одинаковых, унифицированных блочных квартир. Оправданием этому может служить снос старых трущоб, но в результате получается, что, как правило, на их месте воздвигается то, что в ближайшем будущем превратится в

супертрущобы. В определённом смысле это даже хуже чем ничего, так как, создавая обманчивое впечатление прогресса, эти строения дают некое чувство удовлетворения и тем самым не оставляют ни малейшего шанса на реальное улучшение.

Наиболее прогрессивные зоопарки избавляются от старых клеток для обезьян: директора, увидев происходящее с их обитателями, поняли, что отделка стен плиткой и улучшение дренажной системы ситуацию не спасут. Власти "людских зверинцев", вставшие перед проблемой растущего как грибы населения, столь дальновидны не были. Последствия их экспериментов со сверхплотной унификацией теперь разбираются в судах по делам несовершеннолетних и в кабинетах психиатров. В некоторых жилых массивах будущим жителям верхних этажей перед заселением настоятельно рекомендуют пройти осмотр у психиатра, чтобы тот сделал заключение об их способности выдержать напряжение, связанное с новым образом жизни.

Этот факт уже сам по себе должен быть достаточным предупреждением для архитекторов, открывая перед ними всю чудовищность их недалёковидности, но пока они, по всей вероятности, не придают этим предупреждающим сигналам ни малейшего значения. Сталкиваясь с недостатками своих деяний, они говорят, что у них не было выбора: людей становится всё больше и больше, и всех необходимо обеспечить жильём. Но какую-то альтернативу всё же нужно найти, вся природа городских комплексов требует пересмотра. Изнурённым жителям "людского зверинца" следует вернуть чувство социальной индивидуальности деревенского сообщества. Факт, которым, кажется, умышленно пренебрегают проектировщики, заключается в том, что настоящая деревня при взгляде сверху выглядит органично, а не как некая геометрическая фигура, созданная при помощи точных расчётов. Им не удалось учесть основополагающие потребности территориального поведения человека: дома и улицы существуют не для того, чтобы на них смотреть как на что-то детально спроектированное, а для того, чтобы по ним передвигаться. Архитектурная среда ежесекундно, ежеминутно должна оказывать своё влияние, по мере того как мы движемся своими территориальными путями, а модель — плавно изменяться с каждым новым углом зрения. Когда мы поворачиваем за угол или открываем дверь, последнее, чего хочет наше навигационное чувство, — это столкнуться с конфигурацией пространства, которая лишь дублирует обстановку, только что нами покинутую. А зачастую именно так и происходит, потому что вместо того, чтобы попытаться представить себя в виде маленького движущегося объекта, путешествующего внутри, архитектор-проектировщик лишь сверху взглянул на свою чертежную доску, подобно пилоту бомбардировщика, бросившему беглый взгляд на цель.

Эти проблемы монотонности и унификации затрагивают, безусловно, практически все аспекты современной жизни. По мере того, как среда "людского зверинца" становится всё более сложной, ежедневно растут и опасности, связанные с большим социальным единообразием. Пока организаторы борются за то, чтобы заключить человеческое поведение во всё более и более жёсткие рамки, некоторые другие тенденции развиваются в направлении обратном. Как мы уже видели, постоянно улучшающаяся система образования молодых людей и растущий достаток старшего поколения приводят к потребности во всё большем и большем количестве стимулов, приключений, волнений и экспериментов. Если современному миру не удастся дать этим тенденциям свободу, завтрашние члены суперплемени будут изо всех сил стараться изменить мир. У них будет и навык, и время, и энергия для того, чтобы сделать это, и так или иначе им это удастся. Если они почувствуют

себя заключёнными в тюрьму архитектора, они поднимут бунт. Если среда будет препятствовать творческим новациям, они разрушат её для того, чтобы построить заново. Это одна из наиболее серьёзных дилемм, с которыми сталкивается наше общество, и в будущем эту труднейшую задачу нам предстоит решать.

К сожалению, мы склонны забывать, что, несмотря ни на что, всё же являемся животными, обладающими и слабыми, и сильными качествами. Мы думаем о себе как о чистом листе, на котором можно написать всё что угодно, но это не так. Мы приходим в этот мир с набором основных инструкций, но на свой страх и риск игнорируем их или просто не соблюдаем.

Политики, руководители и другие лидеры суперплемени могут быть гениями социальных наук, но этого недостаточно. В мире, который в будущем, вероятнее всего, будет ещё перенаселённое, они должны стать ещё и хорошими биологами, так как среди всех этих контролируемых ими проводов, кабелей, пластика, бетона, кирпича, металла и стекла есть животное — человек, примитивный племенной охотник, притворяющийся цивилизованным, суперплеменной житель, который отчаянно пытается сопоставить свои врождённые качества с необычной и новой ситуацией. Если ему дать шанс, он, вероятно, сможет превратить "людской зверинец" в великолепный парк для человеческих игр. Если этого шанса не дать, "людской зверинец" может превратиться в гигантский сумасшедший дом.

Нам, сегодняшним членам суперплемени, было бы интересно посмотреть, что же произойдёт, а вот у наших детей это вряд ли будет вызывать столь сильный интерес. К тому моменту, когда им придётся нести ответственность за сложившуюся ситуацию, перед человеческим родом, вне всяких сомнений, будут стоять такие сложные проблемы, что решение их, скорее всего, будет уже вопросом жизни и смерти.